

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ
«ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»

Под редакцией В. А. Божанова, Д. Н. Хромченко

Минск
БНТУ
2012

УДК 378.62 (476) (091) (082)

ББК 74.58я5

С 23

Рецензенты:

Е.А. Гребень, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории
Белорусского государственного аграрно-технического университета;

А.А. Киселев, канд. ист. наук, доцент кафедры социальных наук
УО «Военная академия Республики Беларусь»

В сборнике статей сотрудников Белорусского национального технического университета излагаются материалы, освещающие актуальные проблемы и малоисследованные страницы истории, культуры Беларуси.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Отечества, преподавателей, аспирантов и студентов.

ISBN 978-985-525-988-7

© Белорусский национальный
технический университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Божанов В.А.</i>	
Метаморфозы белорусской государственности.....	7
<i>Щавлинский Н.Б.</i>	
Белорусские организации в Одессе на первоначальном этапе своей деятельности (конец 1917 – начало 1918 гг.)....	20
<i>Рабышка В.Э.</i>	
Культурна-асветніцкі рух і яго ўплыў на этнакультурную самаідэнтыфікацыю насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг. XX ст.....	30
<i>Беляев А.В.</i>	
Национальный аспект формирования органов местной коллаборационистской администрации в Беларуси в годы немецкой оккупации (1941–1944 гг.).....	38
<i>Лойка Т.В.</i>	
Гістарычныя карані беларускай дыяспары.....	50
<i>Давидович А.В., Корнеенкова И.А.</i>	
Формирование белорусского музея: от Радивиллов к Тышкевичам (XVI – XIX вв.).....	61
<i>Дубовік А.А.</i>	
Прафесійныя арганізацыі тэхнічнай інтэлігенцыі савецкай Беларусі (1920–1930-я гг. XX ст.).....	75
<i>Дубовік А.К.</i>	
Распаўсюджванне асветніцкіх ідэй і навуковае вывучэнне Усходняй Беларусі ў канцы XVIII ст.....	85
<i>Шибалко В.В.</i>	
Завершающий удар по врагу был нанесен в Беларуси (к 200-летию войны 1812 г.).....	95
<i>Хромченко Д.Н.</i>	
Несостоявшийся «Бобровский котел».....	104
<i>Лепеш А.В.</i>	
“Беларускі скарб” Напалеона: міф ці рэальнасць.....	118
<i>Рогач С.А.</i>	
Конструирование национально-исторических мифов (на примере исторических трудов М. Довнар-Запольского)....	128

<i>Багдановіч А.І.</i>	
Рэфарматарская дзейнасць Паўла І.....	145
<i>Арбузаў А.Ц.</i>	
Ермаловіч М.І. – шукальнік праўды на шляху Беларусі....	154
<i>Баландзін К.І., Арбузаў А.Ц., Шыбалка В.В.</i>	
Барыс Кіт – славетны сын беларускай зямлі.....	162
<i>Киселева С.А.</i>	
Хранітель музыкі народа	
(к 120-летию со дня рождения Г.Р. Ширмы).....	177
<i>Млечко Е.Н.</i>	
Механизмы власти в педагогическом дискурсе высшей	
школы: гендерный аспект.....	189
<i>Лепеш О.В., Рабышко О.Э.</i>	
Модульно-рейтинговая система оценки качества	
обучения студентов в высших учебных заведениях	
в условиях продуктивного образовательного процесса....	199
<i>Кедрик Т.В.</i>	
Современное искусство и культурный активизм	
практики взаимодействия.....	211
<i>Якубінская А. Дз.</i>	
Роля традыцыйных спосабаў і сродкаў забяспячэння	
здараўя дзяцей у сучаснай беларускай сям’і.....	223

Предисловие

Жизнь всегда будет опережать наши размышления о ней. «Теория, брат, суха, но вечно зелено древо жизни», – поучал незадачливого мыслителя Мефистофель. Действительно, жизнь – это феномен мироздания. Однако фактом является и то, что человек по той же природе заряжен на вечный поиск разгадки его тайны. Вечный поиск тайны бытия освещает жизнь человеческую ярким светом познания, открытий, понимания. Бездна непознанного уже его не пугает, потому что познавательная способность человека явно прогрессирует.

История и культура – это прошлое людей. Но прошлое лишь в том смысле, что они возникли давно и развивались на всем предшествующем временном пространстве. История и культура современности живут в нашем мышлении, поведении, фундаментальных ценностях, в мире материи и в мире идеалов. Именно осмысление своей жизни делает человека человеком. Вы посмотрите, сколь бережно относятся к реликвиям прошлого и люди племенной организации своей жизни, и современные суперразвитые общества. Нам интересно все: и история своего рода, и своего города, страны, и роденовский мыслитель, и вьетнамские пагоды, и Акрополь, и изображения африканских идолов, и мечеть, и церковь, и небоскребы США, и Ниагарский водопад, и бесчисленное множество всего, что хочется увидеть, потрогать, услышать, воспринять душой.

Мы предлагаем читателям небольшой экскурс в тот мир истории, политики и культуры, который является частью нашего профессионального интереса, преподавательской работы и, как ее официально квалифицируют, «второй частью рабочего дня», то есть, индивидуального научного поиска. Сборник не носит тематической направленности. Историки, политологи, культурологи представили некоторые свои научные наработки и, может быть, такая мозаика жизни тоже по своему будет нашему читателю интересна. Широкомасштабные события часто имеют устойчивую модель объяснения. Но когда вникаешь в отдельные явления, детализируешь тот или иной процесс, то обнаруживаются удивительные неоднозначности, т.н. «белые пятна», противоречия и т.д. В данном сборнике приняты попытки найти, исследовать и представить общественно-

сти некоторые подробности, например, складывания белорусской государственности, эпизоды наполеоновского нашествия 1812 г., а то и новое понимание, например, царствования в России Павла I, культурной жизни отдаленного и сравнительно недавнего прошлого, представлена небольшая галерея видных представителей белорусского народа и т.д.

Данный сборник является ежегодным, уже третьим изданием кафедры. Мы открыты к сотрудничеству и готовы рассматривать интересные материалы в заданной гуманитарной тематике для их публикации.

От редакторов:

Божанов В.А., доктор исторических наук, профессор
Хромченко Д.Н., кандидат исторических наук, доцент

Метаморфозы белорусской государственности

В.А. Божанов, д-р ист. наук, профессор

1. Национальная или классовая государственность?

Не решив ни одной насущной проблемы страны (продолжение мировой войны «до победного конца», неспособность передать крестьянам землю, галопирующая инфляция, безработица, обнищание населения), Временное буржуазное правительство в считанные месяцы не только потеряло авторитет среди населения России, но и вызвало к себе ненависть со стороны различных социальных слоев страны. Особенно радикальные настроения, перерастающие в революционный натиск, складывались среди солдат на фронте. Российская социал-демократическая партия большевиков под руководством В.И. Ленина сумела понять и выразить эти настроения, вследствие чего оказалась в числе авторитетных политических сил России. Это наглядно выразилось в значительном усилении к осени 1917 г. влияния большевиков в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и создании на промышленных предприятиях вооруженных отрядов Красной гвардии.

На 25 октября (по старому стилю) 1917 г. был назначен II съезд Советов. Под влиянием В.И. Ленина ЦК большевиков посчитал это событие благоприятным для взятия власти в России. Используя момент максимальной растерянности Временного правительства, отсутствия поддержки ему со стороны фронтовых частей, большевики по четко разработанному плану быстро и практически бескровно в ночь с 24 на 25 октября штурмом взяли правительственную резиденцию – Зимний дворец и арестовали Временное правительство. Утром 25 октября съезд Советов был поставлен перед фактом решения вопроса о власти. Делегаты легитимизировали большевистский переворот и придали ему советскую форму: было принято постановление о переходе власти к Советам, избран Центральный Исполнительный Комитет, утверждено правительство из числа большевиков во главе с В.И. Лениным – Совет Народных Комиссаров. Съезд принял декреты о мире и о земле, которые обеспечили широкую поддержку населением новой власти. В течение нескольких месяцев Советская власть утвердилась по всей России.

В тот же день, 25 октября 1917 г., Минский Совет рабочих и солдатских депутатов в приказе № 1 объявил о взятии власти в городе и окрестностях [1, с. 190]. В ноябре 1917 г. состоялись три съезда Советов: съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, третий съезд Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, второй съезд армий Западного фронта. Они избрали Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облисполкомзап) и его исполнительный орган – областной Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта. Этим же решением был утвержден административно-хозяйственный статус Беларуси как Западной области в пределах Советской России [2, с. 189-190].

В то же время, как отмечает Всеволод Игнатовский, в Беларуси Октябрьская революция, решив социальный вопрос, должна была столкнуться и столкнулась с национальным вопросом [3, с. 177]. Национальную позицию занял Всебелорусский съезд, который собрался в декабре 1917 г. В принятом постановлении отмечалось: «закрепив свое право на самоопределение, провозглашенное Российской революцией, и подтверждая демократический республиканский строй в пределах Белорусской земли» для сохранения целостности Беларуси в составе Российской федеративной демократической республики съезд постановил: выдвинуть из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, которому вручить руководство Беларусью вплоть до созыва Белорусского Учредительного Собрания [цит. по: 4, с. 189]. Местную Советскую власть в лице Областного исполнительного комитета Западного фронта и его комиссаров съезд, таким образом, не признал. В ответ Облисполкомзап объявил работу Всебелорусского съезда прекращенной. Таким образом, замечает В. Игнатовский, национальное движение в Беларуси оторвалось от социальной революции. Белорусские большевики категорически стояли на позиции того, что всякое национальное движение является буржуазным. Объективная демократическая тенденция в тех конкретных исторических условиях не была осмыслена большевиками Северо-Западного комитета РСДРП и Облисполкомзапа [5, с. 344].

Авторы коллективной монографии Института истории НАН Беларуси, посвященной истории белорусской государственности, считают, что объективных причин для разгона съезда у руководства Облсполкомзапа и Совнаркома Западной области и фронта не было [4, с. 348]. Они ссылаются на мнение непосредственных участников тех событий А. Червякова, З. Жилуновича, И. Дыла и даже В. Кнорина, которые позже высказали свое сомнение в необходимости проведения этой акции. Последние считали, что, опираясь на левое крыло съезда и повлияв на тех, кто колеблется, можно было сдержать правых и найти компромиссное решение с существующей в стране властью. Таким образом, делают вывод авторы монографии, I Всебелорусский съезд стал неординарным событием для белорусского народа. Впервые в новейшей истории Беларуси он засвидетельствовал о начале усвоения белорусским обществом его государственно-политических интересов и превращении белорусского вопроса в самостоятельный политический фактор. Разгон съезда означал, что дальнейший поиск компромиссного разрешения вопроса государственно-политического самоопределения Беларуси между национально-демократическими силами и существующими органами советской власти был невозможен [4, с. 351].

Часть делегатов преобразовала президиум съезда в Совет съезда, избрала его исполком. Исполнительному Комитету Совета 1-го Всебелорусского съезда было поручено заняться белорусизацией Советов на местах и взять власть в Беларуси в свои руки, когда для этого будут благоприятные обстоятельства. В это время в результате сорванных мирных переговоров между Германией и Советской Россией немецкие войска перешли в наступление и 21 февраля были уже в Минске. В этот же день Исполком Всебелорусского съезда поспешил воспользоваться ситуацией и издал Первую Уставную грамоту к народам Беларуси, объявил себя временной властью в Беларуси и сформировал правительство – Народный Секретариат Беларуси во главе с И. Воронком, в состав которого вошли представители Белорусской социалистической громады, эсеров, сионистов-социалистов. Народный секретариат высказал признание и лояльность к немецкой военной администрации.

3 марта 1918 г. правительство Советской России заключило мирное соглашение с Германией. Откупной ценой для России в

этом соглашении стали белорусские земли западнее линии Двинск – Свентяны – Лида – Пружаны – Берестье, попавшие под немецкую юрисдикцию. Договаривающиеся стороны грубо попрали интересы белорусского народа, сделали белорусские земли предметом произвольного манипулирования в своих интересах. Ответом на столь оскорбительное отношение к Беларуси стало принятие 9 марта 1918 г. Исполкомом Всебелорусского съезда 2-й Уставной грамоты. Беларусь объявлялась Народной Республикой в границах расселения и количественного преобладания белорусского населения. Однако Вторая Уставная грамота, которая объявила о создании БНР, ничего не сказала о ее суверенитете, территории и отношениях с соседними странами. К тому же нависла угроза нового раздела белорусских земель, теперь уже в результате сговора между Германией и Польшей. Газета «Гоман» с обидой и возмущением писала в то время: «Нас режут вновь и вновь – по берестейскому договору, по новой оккупации, по последнему дополнительному условию, по, возможно, новому. Нет слов: Беларусь, попав в сферу интересов Неметчины и России, может надеяться получить независимость только тогда, если бы это сошлось с интересами этих держав, или, может быть, если бы того захотела сторона, которая имеет возможность диктовать свои условия. В этот момент положение сложилось для нас непредсказуемо» [цит. по: 4, с. 193].

25 марта 1918 г. была принята Третья Уставная грамота. Этим документом Белорусская Народная Республика объявлялась независимым и свободным государством. Народному Секретариату поручалось обратиться к заинтересованным сторонам с предложением пересмотреть условия Брестского мира. Только независимое государство могло на законной основе потребовать вывода иностранных войск со своей территории, возвращения отобранных земель. В течение всего 1918 г. Рада БНР настойчиво пробовала добиться от немецкого правительства признания государственной независимости. Правительство Советской России, как, кстати, и Германское правительство, несмотря на объявленные декларации, стремились реализовать в первую очередь собственные геополитические интересы. Их менее всего беспокоили интересы белорусского народа. К тому же БНР была объявлена на территории, где вся власть принадлежала немецкой оккупационной администрации. Но беспорным

остается то, что самим фактом создания БНР вопрос о праве белорусской нации на самоопределение был поставлен в плоскость практической реализации. Это была первая попытка возродить национальную государственность на белорусской земле, что принципиально повлияло на положительное решение российских большевиков о создании белорусского государства. После ухода немцев территория была занята Красной Армией, правительство БНР вынуждено было эмигрировать на Запад.

Следует отметить, что даже при минимальных возможностях БНР оказала заметное влияние на развитие просвещения и культуры на оккупированных землях Беларуси [2, с. 196]. По приблизительным данным, здесь работало от 150 до 350 белорусских школ. Подготовка учителей велась в Свислочской семинарии и Минском пединституте. В апреле 1918 г. была основана Минская высшая музыкальная школа, которая вскоре преобразовалась в Белорусскую консерваторию. В апреле 1918 г. создана подготовительная комиссия для открытия Белорусского университета в Минске, в которую вошли А. Смолич, М. Довнар-Запольский, Я. Карский и др. По инициативе И. Луцкевича в 1918 г. было создано первое белорусское научное учреждение – Белорусское научное товарищество в Вильно. Издавались белорусские книги, журналы и газеты.

В условиях немецкой оккупации Рада БНР и Народный Секретариат являлись, по существу, единым политическим центром в Беларуси, который активно действовал, пробовал защищать интересы белорусского населения на международной арене, насколько это было возможно. Вместе с тем, в условиях немецкой оккупации наполнить реальным содержанием объявленную независимость было невозможно. БНР в 1918 г. так и не стала полнокровным субъектом международных отношений [4, с. 195].

Комиссия ВЦИК РСФСР предложила создать Западную область (Западную коммуну) в составе Смоленской, Витебской, Могилевской, Черниговской, Минской, Виленской и Ковенской губерний с областным центром в Минске. На таких позициях стояло и руководство Северо-Западного обкома РКП(б), облисполкома и СНК Западной области и фронта. Они считали Беларусь территориальной единицей РСФСР. Их взгляды формировались под влиянием идеи мировой социалистической революции и в самоопределении наро-

дов, образовании национальных государств, границах они видели препятствие на пути к ней. Они аргументировали это тем, что белорусы якобы не являются самостоятельной нацией, поэтому принцип самоопределения им не подходит.

Другую позицию занял Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), созданный 31 января 1918 г. как структурное подразделение Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Руководители Белнацкома А. Червяков, Д. Жилунович и другие считали необходимым создание Белорусской Советской Республики. 21-23 декабря 1918 г. в Москве состоялась I конференция белорусских секций РКП(б), которая признала необходимым провозглашение Белорусской советской республики и создание Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси. В этой связи 24 декабря ЦК РКП(б) принял решение о провозглашении Белорусской советской республики. Активность деятелей Белнацкома и белорусских секций РКП(б) во главе с Д.Ф. Жилуновичем стала одним из факторов, повлиявших на изменение позиции ЦК РКП(б) в белорусском вопросе. 30 декабря 1918 г. в Смоленске начала работу VI Северо-Западная конференция РКП(б). Она объявила себя I съездом Коммунистической партии большевиков Беларуси. В ночь с 1 на 2 января 1919 г. был подписан Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси, согласно которому провозглашалась Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ). Сформировано правительство, которое возглавил Д.Ф. Жилунович. 3 февраля была принята Конституция страны.

В провозглашенную республику были включены пять губерний, однако вскоре три губернии отошли к России и Беларусь осталась в пределах Мицкой и Гродненской губерний. С уходом немецких оккупантов с территории Беларуси (в связи с революцией в Германии) агрессивные намерения проявила Польша. Ее правящие круги намеревались воссоздать Великую Польшу в границах Речи Посполитой 1772 г. Первые бои в феврале 1919 г. с красноармейскими частями Советской России позволили полякам перейти в наступление. В этих условиях Первый съезд Советов Беларуси (2-3 февраля) и Первый съезд Советов Литвы (18-19 февраля) приняли Декларации о слиянии республик. 27 февраля 1919 г. в Вильне состоялось

объединенное заседание центральных исполнительных комитетов Беларуси и Литвы. На нем было провозглашено образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбела) со столицей в Вильно. Совет Народных Комиссаров ЛБССР возглавил В. Мицквичюс-Капсукас, а объединенный ЦИК – К.Г. Циховский. Территория Литбела первоначально охватывала Виленскую и Минскую губернии, а также часть Ковенской и Гродненской губерний. Однако уже 19 апреля 1919 г. польские части заняли Вильно, 8 августа – Минск. На этом история Литбела фактически прекратилась.

Во время советско-польской войны Беларусь стала объектом территориальных претензий сразу четырех государств – Советской России, Польши, Литвы и Латвии. При этом дележ происходил без участия белорусов, с опорой на силу, военно-стратегическое преимущество. Так, заключая 12 июля 1920 г. мирный договор с Литвой – потенциальным союзником Польши в войне, Советская Россия, чувствуя недостаток сил и стремясь обезопасить себя перед решающим наступлением на Польшу, была готова удовлетворить территориальные запросы Литвы. Советская Россия уступила Литве значительную часть Гродненщины и Виленщины. Передавались Гродно, Лида, Ошмяны, Поставы и др. города и местечки. За Литвой оставались Браславские озера и озеро Нарочь.

Особенности послевоенной ситуации в Беларуси были связаны с тем, что за годы Первой мировой войны, германской и польской интервенции хозяйство Беларуси было почти полностью разрушено. Серьезными оказались территориальные потери Беларуси. По Рижскому мирному договору Россия «отписала» Польше почти половину территории Беларуси – около 100 тыс. кв. км с населением более трех миллионов человек.

Июльское 1920 г. наступление Красной Армии принесло освобождение всей территории Беларуси от польской оккупации. По поводу возрождения белорусской государственности возникли разногласия. Одни (члены ЦК КП(б) Литвы и Беларуси В. Кнорин, Р. Пикель, И. Рейнгольд и др.) предлагали культурно-национальную автономию в границах Минской губернии как составную часть Российской Федерации. Другие члены ЦК КП(б) Литвы и Беларуси во главе с А. Червяковым настаивали, чтобы ЦК РКП(б) признал необ-

ходимым восстановление Беларуси на советской основе. Вторая позиция победила. В результате 31 июля 1920 г. на совместном заседании Белвоенревкома, ЦК КП(б) Литвы и Беларуси, профсоюзов, Бунда была принята «Декларация об объявлении независимости Советской Социалистической Республики Беларусь». В ней устанавливалось, что всю власть на территории Беларуси сосредотачивает в своих руках Военно-революционный комитет. Позже предполагалось созвать Всебелорусский съезд Советов для окончательного решения вопроса о власти. Однако три белорусские губернии РСФСР аннексировала в свой территориальный состав. И лишь шесть уездов Минской губернии – Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, частично Минский и Слуцкий – вошли в провозглашенную 31 июля 1920 г. во второй раз ССРБ, что было закреплено и в мирном договоре между Россией и Польшей (без участия представителей Беларуси) 18 марта 1921 г. Ее территория составляла теперь 52,4 тыс. кв. км, а население – 1,54 млн. чел. Западной Беларусь (Виленщина, Гродненщина и часть Минщины) по договору отошла к Польше. Во время польско-русских переговоров туда приехали и представители белорусов: с одной стороны, – правительства Белорусской Народной Республики, с другой – Советской Беларуси. Как известно, ни одни, ни другие на переговоры допущены не были [6]. «Наша ніва» писала в то время с горечью, что «калі мы не зможам зрабіць Беларусь беларускай, то маскалі будуць заўсёды старацца зрабіць яе маскоўскай, палякі – польскай, літвіны – літоўскай як па культуры і духу, так і па мове» [7].

Попытки части населения и политических сил выступить за утверждение независимой от России Беларуси в ее этнографических границах успехом не увенчались.

2. Государственность: демократия или диктатура

В первую очередь необходимо было воссоздать территорию Беларуси в ее естественных этнических границах. Проще, казалось, это можно было сделать, присоединив восточные белорусские земли, перешедшие под юрисдикцию Советской России. Однако, как заметил В. Игнатовский, три года «маленькай Савецкай Беларусі трэба было правяцьці падрыхтоўчую працу, каб здужыць абслугоўваць тыя беларускія тэрыторыі, якія часова абслугоўваліся Савецкай Расіяй» [3, с. 180]. Во-первых, само население не проявляло

инициативы в этом процессе. Во-вторых, сложность возвращения заключалась также и в проблеме самоидентификации значительной части белорусского населения. В-третьих, это затрагивало интересы значительной части партийных и советских работников Гомеля и Витебска. В таких условиях только целенаправленная деятельность национально ориентированной части руководства страны позволила решить проблему возвращения этнических территорий.

В целях ускорения решения «белорусского вопроса» руководство БССР успешно использовало внешнеполитический «польский фактор», акцентируя внимание на отрицательном отношении руководства Польши к практическому решению проблемы национальных меньшинств в государстве. В результате двукратного расширения территории в 1924 и 1926 гг. к БССР вернулись восемь уездов Витебской и восемь уездов Гомельской губерний. На начало 1927 г. территория БССР по сравнению с 1921 г. увеличилась в 2,4 раза и достигла 125 950 кв. км. Население выросло в 3,2 раза и насчитывало около 5 млн. человек. Почти 80% из них составляли белорусы. Фактически половина белорусского этноса стала проживать в Советской Беларуси.

Укрупнение БССР вызвало изменения в административно-территориальном делении, что было закреплено в Конституции БССР 1927 г. Согласно Конституции, политической основой БССР являлись Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которым принадлежала вся власть в БССР.

Советская общественно-политическая система в годы проведения новой экономической политики характеризовалась укреплением однопартийной политической системы и постепенным прекращением деятельности политических организаций, которые противостояли большевикам. Советы депутатов, Коммунистический союз молодежи Беларуси, профсоюзы рассматривались Коммунистической партией (большевиков) Беларуси в качестве проводников ее идей среди населения.

В 1923 г. была провозглашена амнистия белорусским политическим деятелям и деятелям культуры, которые не принимали участия в вооруженной борьбе против Советской власти. Многие из них вернулись из-за границы. На Берлинской конференции в 1925 г. большинство руководителей Белорусской Народной Республики

признали Советскую Беларусь и объявили о роспуске своих политических центров.

Постепенно к концу 1920-х гг. начинает устанавливаться полный контроль государства над всеми сферами жизни общества. Такой общественно-политической системе было свойственно наличие всеобщей обязательной для всех государственной идеологии, т.е. системы взглядов, при которой в качестве главного провозглашался классовый подход в строительстве нового общественного строя – социализма.

После окончания гражданской войны Советское государство оказалось в кризисном состоянии. Перспективы мировой революции становились все более призрачными. Страна оказалась в политической изоляции. Правящая партия теряла доверие масс. Результатом политического и социально-экономического кризиса стало увеличение числа вооруженных выступлений против Советской власти и ее политики «военного коммунизма». Быстро росло недоверие к Советской власти.

Очень тяжелым было положение в Беларуси. Экономика республики была разрушена. Из 715 промышленных предприятий после войны осталось 235. Посевные площади сократились на 36,5%, снизилась урожайность, уменьшилось поголовье скота. Не хватало хлеба, товаров народного потребления. Усилились массовый политический и криминальный бандитизм, воровство. Широко распространились нелегальные (контрабандные) отношения с приграничными районами Польши, Латвии, Литвы. Требовала решения проблема беженцев.

Руководство большевистской партии стало перед выбором: или идти на новую гражданскую войну, которую в данных условиях оно выиграть не могло, или признать свои ошибки и пойти на отмену военного коммунизма, предложив радикальную программу преодоления кризиса. Был избран второй путь. Новая экономическая политика (НЭП) была принята на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. В. Ленин попытался радикально изменить политику большевиков в направлении от воинственной борьбы за власть в ходе гражданской войны и иностранной интервенции к решению проблем управления страной по налаживанию хозяйственного организма. Он настойчиво твердил своим соратникам, что «вся загвоздка не в политической

власти», а в умении наладить непрерывную хозяйственную работу. В.И. Ленин требовал переноса центра тяжести с политической борьбы, революции, завоевания власти на мирную организационную «культурную» работу [8, с. 350-351, 376].

Суть новой экономической политики состояла в расширении экономических свобод: замена продразверстки продналогом, разрешение частной торговли, мелких капиталистических предприятий, допущение государственного капитализма в виде концессий, аренды мелких промышленных предприятий и земли под контролем государства; перевод государственной промышленности на хозрасчет и т.д. С введением новой экономической политики страна начала подниматься из развалин военного коммунизма. Оживилась хозяйственная жизнь. По свидетельству очевидцев, белая мука, туалетное мыло, прочные ботинки перестали быть только мечтой.

Крестьяне получили право распоряжаться своей продукцией, которая оставалась после уплаты налогов. Учитывая размеры продразверстки, на территории Беларуси продналог был установлен вдвое большим. Для сбора налогов был сформирован штат уполномоченных. На каждый уезд были созданы по две специальные выездные сессии ревтрибунала, которые судили неплательщиков на месте. Приговоры были суровыми, вплоть до 3-х лет тюрьмы и конфискации имущества.

1 августа 1922 г. вводился единый натуральный налог. Вместо 18 видов продовольствия новый налог должен был сдаваться шестью основными продуктами. В этом же году вводились денежные налоги, которые составляли 21% от натурального. На начало 1923 г. вводился единый сельхозналог, который выплачивался частично продуктами, частично – деньгами. С 1 января 1924 г. налог взимался только червонцами в размере 5% прибыли с хозяйства.

Введение новой экономической политики в Беларуси совпало по времени с передачей земли крестьянам. В 1921 г. крестьянство увеличило свое землепользование на 11,4%. В сентябре 1922 г. Президиум ЦИК БССР принял закон о «Трудовом землепользовании», который провозгласил свободу выбора форм землепользования. Законными признавались артели, частные владения в виде отрубов и хуторов. Разрешалась сдача земли в аренду и использование наемного труда, поощрялось развитие кооперации. За 1923-1928 гг. в

Беларуси на хутора вышло 25% крестьянских хозяйств. Аренда в сельском хозяйстве Беларуси не получила широкого распространения. В 1925 г. арендой пользовались 7,7%, в 1927 – 11% крестьян. В 1929 г. в сельском хозяйстве работало 81,1 тыс. наемных работников. Быстро росла кооперация. В 1929 г. насчитывалось 3348 товариществ: мелиоративных, семеноводческих, машинных, кредитных и др. Потребительской кооперацией было охвачено 30% населения. Шел процесс сокращения коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по совместной обработке земли. Если в 1921 г. на территории Беларуси насчитывалось 710 коллективных хозяйств, то в 1925 г. их осталось 433, в основном созданных на площадях земельного фонда. До 1927 г. сельское хозяйство БССР было восстановлено.

В годы новой экономической политики существовала частная, кооперативная и государственная торговля. В 1922-1923 гг. в Беларуси частникам принадлежало 90% торговых предприятий и 85% оборота. Внешняя торговля осуществлялась через комиссариат внешней торговли РСФСР. Сложилась сеть кредитных учреждений. В нее вошли Госбанк в Минске и 9 филиалов в окружных центрах, Белорусская контора Промбанка в Минске, а также специализированные, коммерческие и др. банки.

С отменой декрета о национализации всей промышленности осуществлялась денационализация мелкой и части средней промышленности и возвращение ее бывшим владельцам. Около 300 предприятий было отдано в аренду. При этом каждый гражданин мог сам организовать промышленное производство с наймом рабочих: до 10 при наличии двигателя, до 20 без двигателя. Были сняты ограничения на их деятельность и даны права юридических лиц [2, с. 215].

Новые хозяйственные отношения потребовали денежной формы. В 1922 г. выпускается новая денежная купюра – советский червонец. Червонец обменивался на золото. Государство объявило гарантию тайны вкладов, средняя величина которых в результате увеличилась в 3,3 раза.

Однако наследники В.И. Ленина, члены Политбюро ЦК РКП(б) уже в октябре 1923 г. провозгласили абсолютную необходимость ограждения партии от нэповских влияний [9, с. 185], т.е. выбрали

диктатуру для удержания власти в своих руках. Предпринимаются меры по дискредитации новой экономической политики, принижению ее значимости в стране. Паническая боязнь новой экономической политики охватила партию большевиков, особенно ее высшие сферы, Центральный Комитет. Большинство членов партии не желало испытывать свою судьбу на путях свободы экономического развития страны. Сторонники новой экономической политики были отнесены к т.н. правой оппозиции, отстранены от власти, а позже физически уничтожены. Финалом новой экономической политики стал пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 10-17 ноября 1929 г. Он провозгласил «курс на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве, на быстрейшее объединение бедняцко-средняцких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, на подготовку условий для развития планового продуктообмена между городом и деревней» [10, с. 31]. С этого момента в официальных партийных документах уже не содержатся упоминания о новой экономической политике в том смысле, как об этом писал В.И. Ленин в своих произведениях 1921-1923 гг. и как об этом провозглашалось в решениях партийных съездов и конференций 1921-1927 гг. Вопрос о власти оказался более актуальным [Подробнее см.: 1].

Использованная литература

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1 / Беларуская энцыклапедыя; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск.: Беларуская энцыклапедыя, 2001. – 592 с.
2. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: Дапаможнік. Пад рэдакцыяй Л.В. Лойкі. – Мінск.: ТАА «ЦППР», 2003. – 348 с.
3. Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. / У.М. Ігнатоўскі: 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 190 с.
4. Мазец, В.Г. Распад Расійскай імперыі і геапалітычныя аспекты працэса станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў 1918 г. // Інтэграцыйныя працэсы ў гісторыі краін Усходняй Еўропы: Матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 19-20 лістапада 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. – Мінск, 2008. – 411 с.

5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII-пачатку ХХІ ст. У 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – 584 с.

6. Наша ніва. 1920. 16 лістапада.

7. Наша ніва. 1920. 12 лістапада.

8. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 45.

9. Известия ЦК КПСС. 1990. – № 5.

10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. 9-е изд. М., 1984.

11. Божанов, В.А. Восхождение к абсолютной власти: большевики и советское государство в 1920-е гг. / В.А. Божанов. – Минск.: Тесей, 2004. – 272 с.

Белорусские организации в Одессе на первоначальном этапе своей деятельности (конец 1917 – начало 1918 гг.)

Н.Б. Щавлинский, канд. ист. наук, доцент

В августе 1914 г. была развязана Первая мировая война. Она принесла человечеству невиданные лишения и страдания, всеобщий голод и разорение, привела к уничтожению материальных и духовных ценностей. Беларусь была в числе тех государств, территории которых служили ареной битв многомиллионных армий.

В начале военных действий события развивались более или менее успешно для Российской империи. Но уже в ноябре 1914 г. немецко-австрийские армии перешли в наступление. Из прифронтовых районов Беларуси началось бегство мирного населения. О этих беженцах сообщала газета «Наша ніва» в декабре 1914 г.: «Цяжар вайны лёг перш за ўсё на плечы нашага народа, з пагранічных раёнаў бягуць натоўпамі да нас людзі, пагубіўшы ўсё, што мелі, і вынесшы з-пад куляў і бомбаў адны толькі свае голавы» [1].

После оккупации германскими войсками осенью 1915 г. западной части Беларуси беженство людей приняло массовый характер. По сведениям Н.С. Сташкевича, количество беженцев на 1 февраля 1917 г. достигло более 1,1 млн. человек [2, с. 57].

Беженство было не только добровольным, но и принудительным. Газета «Гоман» писала о принудительном выселении: «Па

ўсёй Гродзеншчыне сотні вёсак спаленых або пустых. Гэта казакі выганялі сляян з родных хат – у Расею, а ўсё іх дабро палілі, калі быў на тое час...»[3, с. 144]. Под обязательное выселение попадали мужчины в возрасте от 15 до 45 лет. Первоначально беженское движение было стихийным, так как попытки военных властей эвакуировать беженцев на восток в большинстве случаев кончались крахом вследствие разрухи, царившей на железнодорожном транспорте [4, с. 796].

Ситуация стала меняться в лучшую сторону после того, как при министре внутренних дел М. Маклакове был создан особый отдел по устройству беженцев [5]. 27 июля 1915 г. были назначены главноуполномоченные по устройству беженцев на фронтах, а 30 августа 1915 г. принят закон «Об обеспечении потребностей беженцев» [6, с. 3]. Во многих российских городах, Петербурге, Саратове, Казани, Ярославле, Самаре и др., начали создаваться белорусские беженские комитеты. Такие же комитеты были образованы в городах Украины – Киеве, Харькове, Херсоне и др. Что касается Одессы, то многие беженцы из Беларуси останавливались в городе у своих близких, а те, кто их не имел, шли в интернат для беженцев, располагавшийся в Малом Переулке [7].

На первоначальном этапе работа беженского комитета носила ограниченный характер и заключалась в предоставлении беженцам временной работы и проведении различных собраний. Однако после Февральской революции 1917г., в условиях расширившихся тогда демократических свобод, деятельность беженского комитета в Одессе несколько активизировалась. Особенно усилилась его работа в послефевральский период среди солдат-белорусов в воинских частях Румынского фронта, зона действия которого охватывала южную часть Украины, в том числе и город Одессу.

Во-первых, солдаты, несмотря на то, что многие из них являлись выходцами из крестьян, были более сознательными по сравнению с остальной крестьянской массой, так как армия в тех условиях быстро политизировалась. Кроме того, военное командование принимало определенные меры, направленные на ликвидацию неграмотности среди солдат.

Во-вторых, важное значение своей работе среди белорусов – воинов, как на румынском, так и на других фронтах, придавали из-

вестные деятели белорусского национального движения К. Езовитов, Т. Гриб, И. Мамонько, И. Дворчанин, С. Рак-Михайловский, А. Балицкий, С. Некрашевич и др.

В-третьих, определенное влияние на рост национального самосознания солдат-белорусов оказывал начавшийся процесс создания национальных воинских частей [8]. Так, 14 мая 1917 г. на совете в Ставке главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова с участием военного министра А. Керенского было решено сформировать три украинских корпуса. Однако белорусские деятели в то время не ставили перед собой столь серьезной задачи, как формирование белорусских полков. Речь велась всего лишь о создании в армии кружков солдат-белорусов и их объединений.

Первый кружок воинов-белорусов был создан 8 мая 1917 г. в Риге младшим унтер-офицером 24-ой отдельной телеграфной роты Иосифом Мамонько. Почти одновременно была создана организация моряков-белорусов Балтийского флота под руководством матроса Василия Мухи. На Кавказском фронте организации воинов-белорусов были созданы Иосифом Трасько, на Западном фронте – старшим унтер-офицером 24-го транспортного полка Семеном Рак-Михайловским, в 372-й Минской дружине – капитаном Ярушевичем, в 43-м Сибирском строевом полку – подпоручиком Игнатом Дворчаниным [9, с. 164]. Среди воинов-белорусов 300-го армейского полка работал Антон Балицкий [10], в 6-й армии национальную работу проводил Степан Некрашевич [11].

13 мая 1917 г. в Минске уже была создана военная белорусская организация (ВБО), которая ставила своей целью «объединить военных белорусов, проживающих в Минске как людей одного края, обычаев и языка...». Вскоре подобные организации возникли в 8-й и 12-й армиях, на Балтийском флоте, в том числе и на Румынском фронте [12].

Между тем, к осени 1917 г. резко ухудшилось экономическое, политическое и военное положение Российской Республики. В результате экономического кризиса, политической агитации различных партий и организаций (особенно большевиков) и безвластия на местах стремительно расширялся процесс развала и деморализации армии. Донесения с действующих армий буквально пестрели сведе-

ниями о том, что многочисленные дезертиры занимались грабежами, воровством, многие солдаты участвовали в погромах [9, с. 58].

В тех условиях перед белорусскими войсковыми организациями встал вопрос о необходимости объединения национальных воинских частей. К тому времени с разрешения российского военного командования в зоне действий Западного фронта и на территории Беларуси уже существовали украинские, латышские воинские части, был сформирован 1-й польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого [13, с. 153].

18-24 октября 1917 г. в Минске состоялся съезд воинов-белорусов Западного фронта. На нем присутствовали также делегаты от Румынского фронта и Балтийского флота [13, с. 140]. В соответствии с постановлением съезда была создана Центральная войсковая белорусская рада (ЦВБР), а также избран ее исполнительный комитет, который должен был заниматься непосредственно организацией белорусского войска. Съезд также избрал Белорусский исполнительный комитет Западного фронта во главе с генералом от инфантерии К. Кондратовичем [14, л. 32, 33].

В конце октября 1917 г. генерал К. Кондратович составил план формирования белорусских войсковых единиц и представил его Верховному главнокомандующему М. Духонину, который дал согласие на создание белорусского военного корпуса на Западном фронте. Однако дальнейшие события, связанные с большевистским переворотом в октябре 1917 г., не способствовали формированию белорусских воинских частей. Хотя новый Верховный Главнокомандующий прапорщик Н. Крыленко, сменивший на этом посту в результате октябрьских событий М. Духонина, подтвердил своим приказом от 24 ноября 1917 г. ранее принятое решение о формировании белорусского полка [15, с. 21], однако созданные на территории Беларуси органы большевистской власти – Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облисполкомзап) и Совет Народных Комиссаров Западной области выступили в силу ряда причин против идеи создания белорусских воинских частей.

Во-первых, 7 ноября 1917 г. о непризнании власти большевиков и о самостоятельности Украины заявила Украинская Центральная рада, на сторону которой перешли украинские воинские подразделения, сформированные на Западном фронте.

Во-вторых, против большевистских властей в Беларуси также выступили солдаты польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого. В этой связи Облсполкомзап на заседании 2 декабря 1917 г. принял следующую резолюцию: «Имея в виду, что национальные воинские части формируются контрреволюционной крупной и мелкой буржуазией с целью порабощения трудового народа и подавления его революционного движения при самоопределении наций..., немедленно расформировать польские легионы и не допустить формирования белорусских воинских частей, заменив их мужской и женской милицией и пролетарской Красной гвардией...» [16, с. 356].

Таким образом, большевистские власти прервали процесс формирования белорусских воинских частей на подвластной им территории Беларуси, но работа в этом направлении продолжалась на Румынском фронте. 1-7 декабря в Одессе состоялся съезд воинов-белорусов Румынского фронта, на котором под председательством С.М. Некрашевича [17, с. 35] была избрана Белорусская войсковая Рада [18, л. 66-73]. Кроме председателя, в состав рады вошли: А.В. Балицкий, Г.Я. Козел, П.В. Ильюченко, И. Волчек, А.Ф.Адамович и др. [18, л. 66-73].

Перед избранной Радой были поставлены задачи развития в войсках набиравшего силу белорусского движения, укрепления организаций белорусов там, где они имелись, формирования белорусских воинских подразделений [19, л. 1].

С целью организации белорусских воинских частей на Румынском фронте 9 января 1918 г. при штабе Главнокомандующего армиями была учреждена Белорусская войсковая комиссия во главе с генерал-майором Пожарским. [20, л. 163].

С самого начала своего существования Рада и Белорусская войсковая комиссия Румынского фронта достаточно успешно проводили работу в воинских частях: к солдатам посылались агитаторы, интенсивно проходила работа по комплектованию белорусских рот и полков. В результате проведенной работы были объявлены белорусскими: 14 января 1918 г. – 6-й Таурогенский пограничный конный полк; 21 января 1918 г. – 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий с их артиллерией, штаба корпуса и всех приданных корпусу вспомогательных частей; 43-я пехотная дивизи-

зия с ее артиллерией и приданными частями и 26-е броневое отделение; 23 января 1918 г. – 357-я Витебская и 401-я Минская дружины ополчения.

Для пополнения этих частей и сосредоточения солдат в городе Одессе приказом по Одесскому военному округу № 42 от 27 января 1918 г. на улице Дальницкой был учрежден Белорусский этапно-концентрационный пункт [19, л. 21].

Вместе с тем, работа белорусских организаций заключалась не только в белорусизации воинских подразделений, но и в проведении среди солдат-белорусов общественно-политической работы, в воспитании у них патриотических чувств.

После того, как большевистские власти в ночь на 18 декабря 1918 г. разогнали в Минске 1-й Всебелорусский съезд, многие солдаты-белорусы Румынского фронта выразили свой протест по поводу незаконных действий со стороны Областного исполнительного комитета Западной области и фронта. Например, воины-белорусы 124-й пехотной дивизии Румынского фронта в телеграмме, направленной Н. Крыленко, А. Мясникову, В. Ленину и Л. Троцкому, заявили: «Мы, воины-белорусы 124-й пехотной дивизии Румынского фронта, категорически и бесстрашно заявляем свой протест против насилий, учиненных над Всебелорусским съездом, а также против запрещения формирования белорусских национальных войск... Мы категорически требуем немедленного разрешения формирования белорусских войск, ибо чаша терпения уже переполнилась и мы, белорусы, сумеем гордо и смело выступить с оружием в руках для защиты исконных прав своего многострадального народа.» [20, л. 2].

Тем не менее, сложившаяся политическая ситуация на Украине не способствовала решению задач, стоявших перед белорусскими военными организациями в Одессе. Вопрос заключался в том, что созданный после Октябрьской революции в Киеве Совет рабочих и солдатских депутатов как орган советской власти на Украине некоторое время не вмешивался в работу Украинской Центральной Рады, возглавляемой М. Грушевским [21, с. 239], и тем самым не оказывал никакого влияния на деятельность белорусских организаций в Одессе. Переломный момент наступил после того, как Центральная Рада Украины совместно с Генеральным секретариатом стали

принимать меры, направленные на проведение выборов «в Украинское Учредительное собрание, призванное повести государственное и социальное строительство уже не в революционных, а в конституционных формах» [22]. В сложившейся ситуации Рада отозвала в Украину все национальные украинские воинские формирования и отдала приказ о роспуске всех солдат не украинцев, в том числе и белорусов, которые покидали свои части и разъезжались по домам [23, л. 140].

В ответ на эти действия Советское правительство направило в Украину свои войска. 26 января (8 февраля) 1918 г. Украинская Центральная Рада вынуждена была оставить Киев и перебраться в Житомир [24, с. 299-302]. Однако пришедшее в Украине к власти Советское правительство еще в большей мере дезорганизовало работу белорусских воинских организаций, так как стало посылать белорусские части на войну с Румынией, вследствие чего Войсковая рада потеряла с ними связь.

Одновременно с белорусскими военными организациями широкую деятельность в Одессе развернуло созданное в декабре 1917 г. общество «Белорусский гай». Объединив в начале своей деятельности, в основном, белорусскую интеллигенцию, общество поставило перед собой задачу проводить культурно-просветительную и агитационную работу, заботиться о беженцах и беднейших слоях белорусского населения в Одессе [25, л. 4-7]. Количество членов «Белорусского гая» на первоначальном этапе его деятельности было незначительным, но по мере того, как в общество стали записываться солдаты и рабочие, к весне 1918 г. оно уже насчитывало около 500 человек [25, л. 4-7]. После того, как число членов общества возросло, оно избрало из своего состава руководящий орган – Раду «Белорусского гая». В структурном отношении организация подразделялась на ряд секций, каждая из которых осуществляла свою деятельность независимо друг от друга. Что касается Рады «Белорусского гая», то в ее функции входило обеспечение внутреннего распорядка организации [25, л. 4-7].

Основные средства общества, с помощью которых оно осуществляло свою деятельность, составлялись из членских взносов, добровольных пожертвований, доходов от концертов, публичных

лекций, чтения рефератов, проведения вечеров, а также кружечных сборов [20, л. 69-72].

На первоначальном этапе своей деятельности общество «Белорусский гай» устраивало еженедельные собрания белорусов, чтение рассказов и лекций на белорусском языке. Но уже весной 1918 г. в городе в Казарменном переулке организация открыла Белорусский клуб [26, с. 75]. В клубе имелаась библиотека с книгами Я. Купалы, Я. Коласа, А. Гаруна, Ядвигина Ш (Левицкого) и других белорусских поэтов и писателей. При клубе также были организованы литературный, театральный и хоровой кружки. Наиболее активными членами литературного кружка в то время являлись М. Громыко – поэт, написавший в Одессе свое первое драматическое произведение – пьесу под названием «Змитрок с Высокой Буды», которое было опубликовано в газете «Вольная Беларусь» (№ № 33-35), М. Петухович, впоследствии белорусский языковед, профессор Белорусского государственного университета. Широкую деятельность в клубе развернул театральный кружок, организатором которого являлся актер и драматург А. Лежневич [26, с. 75].

Важно отметить, что спектакли и концерты на белорусскую тематику устраивались не только в клубе в Казарменном переулке, но и в клубе железнодорожных мастеровских, в котором собиралась широкая аудитория белорусов, проживавших в районе «Ближних Млынов» и «Молдаванки». Большой популярностью у зрителей пользовались такие спектакли, как «Павлинка», «Модный шляхтюк» и др. [26, с. 75].

Наряду с культурно-просветительской и агитационной деятельностью общество «Белорусский гай» значительное внимание уделяло благотворительной работе и заботе о беженцах. В феврале 1918 г. обществом был организован в Одессе кружечный сбор в пользу беженцев, в результате которого было собрано около 7 тысяч рублей [25, л. 4-7]. На эти средства в городе была открыта столовая для беженцев-белорусов. Однако после установления Советской власти в Одессе деятельность «Белорусского гая» стала заметно сужаться и постепенно сворачиваться.

В целом же на первоначальном этапе своей деятельности такие белорусские организации, как Белорусская войсковая рада, Белорусская войсковая комиссия и «Белорусский гай» проделали боль-

шую работу по формированию национальных воинских частей на Румынском фронте, защите интересов беженцев-белорусов и коренного белорусского населения, проживавшего в городе Одессе.

Использованная литература

1. Наша ніва. – 1914. – 25 снежня.– С. 1.
2. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917 – 1925 / Н.С.Сташкевич. – Минск, Беларусь, 1985.– 304 с.
3. Бригадин, П.И. Эсеры в Беларуси / П.И.Бригадин. – Минск, Изд-во БГУ, 1994. 152 с.
4. Документы и материалы по истории Беларуси (1900-1917 гг.): в 3 т. / под ред. П.З. Савочкина – Минск: Изд-во БГУ, 1953.– Т. 3. – 869 с.
5. Шчаўлінскі, М.Б. Бежанцы і беларускі нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны / М.Б.Шчаўлінскі // Беларускі гістар. часопіс. – 1999. – № 3
6. Законы и распоряжения о беженцах. Вып.1. – Москва, 1916.– 28 с.
7. Саковіч, А. Беларусы ў Адэсе / А. Саковіч // Веда (Нью-Йорк). – 1952. – № 5.– 154 с.
8. Савіцкі, В. Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі (1917) / В. Савіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4.
9. Найдзюк, Я., Касяк, І. Беларусь учора і сёння. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі / Я.Найдзюк., І. Касяк. – Мінск: 1993.– 414 с.
10. Цыхун, А. Памяць жыве / А. Цыхун // Літаратура і мастацтва. – 1988. – 30 снежня.
11. Юфе, Э. Той самы Некрашэвіч / Э. Юфе // Полымя. – 1991. – № 6.
12. Вольная Беларусь. – 1917. – № 3. – 20 чэрвеня.
13. Рудовіч, С. Час выбару / С.Рудовіч. – Минск: Экаперспектыва, – 2000. – 201 с.
14. Протоколы съезда представителей белорусских национальных организаций, общее собрание воинов-белорусов 12 армии (информации) о формировании белорусского войска и политическом

положении Восточной Беларуси // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)– Фонд 325. – Оп.1. – Д. 21.

15. Ладысеў, У.Ф., Брыгадзін П.І. На переломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: Выд. БДУ, 1999.– 128 с.

16. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: в 3 т. / В. Воронова [и др.] – Минск: Изд-во БГУ, 1957. – Т 2.– 1069 с.

17. Турук, Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Турук. – Москва, 1921.– 144 с.

18. Материалы к вопросу о белорусских буржуазных националистах // НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 210.

19. Представительство Национального комиссариата БНР в Одессе (резолуции, приказы, доклады) // НАРБ. – Фонд 325. – Оп.1. – Д.32.

20. О формировании 1-го национального белорусского полка // НАРБ. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 16.

21. Карр, Э. История Советской России: у 2 кн. /Э. Карр. – М.: Прогресс. – Кн. 1.– 768 с.

22. Жизнь национальностей. – 1920. – № 6. – 15 февраля.

23. Доклад уполномоченного по национально-политическим делам Белорусского национального комиссариата в Одессе Народному секретариату Беларуси //НАРБ. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 193.

24. Vinnichenko, VidrozdheniyaNatzii / Vinnichenko. – Vienna, 1920.–320 p.

25. Статут Белорусской национальной организации «Гай» в Одессе // НАРБ. – Фонд 325. –Оп.1. – Д.10.

26. КалубовічЯ. Крокі гісторыі: Даследаванні, артыкулы, успаміны / Я. Калубовіч. – Беласток, Вільня, Мінск, 1993.– 288 с.

Культурна-асветніцкі рух і яго ўплыў на этнакультурную самаідэнтыфікацыю насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг. XX ст.

В.Э. Рабышка, канд. гіст. навук, дацэнт

Культурна-асветніцкі рух у Заходняй Беларусі ад моманту ўключэння яе ў склад Польшчы і да ўз'яднання з БССР спрыяў працэсу самаідэнтыфікацыі беларускага народа, нягледзячы на асімілярскую нацыянальную палітыку польскіх улад. Адрозна пасля ўключэння Заходняй Беларусі ў склад Польшчы палітыка асіміляцыі сустрэла супрацьдзеянне насельніцтва. Яно праявілася не столькі ва ўзброенай барацьбе, колькі ў культурна-асветніцкім руху. Менавіта такая праца паспрыяла вызначэнню асноўных тэндэнцый развіцця этнапалітычных працэсаў у Заходняй Беларусі: супрацьстаянню паланізацыі, імкненню беларускага народа да захавання сваёй самабытнасці і нацыянальнай адметнасці, да культурнага і палітычнага самазавярджэння, удзелу ў грамадска-палітычным жыцці.

Вялікую ролю ў гэтым працэсе адыгралі культурна-асветніцкія таварыствы і суполкі. Менавіта іх дзейнасць і намаганні сталі сродкам захавання этнакультурнай самаідэнтыфікацыі беларускай нацыі. Значны ўклад у распаўсюджванне адукацыі і асветы на заходнебеларускіх тэрыторыях, выхаванне пачуцця нацыянальнай самасвядомасці беларусаў унесла Таварыства беларускай школы (ТБШ). Яно было створана ў Вільні ў 1921 г. і праіснавала да 1936 г. Згодна з палажэннямі статута, асноўная мэта ТБШ – пашыраць і дапамагаць асвеце беларусаў у “нацыянальным, людскім і хрысціянскім духу”.

Сярод беларускай студэнцкай моладзі асветніцкую працу праводзілі Беларускі студэнцкі саюз і Таварыства сяброў навук. БСС — арганізацыя студэнтаў-беларусаў Віленскага ўніверсітэта — быў створаны 1 снежня 1920 г. Яго друкаваным органам з’яўляўся часопіс “Студэнцкая думка”. Галоўнымі мэтамі Саюз лічыў аб’яднанне сваіх сяброў на грунце духоўных і маральных каштоўнасцей, заахвочванне іх да самаадукацыі, навуковага пазнання Беларусі, выхавання нацыянальнай самасвядомасці

народа. У “Адозве да ўсяго беларускага грамадства” падкрэслівалася вялікая і адказная роля беларускага студэнцтва, якое, “прадаўжаючы славетную традыцыю сваіх папярэднікаў, духоўных бацькоў і настаўнікаў, пачынальнаў беларускага нацыянальна-адраджэнскага руху, здабывае веды, каб несці іх пад стрэхі роднай хаты, маючы цвёрдае перакананне, што веды – ёсць адзіны шлях сапраўднага адраджэння і вызвалення” [1].

За вывучэнне і пашырэнне роднай мовы выступаў часопіс “Новы шлях”. З яго старонак гучаў заклік да карыстання беларускай мовай ва ўсіх сферах жыцця, бо “мова ёсць адна з галоўнейшых адзнак народнасці. Народ, які губляе сваю мову, пераважна перастае быць народам” [2, л. 8].

Яксна новы этап у развіцці барацьбы за беларускія школы пачаўся ў сярэдзіне 1920-х гг. У гэты час разгортвала сваю дзейнасць Беларуска-сялянска-работніцкая Грамада (БСРГ). Пытанні нацыянальнай адукацыі былі ўключаны ў агульнадэмакратычныя палажэнні яе праграмы. “БСРГ стаіць за ўвядзенне адзінай працоўнай школы з бясплатным навучаннем за кошт дзяржавы для працоўных. Навучанне ва ўсіх дзяржаўных школах павінна весціся на роднай мове вучняў” [3, с. 8]. Гэта поўнасю адпавядала спадзяванням заходнебеларускага насельніцтва. Гурткі Грамады праводзілі працу, накіраваную на самаадукацыю людзей, стваралі ў вёсках бібліятэкі-чытальні, збіралі сродкі для будаўніцтва школьных будынкаў.

Актывізавала таксама дзейнасць ТБШ. Актывісты ТБШ імкнуліся пашырыць рух за адкрыццё беларускіх школ. Да студзеня 1926 г. па ўсёй Заходняй Беларусі ўдалося падаць каля 16 тыс. заяў на адкрыццё каля 400 школ. Як адзначалася ў справаздачы палескага ваяводы за верасень 1926 г., пад уздзеяннем прапаганды гурткаў Грамады “насельніцтва кожны раз з большай неахвотай адносіцца да польскіх школ” [4]. Статыстыка Галоўнай управы сведчыць аб тым, што да 1928 г. агульная колькасць дэкларацый перавысіла 30 тыс. – на 1229 школ. Амаль усе яны так і не былі задаволены. Захадзі на адкрыццё прыватных беларускіх школ таксама не мелі поспеху. Нягледзячы на нязначныя рэальныя вынікі, школьная кампанія дасягнула галоўнага — паспрыяла абуджэнню цягі беларусаў да сваёй мовы, культуры.

Рух за адкрыццё школ на роднай мове актывізаваўся і знешнім фактарам: разгортваннем культурна-нацыянальнага будаўніцтва ў БССР, пашырэннем тэрыторыі рэспублікі ў 1924 і 1926 гг. Вызначальнай рысай грамадска-палітычнага жыцця там з’яўлялася палітыка беларусізацыі, якая набыла з сярэдзіны 1920-х гг. цэласны, канцэптуальны характар. Яе першыя поспехі прызнавалі амаль усе заходнебеларускія палітычныя сілы. Як адзначалася ў газеце “Голас Беларуса” ад 15 верасня 1926 г., “мы вітаем гэты першы крок, які ўжо даўно, на наш погляд, неабходна было правесці, каб навучыць паважаць беларускую мову тых чарнасоценцаў і русіфікатараў, якія ўсё яшчэ не спыняюць сваёй працы ў Беларусі” [5, л. 23]. Захаванню беларускай культуры і мовы, пашырэнню асветы дапамагала дзейнасць Беларускага Інстытута Гаспадаркі і Культуры. У Статуце БІГіК, зацверджаным 26 мая 1926 г., была вызначана яго мэта: садзейнічаць развіццю сельскай гаспадаркі, промыслаў, народнага мастацтва, духоўнай культуры, навукі і адукацыі [6].

Асабліва хутка ішоў колькасны рост ТБШ у другой палове 1927—пачатку 1928 гг. “Рух, якім кіравала ліквідаваная БСРГ, цяпер поўнасцю перайшоў у ТБШ, дзейнасць якога на тэрыторыі Навагрудскага, Віленскага і часткова Палескага ваяводстваў набыла вялікі памер,” — адзначалася ў справаздачы камандуючага IX ваеннай акругай Польшчы [7].

У супрацьдзеянне палітыцы паланізацыі і асіміляцыі ўнеслі свой уклад і беларускія гімназіі. Яны фарміравалі кадры нацыянальнай інтэлігенцыі, з’яўляліся вучэбна-метадычнымі цэнтрамі (асабліва Віленская), нацыянальнымі асяродкамі культурна-асветніцкага і палітычнага жыцця Заходняй Беларусі. На развіццё беларускай культуры, пашырэнне дзейнасці асветніцкіх арганізацый на заходнебеларускіх тэрыторыях негатыўна сказаліся палітычныя працэсы, якія разгарнуліся ў Усходняй Беларусі ў 1930-я гг. Відныя дзеячы нацыянальна-вызваленчай барацьбы Заходняй Беларусі (М. Бурсевіч, П. Валашын, Ф. Валынец, Я. Гаўрылік, І. Дварчанін, П. Мятла, С. Рак-Міхайлоўскі) былі арыштаваны ў 1933 г. па абвінавачванню да прыналежнасці да так званага “Беларускага нацыянальнага цэнтра”. Усё гэта аказвала адмоўнае маральнае ўздзеянне на членаў уцалелых гурткоў ТБШ, дэзарыентавала іх.

Апынуўшыся паміж двума агнямі, галоўная ўправа Таварыства ўсё-такі лічыла змаганне за школы на роднай мове прыярытэтным напрамкам дзейнасці. “Мы павінны звярнуць увагу на дамаганне дзяржаўнай беларускай школы, бо гутарыць аб прыватнай адукацыі ў сучасных абставінах – гэта новы цяжар на плечы працоўнага селяніна. Пакуль польскія школы не будуць ператвораны ў беларускія, неабходна дамагацца безадкладнага выкладання беларускай мовы ў польскіх школах. Трэба дамагацца, каб беларуская мова не знаходзілася на задворках культурна-грамадскага жыцця”, – гучала са старонак “Летапіса Таварыства беларускай школы” [8]. Рэдакцыя “Летапіса” атрымлівала шматлікія лісты з розных мясцін Заходняй Беларусі, у якіх адзначалася, што моладзь самастойна вывучае родную мову, за адсутнасцю кніг, па газетах. У гэтых умовах было прынята рашэнне ствараць групы самаадукацыі. У шэрагу заходнебеларускіх паведаў, дзякуючы намаганням ТБШ, былі арганізаваны курсы для дарослых – непісьменных і малапісьменных. Звесткі аб працы гэтых курсаў сведчаць аб зацікаўленасці ў самаадукацыі народных мас.

Дапамагала і друкаванае слова. У 1932 г. галоўная ўправа выдавала “Бюлетэнь ТБШ”, газету “Шлях”, а з мая 1933 г. – часопіс “Летапіс ТБШ”. Арганізатарам і актыўным аўтарам быў Р. Шырма. “Мы павінны імкнуцца... да наталення таго духоўнага голаду, які пануе на вёсцы, павінны шукаць шляхі, што злучылі б паміж сабой шчырых і свядомых, але распыленых па ўсёй Заходняй Беларусі, ідэйна адданых культурнай працы адзінак”, – так была вызначана мэта часопіса ў прадмове да яго першага нумара [9].

Працягвалася барацьба за школу на роднай мове і пад кіраўніцтвам КПЗБ. Пачалі выкарыстоўвацца новыя формы барацьбы з палітыкай польскіх уладаў у галіне народнай асветы — школьныя забастоўкі. Аднак у цэлым нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі ў першай палове 1930-х гг. значна аслаб.

На фоне спаду рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху ў краі назіралася некаторая актывізацыя дзейнасці аб’яднання Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД). У праграму партыі былі ўключаны патрабаванні абавязковасці, бясплатнасці пачатковага навучання на роднай мове вучняў, вывучэння рэлігіі, роўных правоў і аднолькавых субсідый для дзяржаўных і прыватных школ, незалежнасці

школьных улад ад адміністрацыі. З кожным годам пашыраўся ўплыў сярод чытачоў газеты “Беларуская крыніца”, друкаванага органа БХД. Газета выступала за шырокае выкарыстанне беларускай мовы ў грамадскім жыцці, выкананне на ёй набажэнстваў у касцёлах і цэрквах. Яна настойліва вяла работу па кансалідацыі беларусаў-католікаў і беларусаў-праваслаўных як прадстаўнікоў адной нацыі.

У 1932 г. была створана культурна-асветніцкая арганізацыя Таварыства беларускай асветы. З 1933 г. пачалося выданне часопіса “Родны край”. Мэта ТБА у яго статуце была вызначана так: “праца над развіццём беларускай культуры і пашырэнне школьнай і пазашкольнай асветы беларусаў на іх роднай мове, уздым маральнага ўзроўню і вывучэнне польскай культуры, культурных адметнасцей іншых народаў, якія жывуць на супольнай тэрыторыі з беларусамі” [10].

У жніўні-верасні 1935 г. адбыліся тры афіцыйныя сустрэчы прадстаўнікоў ЦК КПЗБ і ЦК БХД. Была дасягнута дамоўленасць аб сумесным зборы дэкларацый, патрабаваўшых адкрыццё беларускіх школ, распрацоўку беларускай граматыкі, выданне літаратуры на беларускай мове. У лютым 1936 г. было заключана пагадненне паміж ТБШ і БІГіК аб адзінстве дзеянняў у школьнай справе. У агульным звароце дзве арганізацыі заклікалі заходнебеларускае грамадства падаваць дэкларацыі аб адкрыцці беларускіх школ. “Калі вы хочаце, каб дзеці нашы не адракліся ад сваіх сярмяжных бацькоў, любілі мазольную працу, сваю мову, Айчыну і ёй служылі..., то неадкладна патрабуйце свае родныя беларускія школы...” [11].

Усплеск нацыянальна-вызваленчай барацьбы выклікаў жорсткую рэакцыю польскага ўрада. Асабліваю занепакоенасць у яго выклікала тэндэнцыя да кансалідацыі заходнебеларускіх грамадскіх аб’яднанняў. Менавіта гэта падштурхнула 2 аддзел МУС Польшчы выпрацаваць у канцы 1936 г. план ліквідацыі ўсіх легальных арганізацый [12]. 2 снежня была забаронена дзейнасць ТБШ, 4 снежня – БІГіК.

Пасля забароны дзейнасці ТБШ, БІГіК і іншых нацыянальных арганізацый далейшы лёс беларускіх школ быў фактычна ўжо вырашаны. Да 1937/38 навучальнага года планавалася замяніць у Навагрудскім ваяводстве ўсе беларускія і літоўскія школы на

польскія. З польскіх школ меркавалі выдаліць настаўнікаў няпольскай нацыянальнасці, прызначыць дырэктарамі былых вайскоўцаў, настроеных прыхільна да ўраду, школьным працаўнікам рэкамендавалі цесна супрацоўнічаць з адміністрацыйна-паліцэйскім апаратам.

Адначасова польская адміністрацыя рабіла захады па пашырэнню асіміляцыі беларусаў. Яе ўзмацнення патрабаваў беластоцкі ваявода Генрых Асташэўскі ў сакрэтнай дакладнай запісцы ад 23 чэрвеня 1939 г. у МУС Польшчы. Ён выступаў за тое, каб беларускае насельніцтва не толькі вучылася па-польску, але і думала ў духу польскай дзяржаўнасці. Асташэўскі заклікаў праводзіць больш актыўную палітыку паланізацыі, зрабіўшы стаўку, у першую чаргу, на народную адукацыю, транспарт і ахову здароўя, каб нарэшце адалець старажытную беларускую культуру. “Адпаведныя кніжкі, спецыяльна падабраныя навуковым работнікам, складаюць найлепшы інструмент для селяніна, а таксама для ўкаранення прапольскіх ідэй у душу беларускага дзіцяці” [13].

Усё гэта сведчыць аб тым, што напярэдадні верасня 1939 г. існавала рэальная пагроза страты заходнебеларускім насельніцтвам сваёй нацыянальнай адметнасці. Праблема нацыянальнага выжывання беларусаў рэзка абвастралася.

Вельмі важным у гэтых складаных умовах быў працэс пошуку і навуковага асэнсавання шляхоў і сродкаў нацыянальнага выжывання беларускага народа. Беларуская інтэлігенцыя разумела неабходнасць нацыянальнай ідэі, сілы, якая б аб’яднала беларусаў, прывіла любоў да бацькаўшчыны, заклікала да плённай працы на беларускім нацыянальным грунце.

Жыццёвую неабходнасць нацыянальнай ідэі абгрунтаваў у сваім навукова-публіцыстычным творы “Патрэба нацыянальнай ідэі” Вінцэнт Гадлеўскі. Ён падкрэсліваў, што “той народ, які хоча жыць і развівацца, мусіць абaperці сваё жыццё і развіццё на сваіх нацыянальных вартасцях, на сваёй мове, на сваёй традыцыі. Нацыянальная ідэя злучае падзелены народ у адно цэлае, і такому злучэнню нішто не стане перашкодай: ні граніцы, ні далечыня, ні нават час” [14]. Нацыя, якая развівае свае нацыянальныя вартасці,

сваю мову, культуру, на думку В. Гадлеўскага, не толькі здольная выжыць, але і стварыць сваю незалежную дзяржаву.

Сярод прыхільнікаў тэорыі самабытнасці развіцця беларускай нацыі сваімі поглядамі вылучаецца беларускі грамадска-палітычны дзеяч, адзін з заснавальнікаў і лідэраў БХД, каталіцкі святар Адам Станкевіч. Ён таксама шукаў шляхі і сродкі выжывання і развіцця беларусаў і знайшоў іх у хрысціянстве. Менавіта беларускае хрысціянства А. Станкевіч лічыў галоўным сродкам кансалідацыі беларусаў і супрацьпастаўляў яго “польскай” і “рускай вере”, якія заўсёды раз’ядноўвалі народ. Ён падкрэсліваў, што “права на ўласную мову, рэлігію і культуру кожнай нацыі вынікае не толькі з права прыроднага, але таксама менавіта з навукі хрысціянскай. Хрысціянства дае народам маральную магчымасць развівацца нацыянальна і будаваць іх нацыянальную свядомасць” [15].

Аналізуючы культурна-асветніцкі рух і яго ўплыў на этнакультурную самаідэнтыфікацыю насельніцтва Заходняй Беларусі ў 20-30-я гады XX ст., трэба адзначыць, што культурнае жыццё праходзіла ў даволі складаных абставінах. Польскія ўлады адмаўлялі самабытнасць культуры беларускага народа, яго мову, традыцыі, рэлігію, пастаянна іх абмяжоўвалі і падаўлялі. Адукацыйная сістэма пераўтварылася па мове выкладання і зместу выключна ў польскую. Асіміляцыйны працэс асабліва паглыбіўся пасля ліквідацыі польскімі ўладамі арганізаваных форм культурна-асветніцкага, палітычнага жыцця беларусаў. Безумоўна, гэта адлюстравалася і на змене нацыянальнай структуры беларускага насельніцтва. Як паказалі вынікі перапісу 1931 г., працэс скарачэння працэнтнай колькасці беларусаў у адносінах да польскай нацыянальнасці працягваўся.

Аднак, нягледзячы на гэта, беларускімі палітычнымі партыямі, культурна-асветніцкімі арганізацыямі, таварыствамі, суполкамі, інтэлігенцыяй Заходняй Беларусі праводзілася вялікая праца, накіраваная на захоўванне нацыянальных традыцый, выхаванне і павышэнне нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа. Нацыянальная ідэя актывізавалася, яна кансалідавала грамадства, уздымала да творчасці ў палітычнай, мастацкай, асветнайсферах. Беларускія грамадска-палітычныя дзеячы імкнуліся знайсці і навукова асэнсаваць шляхі і сродкі нацыянальнага выжывання беларусаў. І

калі палітыка польскіх улад у адносінах да нацыянальных меншасцей, асабліва беларусаў, стала фактарам скарачэння працэнтнай колькасці беларусаў, то, дзякуючы намаганням культурна-асветніцкіх арганізацый, гэты працэс ішоў павольна, і ў большасці заходнебеларускіх паведаў беларусы складалі пераважную большасць. Уз'яднанне беларускіх зямель у 1939 г. дазволіла беларускаму народу аб'яднаць намаганні, каб разам адстойваць права на нацыянальнае самавызначэнне, каб паспяхова развіваць працэс сваёй нацыянальна-культурнай самаідэнтыфікацыі.

Выкарыстаная літаратура:

1. Студэнцкая думка. – 1929. – № 1 (11)
2. Информационная записка о Белоруссии под польской оккупацией. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Фонд 242. – Воп. 1. – Спр. 467.
3. Праграма і арганізацыйны статут Беларускай сялянска-работніцкай Грамады. – Вільня, 1926. – 12 с.
4. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 2. – Воп. 1. – Спр. 1135.
5. Выписки из белорусской и другой зарубежной прессы по вопросу о границах БССР (1924 – 1926 гг.) // НАРБ – Фонд 4. – Воп. 21. – Спр. 101.
6. НАРБ. – Фонд 242. – Воп. 1. – Спр. 229.
7. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 462.
8. Летапіс Таварыства беларускай школы. – 1933. – № 3-4.
9. Летапіс Таварыства беларускай школы. – 1933. – № 1.
10. Вабішчэвіч, А. Асветніцтва ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / А. Вабішчэвіч // Беларускае асветніцтва: вопыт тысячагоддзя: Матэрыялы міжнар. кангр., Мінск, 20-21 кастр. 1998 г.: У 2 кн. – Кн. 1. / Беларус. дзяр. ун-т імя М. Танка; рэдкал. : У.А. Васілевіч [і інш.] – Мінск, 1998
11. Беларуская крыніца. – 1936. – 15 сакавіка.
12. Gomolka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomolka. – Gdansk: Wyd-wo Politechniki Gdanskej, 1992
13. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў (1928 г. – чэрвень 1941 гг.) / Склад. У.М. Міхнюк,

У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа: У 8 т. – Т. 3. – Мн.: БелНДДАС, – 2001. – 455 с.

14. Гадлеўскі, В. Патрэба нацыянальнай ідэі / В. Гадлеўскі. // Спадчына. – 1993. – № 2

15. Станкевіч, Ад. Хрысціянства і беларускі народ / Ад. Станкевіч. — Вільня: Беларускае каталіцкае выдавецтва – 1940.

Национальный аспект формирования органов местной коллаборационистской администрации в Беларуси в годы немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.)

А.В. Беляев, канд. ист. наук, доцент

Великая Отечественная война является для белорусского народа одним из наиболее знаковых событий новейшей истории. Отзвук этой войны до сих пор имеется практически в каждой семье. Условия военного времени нередко ставили людей перед выбором: жизнь или смерть, предательство или патриотизм. Страшные испытания, через которые прошел наш народ в те годы, обнажили и выставили напоказ многие проблемы, в том числе и национальные. Наиболее яркое проявление они получили в таком сложном феномене, как коллаборация, то есть, добровольное сотрудничество с врагом. На сегодняшний день принято трехчленное деление коллаборационизма: военный, политический и гражданский. Сотрудничество в гражданской сфере включало в себя работу на различных предприятиях и в учреждениях, но особенно выпукло оно проявилось в функционировании так называемых органов «местного самоуправления» – волостных, городских, районных и областных управ, институте сельских старост. Анализ процесса формирования и национально-социального состава этих органов вспомогательной администрации и является главным предметом исследования.

А. Гитлер на первом этапе войны (до конца 1941 г.) не желал и слышать ни о каком самостоятельном государственном или административном устройстве покоренных народов; единственное, что он допускал, это «...общинное управление, да и то лишь в той мере, в какой оно необходимо для содержания рабочей силы...» [1, с. 66]. Только позже под воздействием ухудшения военного положения

Германии и побед советской армии его взгляды несколько изменились в сторону допущения более тесного сотрудничества с местным населением: «Чтобы избежать в оккупированных восточных областях излишнего регламентирования, необходимо... ограничить до самого минимального предела штаты немецких управлений в этих областях. В результате областному комиссару волей-неволей придется наладить широкий контакт с руководителями местных общин» [1, с. 72]. Гитлеру вторил М. Борман, который так высказался по этой проблеме в письме к рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей А. Розенбергу в середине 1942 г.: «Для местного населения [оккупированных территорий – А.Б.] не следует издавать слишком много законов: здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым. Немецкая администрация должна быть поэтому небольшой. Областному комиссару надлежит работать с местными старостами» [2, с. 40-41]. Другими словами, главари нацистского государства предполагали, что на оккупированной территории самоорганизация населения не должна подниматься выше общинного уровня – деревни (сельской общины) либо города (городской общины). При этом, однако, еще до начала военных действий против СССР в среде высшего руководства Германии бытовало мнение, что необходимо оставить на своих местах мелких и средних сотрудников государственных, коммунальных и хозяйственных организаций и предприятий для выполнения ими технической работы. По этому поводу весной 1941 г. А. Розенберг издал специальный меморандум, требовавший уничтожать только высших политических руководителей, оставляя на местах остальных работников [2, с. 29]. Этот документ вызвал неудовольствие военных, которым сложно было разбираться в благонадежности населения оккупированных территорий и которые предпочли бы, чтобы все неугодные и подозрительные лица были ликвидированы сразу.

В реальности же создание органов местной администрации не только на уровне населенного пункта, но и района и даже области из населения захваченных территорий происходило с первых дней оккупации. Военные коменданты назначали старост деревень, волостных бургомистров, руководителей районных управлений из числа местных жителей. В дальнейшем, при передаче власти в оккупированных районах в руки гражданской немецкой администра-

ции, местное «самоуправление» просто переводилось в ее подчинение, не претерпевая существенного кадрового и организационного изменения. С течением времени немецкое руководство стало стремиться к все более широкому привлечению в административные органы местных жителей, поскольку не имело достаточного числа собственных кадров. Так, генеральный комиссар Беларуси В. Кубе в докладе на совещании окружных комиссаров и начальников главных отделов Генерального комиссариата в апреле 1943 г. говорил: «Немцы не в состоянии выполнять всю управленческую работу. У нас не хватает людей, поэтому мы должны из местного населения взять достойных... Мы не сможем присылать из Германии столько людей, сколько здесь требуется, поэтому мы должны использовать, привлекать к управлению белорусов» [3, с. 73].

Специфика органов местной вспомогательной администрации в составе оккупационного аппарата состояла в том, что именно они осуществляли непосредственную связь с населением, формируясь при этом из самого же этого населения. Однако данные учреждения не носили характера собственно белорусской политической администрации, являясь составной частью оккупационного аппарата. Они действовали независимо от создававшихся в различные периоды оккупации марионеточных политических организаций, таких, как Белорусская народная самопомощь, Белорусская Рада доверия, впоследствии Белорусская Центральная Рада и т.п. Деятельность управ в основном носила хозяйственно-экономический и социальный, но отнюдь не политический и не военный характер. Поэтому, опираясь на устоявшуюся трехчленную классификацию коллаборационизма (политический, военный и гражданский) [4, с. 2], административные органы на оккупированной территории Беларуси, сформированные из местного населения, необходимо отнести именно к сфере гражданского коллаборационизма. Представляется наиболее правильным использовать для обозначения этого звена оккупационного аппарата термин «вспомогательная местная администрация», чтобы отделить его как от немецких оккупационных органов, так и от политических коллаборантов. Следует также избегать при обозначении данного явления применения термина «гражданская администрация», поскольку управы существовали как в зоне немецкого гражданского, так и военного управления.

Данный термин («гражданская администрация») необходимо употребить исключительно при обозначении аппарата немецких гебитс-(окружных), гаупт- (главных) и генеральных комиссариатов. Анализируя деятельность местной вспомогательной администрации, нельзя забывать, что зачастую служащие управ, в особенности их руководство, одновременно являлись и членами различных политических и военных организаций (БНС, БЦР, СБМ, БКО и др.), то есть принимали участие не только в гражданском, но и в других формах коллаборационизма. Однако основная сфера деятельности местной вспомогательной администрации и обязанности большей части ее рядовых служащих не выходили за рамки гражданской коллаборации.

При создании управ и местной вспомогательной полиции в Беларуси в первые месяцы войны нацистское руководство столкнулось с определенными трудностями. Во-первых, захватчики не могли опереться на прежние органы местной власти, поскольку они были эвакуированы или перешли на нелегальное положение. Поэтому приходилось создавать местную администрацию с нуля. Второй проблемой была излишняя активность польского населения на западе Беларуси и повсеместная пассивность белорусов, особенно явно проявлявшаяся на востоке [5, с. 51-58]. Опасения по поводу возможности именно такого развития событий немецким руководством высказывались еще до начала военной кампании против СССР. Так, Г. Геринг в своей директиве по разграблению оккупированных территорий СССР («Зеленая папка») указывал: «В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великорусов, евреев и поляков» [6, с. 383].

На самом деле, разумеется, причины такого положения были вовсе не в «интеллектуальной отсталости» белорусского населения. Активность польской стороны объяснялась тем, что поляки пытались использовать нацистский оккупационный режим для решения своих национальных задач и превратить Беларусь в польскую провинцию. В первые месяцы войны им удалось, пользуясь желанием немецкого военного руководства как можно скорее сформировать аппарат вспомогательной администрации, заполнить в Западной

Беларуси руководящие посты своими людьми. Этому способствовало определенное безразличие военного командования к национальному вопросу в занятых областях, вызванное стремлением решить прагматические задачи: как можно быстрее установить свое военное и политическое господство на оккупированной территории и начать ее экономическое ограбление. Безразличие вермахта к национальному составу действующего на его территории аппарата местной вспомогательной администрации сохранялось на всем протяжении военной кампании. Можно предположить, что немецкое армейское руководство не хотело осложнять ситуацию в прифронтовой полосе и зоне тыла. Политическим мерам по усмирению оккупированных территорий вермахт предпочитал военно-полицейские, действуя не убеждением, а террором. Разумеется, и в зоне ответственности немецкой гражданской администрации насилие являлось главным методом управления, однако там все же больше внимания, особенно с 1942 г., уделялось вопросам привлечения населения на свою сторону, в том числе и с учетом национальных проблем.

Пользуясь сложившейся ситуацией, польские круги начали постепенное вытеснение из общественной жизни немногочисленного активного белорусского элемента (в первую очередь интеллигенции), а затем развязали фактический террор против белорусского и русского крестьянства, требуя возвращения земель вернувшимся польским помещикам [7, с. 22; 8, с. 263]. При этом поляки умело проводили свою линию, стравливая немецкие оккупационные власти с белорусским населением путем многочисленных доносов, где обвиняли белорусов в действительном или вымышленном коммунизме [5, с. 60-61; 9, с. 62-63]. Вот как, например, обрисовал положение дел в Ошмянах местный бургомистр Ю. Мурашка в письме к некоему Синицкому: «Я нахожусь в Ошмянах, работаю сколько могу, но неприятностей уже много имею от наших панов поляков. Доносят на меня, что я был арестован, и уже даже хотят сделать меня коммунистом. Известно, я им не по нутру... Ошмянщина наибольший угол и средоточие наехавших со всех сторон элементов, враждебных не только белорусам, но наиболее, сказал бы, Германии, с которой они все находятся в войне, так как ждут перемены со дня на день. Готовят нам, белорусам, виселицы и говорят

по деревням: «Была тут и будет Польша...». Прошу заботиться о нас, так как мы тут являемся авангардом белорускости среди ошмянских польских эндеков и союзников... Грозили меня сначала убить, а теперь говорят, что я сидел в тюрьме и хотят сделать коммунистом, это последнее...» [10, лл. 204-204 об.]. Как отмечали немецкие полицейские органы, в большинстве случаев поступавшие от поляков доносы были необоснованными и преследовали единственную цель – «уничтожить ненавистных им белорусов» [9, с. 63].

Нельзя сказать, что немецкое военное руководство не понимало сложившейся ситуации. Комендант Беларуси уже в начале сентября 1941 г. в оперативной сводке докладывал: «Во многих населенных пунктах немецкими военными учреждениями на ответственные посты в учреждениях и полиции назначены поляки, которые используют свои должности, чтобы проводить в жизнь свои шовинистические устремления к созданию новой Польши, сеять глубокую вражду к белорусам и ... терроризируют их под защитой вермахта» [12, л. 6]. При этом в сводке отмечалось, что «поляки в большинстве полностью враждебны немцам. Они стремятся к восстановлению польского государства и стараются путем лицемерия и лести добиться этой цели под защитой немцев... Белорусы ... по сравнению с поляками не заняли надлежащего им места. Они чувствуют себя во многих населенных пунктах благодаря преимуществу поляков ущемленными и угнетаемыми» [12, лл. 7-8]. Однако военное командование не приняло никаких мер по устранению или ослаблению засилья поляков в органах местной администрации в осенний период 1941 г. и военный комендант Беларуси вынужден был констатировать, что: «...этой проблеме уделяется слишком мало внимания, или же она вообще неправильно понимается» [12, л. 14]. Таким образом, вермахт устранился на начальном этапе военной кампании от проведения политической линии верховного руководства Третьего рейха, которая состояла в том, чтобы держать курс на полное удаление поляков из всех властных структур и их физическое истребление. Гитлер рассматривал польскую нацию в качестве извечного и опасного противника немецкой нации и стремился к ее уничтожению. В этом его поддерживали идеологи нацистской расовой теории Розенберг, Геббельс, Борман и другие. Однако обсто-

ительства, складывавшиеся на Восточном фронте, вынудили военных использовать польское меньшинство в Беларуси в качестве местных руководителей и поручать им проведение оккупационных мероприятий.

Такое развитие событий не вызвало энтузиазма местного белорусского населения. В донесениях немецкой службы безопасности в начале 1942 г. отмечалось, что белорусы недовольны тем, что немцы привезли с собой эмигрантов из Германии и Польши и поставили их во главе управления территорией от Белостока до Смоленска, а также тем, что разрешили вернуться в Беларусь бывшим польским помещикам [13, с. 381]. «Белорусы разочарованы политической немцев в Польше. Наша задача состоит в том, чтобы убрать отсюда все польские элементы и везде поставить местные силы» [13, с. 388], – было сказано в одном из донесений СД из Беларуси от 1 мая 1942 г. Немецкая гражданская администрация на востоке, возглавляемая А. Розенбергом, также не испытывала к полякам особой симпатии. Рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, вслед за Гитлером, считал поляков опасной для немцев нацией, которая постоянно будет настроена враждебно к Рейху. Поэтому в своей директиве от 26 ноября 1942 г. А. Розенберг дал четкие и недвусмысленные указания о том, как следует обращаться с поляками на территории Беларуси и на Украине: «изъять» их из всех областей экономики, культуры и управления, уволить всех бургомистров и чиновников из немецких учреждений и назначить на их место белорусов, литовцев, украинцев; лишить польское население возможности получения высшего и среднего образования, не предоставлять им возможности изучать немецкий язык и приобщаться к немецкой культуре; разрешить использование польского языка только в местностях с большим количеством польского населения, в остальных же случаях предоставлять преимущество литовскому, белорусскому и украинскому языкам. Признавая, что осуществление этой директивы на практике столкнется с определенными трудностями и неудобствами (поскольку польские чиновники были довольно многочисленными, зачастую хорошо знали немецкий язык и обладали необходимой квалификацией, поэтому их удаление могло принести значительный экономический ущерб), Розенберг подчеркивал: «...наша конечная цель... должна

быть выше временных экономических затруднений» [13, с. 382]. Однако до конца оккупации немцы так и не смогли полностью очистить белорусскую местную вспомогательную администрацию (особенно в западных районах) от польских функционеров.

В то же время собственно белорусы не спешили идти на службу к оккупантам. Назначение руководящего состава, да и рядовых работников в управах всех уровней было сопряжено для армейского командования (а позже и для немецкой гражданской администрации) с большими трудностями. В отчете тайной полевой полиции за октябрь 1941 г. отмечалось, что: «напрасно ожидать от населения активного участия в происходящих событиях, ...русский [т.е. белорусский – А. Б.] народ не ищет контактов с немцами» [12, л. 93]. Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг также писал А. Гитлеру: «В итоге 23-летнего господства большевиков население Беларуси в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления нет ни организационных, ни персональных условий и позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не выявлено» [14, с. 90]. Для исправления ситуации в Беларусь в июле 1941 г. было направлено около 50 белорусов-эмигрантов, завербованных еще до начала войны (в их числе В. Тумаш, В. Ивановский, А. Демидецкий-Демидович, В. Родько, Р. Островский и др.). Все они заняли руководящие посты в органах местной вспомогательной администрации (30 человек в Минске, остальные большей частью попали в Центральную и Восточную Беларусь) [14, с. 77]. Это были люди, сознательно пришедшие к сотрудничеству с фашистским режимом, ими двигало неприятие социализма как общественного строя. Целью этих лиц являлось получение политической самостоятельности, создание национального белорусского правительства, а участие в органах местной вспомогательной администрации они считали первой ступенью к осуществлению своих политических планов. Будучи крепко связанными с немцами, эмигранты могли рассчитывать на достижение своих целей только в результате победы Германии, поэтому они являлись наиболее ревностными проводниками преступной оккупационной политики.

В целом насаждение эмигрантов на руководящие должности в учреждениях управления нижнего и среднего звена не принесло

оккупантам ожидаемого эффекта, наоборот, вызвало у населения отторжение от сотрудничества с управами, несмотря на то, что эти органы представлялись в оккупационной коллаборационной прессе именно как защитники прав населения перед немцами. В справке СД, составленной в 1942 г. по поводу национального вопроса в Беларуси, говорилось: «В городах лучшие силы служили коммунизму и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик. Большинство поставленных нами на руководящие должности от Белостока до Смоленска – это выходцы из Польши и в основном католики. Поэтому они смотрят на Белоруссию через польские очки. Но белорусы-католики – это не настоящие белорусы, под лозунгом Белоруссии они стремятся построить новую Польшу. Такие белорусы-католики, как бургомистр Минска проф. Ивановский, представляют собой не только оппортуниста, но и польского агента» [13, с. 388].

Из местного населения в первую очередь административные должности стремились получить люди, подвергавшиеся при советской власти репрессиям или преследованию. Зачастую это были уголовные элементы. В рапорте бургомистра Минского района Контовта от 12 сентября 1941 г. начальнику службы порядка Минского округа отмечалось: «Районная и волостные управы укомплектованы подобранными и надежными работниками, большинство из них при большевиках были угнетены, или сидели в тюрьме...» [11, л. 156]. Это подтверждается и сохранившимися анкетами работников городских, районных и волостных управлений, где большинство в графе «Подвергались ли вы или ваши родственники преследованиям при Советах» давали положительные ответы. Однако необходимо критически подходить к данному источнику. Иногда, ради того, чтобы получить место в административном аппарате, кандидаты сообщали заведомо неправильные сведения либо преувеличивали их, сообщая об арестах и осуждении своих дальних родственников. Тем не менее, безусловно, что первыми на службу к оккупантам пошли лица, имевшие какие-либо личные претензии к Советской власти. Нехватка кадров для местной вспомогательной администрации вынуждала нацистское командование соглашаться

на любые кандидатуры, иногда даже оставлять на своих прежних местах работы советских служащих (особенно инженерно-технический состав). Например, последним бургомистром Минска был назначен А.Ф. Комар [15, с. 160], который возглавил Минскую городскую управу после убийства В. Ивановского в январе 1943 г. До начала Великой Отечественной войны он проживал в Минске, преподавал в Минском политехническом институте. Во время оккупации работал в одном из отделов городской управы, а затем занял пост бургомистра, где находился в подчинении городского комиссара Беккера. И. Косяк дает ему такую характеристику: «...скромный человек без белорусского патриотизма. Он не проявил никакой инициативы в белорусских делах во время своего правления» [8, с. 303]. Комар был введен в состав БЦР, участвовал в работе 2-го Всебелорусского конгресса. В июне 1944 г. бежал в Германию, после окончания войны проживал в Берлине.

Помимо эмигрантов и местного польского и белорусского населения, определенный процент работников управ составляли «фольксдойче», т.е. советские немцы. По сведениям Ю. Туренка, только в Минске их было около 150 человек [5, с. 57]. Во многих городских управах они занимали посты начальников отделов, заместителей бургомистров, переводчиков и т.п. Например, в Витебске с сентября 1941 г. до января 1942 гг. должность заместителя бургомистра занимал местный немец Л.Г. Брандт, а его сын А.Л. Брандт до ноября 1942 г. работал редактором коллаборационной газеты «Новый путь»; оба они были убиты подпольщиками. В Борисовской городской управе работал местный немец В.Ф. Вевель, начавший свою карьеру с должности бухгалтера жилотдела, а зимой – весной 1943 г. занявший пост бургомистра г. Борисова. В 1942 г. в ходе проведения «Нового земельного порядка» (нацистской аграрной реформы) при реорганизации бывших колхозов в госимения немцы даже назначались старостами деревень, в то время, как руководителями государственных имений являлись зачастую голландские колонисты [11, л. 108]. Однако к советским немцам нацистское руководство испытывало некоторое недоверие, называя их «полукоммунистами», поэтому военное командование не всегда обращалось с ними так, как того требовала расовая солидарность и принадлежность к господствующей нации [13, с. 388].

Таким образом, аппарат местной вспомогательной администрации, сложившийся в Беларуси в начальные месяцы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации, был весьма неоднородным явлением. В нем можно выделить 4 основные группы работников:

1. Польские деятели, пытавшиеся использовать условия начавшейся оккупации для достижения своих политических целей (превращения Беларуси, особенно ее западных регионов, в польскую провинцию).

2. Белорусские национальные деятели, большей частью прибывшие в Беларусь с немецкой армией и стремившиеся использовать местную вспомогательную администрацию в качестве первой ступеньки для создания своего политически «независимого» правительства.

3. «Фольксдойче», т.е. лица немецкой национальности, ранее проживавшие на территории СССР и пошедшие на службу к оккупантам частично из чувства национальной солидарности, частично с целью собственного обогащения.

4. Представители местного населения (белорусы, русские, другие национальности), в основной своей массе рассматривавшие службу в коллаборационных органах как средство выживания и стремившиеся также улучшить свое материальное положение и повысить социальный статус; среди них немало число работников имели криминальное прошлое, либо были репрессированы в годы советской власти по политическим мотивам.

Использованная литература

1. Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии // Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, докум. и материалы. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М.Самсонов. В 2 т. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. – 766 с.

2. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, докум. и материалы. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М.Самсонов. В 2 т. / В.И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – Т. 2. – 664 с.

3. Кубе, В. Доклад на совещании окружных комиссаров, начальников главных отделов генерального комиссариата (Минск,

8-10 апреля 1943 г.) / В.Кубе // Веснік БДУ. – 1994. – Серыя 3. – № 1. – С. 67–74.

4. Сервачинский, И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941-август 1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / БГУ / И.Ю. Сервачинский. – Минск: 1999. – 16 с.

5. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

6. Директива Геринга по экономическому разграблению оккупированных территорий СССР // Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми т. – М.: Юрид. лит., 1987-1994. – Т. 4. – 1990. – 672 с.

7. Спирин, В.С. Белорусско-польский антагонизм как один из факторов стимулирования политического коллаборационизма на территории Западной Беларуси в 1941 г. / В.С. Спирин // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: Матэрыялы навук.-тэарэт. канф., 4-5 мая 2000 г.: У 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М.Танка, 2000. – Ч. 2. – С. 21-25.

8. Найдзюк, Я. Беларусь учора і сёння: Папулярныя нарыс з гісторыі Беларусі / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.

9. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мінск: БДПУ імя М.Танка, 1999. – 260 с.

10. Государственный архив Минской области. – Фонд.4232. – Оп.1. – Д. 2а

12. Государственный архив Минской области. – Фонд 623.– Оп. 1. – Д. 2

13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 4683. – Оп. 3 – Д. 953, 1035.

14. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

15. Раманоўскі, В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах / В.П. Раманоўскі. – Мінск: Беларусь, 1964. – 288 с.

16. Соловьёв, А.К. Белорусская Центральная Рада: Создание, деятельность, крах / Под ред. С.М.Симонова / А.К. Соловьёв. – Минск: Наука і тэхніка, 1995.– 176 с.

Гістарычныя карані беларускай дыяспары.

Т.В. Лойка, канд. гіст. навук, дацэнт

Па падліках спецыялістаў, сёння ў далёкім і блізкім замежжы жыве каля 3 млн. беларусаў. Гэта значыць, што амаль кожны трэці беларус знаходзіцца за межамі сваёй гістарычнай Радзімы. Беларуская дыяспара адрозніваецца ад дыяспар іншых народаў сваёй спецыфікай, перш за ўсё, структурай. Можна выдзеліць тры катэгорыі беларусаў, якія сёння жывуць за межамі Рэспублікі Беларусь. Першая – эмігранты ў поўным сэнсе гэтага слова. Гэта людзі, якія пакінулі Радзіму і выехалі на Захад, за межы Расіі або Савецкага Саюза. Другая катэгорыя – мігранты, гэта значыць, тыя, хто выехаў з Беларусі ў другія раёны Расіі ці Савецкага Саюза, вядома, пры ўмове, што яны не забыліся аб сваім беларускім паходжанні, сваіх гнасеалагічных каранях. Але зараз, відаць, і гэтую катэгорыю можна назваць эмігрантамі. І нарэшце, трэцюю катэгорыю беларускай дыяспары складаюць беларусы, якія сёння ўваходзяць у склад суседніх з Рэспублікай Беларусь дзяржаў: Польшчы, Літвы, Латвіі, Расіі, Украіны.

Як жа здарылася, што частка беларусаў, якія ніколі нікуды не выязджалі і спрадвеку жывуць на сваёй зямлі, у той жа час з'яўляюцца грамадзянамі іншых дзяржаў? Каб гэта зразумець, неабходна звярнуцца да пытання аб фарміраванні дзяржаўных межаў Беларусі.

Вядома, што землі сучаснай Беларусі ўпершыню аб'ядналіся ў адзінай цэнтралізаванай дзяржаве спачатку ў складзе Кіеўскай Русі, затым у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Межы апошняй дзяржавы складваліся на працягу некалькіх стагоддзяў. У тыя часы, акрамя тэрыторыі сучасных шасці абласцей, да беларускіх зямель можна было аднесці Віленшчыну і Падляшша (сучасная Беласточчына). Тут таксама ішоў працэс фарміравання беларускага этнасу.

З 1404 па 1667 гг. у склад Вялікага княства Літоўскага ўваходзіў і Смаленск, дзе жылі смаленскія крывічы, а ў канцы XV ст. усходняя граніца княства даходзіла нават да такіх гарадоў, як Тула і Бранск. На поўначы Беларусі, у Латгаліі, спакон веку таксама было змешанае насельніцтва балтаў і славян. Латгалія, частка сучаснай Латвіі, уваходзіла ў склад Вялікага княства Літоўскага (гарады Дзвінск, Краслава, Рэжыца). Аднак, у выніку канфрантацыі і войнаў з маскоўскай дзяржавай да канца XVI ст. мяжа Вялікага княства Літоўскага было значна адсунута на Запад.

Як вядома, пасля падзелаў Рэчы Паспалітай Беларусь увайшла ў склад Расійскай імперыі. Яна не мела сваіх граніц і называлася “северо-западным краем”. У 1918 г. нацыянальна-дэмакратычныя колы абвясцілі аб аднаўленні дзяржаўнасці Беларусі. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі заявіла, што яна ўстанаўлівае сваю юрысдыкцыю на ўсёй тэрыторыі, дзе большасць насельніцтва складаюць беларусы. Пры гэтым яна арыентавалася на этнаграфічную карту беларускага этнасу, складзеную ў 1904 г. акадэмікам Я.Ф. Карскім. Гэты этнограф у выніку шматгадовых даследаванняў вызначыў, што беларускім трэба лічыць усё насельніцтва, якое жыве ад Беластока да Смаленска, ад Вільні да Бранска. Аднак дакладныя межы Беларусі тады не былі акрэслены.

1 студзеня 1919 г. была абвешчана ССРБ у складзе пяці губерняў: Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай і Смаленскай. Вільню, гістарычны і культурны цэнтр беларусаў, у снежні 1918 г. маскоўскія ўлады, якія жадалі пашырыць сацыялістычную рэвалюцыю ў Прыбалтыцы, аддалі абвешчанай імі Літоўскай Савецкай Рэспубліцы (якая аказалася нежыццяздольнай і хутка знікла з палітычнай карты). Але лёс Вільні быў вырашаны. Праз некалькі тыдняў пасля абвешчання ССРБ па волі камуністычных уладаў ад Беларусі былі адарваны і далучаны да Расіі Смаленская, Магілёўская і Віцебская губерні. У гэты ж час Латвіі была аддадзена частка тэрыторыі Віцебскай губерні з гарадамі Рэжыца, Дзвінск, Краслава, дзе жыло змешанае беларуска-латышкае насельніцтва.

У ходзе савецка-польскай вайны 1919-1920 гг. 31 ліпеня 1920 г. Савецкая Беларусь была абвешчана ў другі раз, але ў складзе толькі шасці паветаў Мінскай губерні. Рыжскі мірны дагавор (1921 г.),

падпісаны расійскімі бальшавікамі з палякамі, надоўга адарваў заходнюю частку нашага краю ад Беларусі. Два ўзбуйненні 1924 і 1926 г. вярнулі ўсходнія землі Беларусі ў яе склад, але ўжо без Смаленска.

У выніку падзей верасня 1939 г. Заходняя Беларусь была ўз'яднана з Усходняй. Вельмі надоўга (з верасня па кастрычнік 1939 г.) у склад Беларусі ўваходзілі ўсе яе традыцыйныя гістарычныя землі – Вільня і Віленшчына.

Але ўжо ў кастрычніку 1939 г. валонтарысцкім рашэннем І. Сталіна Вільня была зноў аддадзена Літве. Такім жа адвольным рашэннем у 1945 г. да Польшчы адыйшлі Беласток, Гайнаўка, Бельск.

Такім чынам, за кароткі прамежак часу Беларусь перанесла шмат перадзелаў тэрыторыі. За яе межамі аказаліся гарады і вёскі з пераважным беларускім насельніцтвам: Віленшчына, Беласточчына, частка Латгаліі, многія жыхары якіх лічаць сябе беларусамі і складаюць частку беларускай дыяспары.

На працягу стагоддзяў Беларусь была крыніцай міграцыі насельніцтва ў суседнія краіны. Гэты працэс праследжваецца ўжо з сярэднявечча, калі назіраліся досыць значныя перасяленні беларусаў на чале з князямі і баярамі Вялікага княства Літоўскага на ўсход, у Маскоўскую дзяржаву. Прычынай перасялення былі дынастычныя або палітычныя сваркі, разлады паміж прадстаўнікамі буйнейшых княскіх дынастый – Рурывічаў і Гедымінавічаў (напрыклад, бунт Міхаіла Глінскага (1508 г.).

Колькасць бежанцаў на ўсход павялічылася ў сувязі з распаўсюджваннем у Беларусі каталіцызму і прыняццем Брэсцкай царкоўнай уніі. Міжканфесійныя непаразуменні былі сур'езным аргументам для эміграцыі. У сувязі з гэтым у XVI – XVIII стст. Беларусь пакінулі некалькі тысяч праваслаўных.

Беларуская шляхта складала значную частку маскоўскай знаці. Па перапісу 1897 г. сярод самых знатных сем'яў Расіі толькі 150 вяло свой радавод ад усходнеславянскай (рускай) дынастыі Рурывічаў, князёў і баяр маскоўскіх, цвярскіх, разанскіх. У той жа час 430 сем'яў былі выхадцамі з Беларусі, з Вялікага княства Літоўскага. Гэта такія княскія і баярскія роды як Валконскія, Шуйскія, Курбскія, Глінскія, Дастаеўскія і іншыя. Вядома, што

мігранты тых часоў (дакладней – эмігранты) у Маскоўскую дзяржаву страчвалі, гублялі свае беларускія карані і толькі прозвішчы ўказвалі на іх беларускае паходжанне.

Маскоўская дзяржава на працягу некалькіх стагоддзяў пасля свайго ўзнікнення была вельмі зацікаўлена ў прытоку новага насельніцтва для засялення неабсяжных прастораў на ўсходзе. Падчас войнаў з Вялікім княствам Літоўскім рускія ваяводы прымусова вывозілі жыхароў у Масковію на сталае жыхарства. Дзесяткі тысяч ліцвінаў захапіў у палон цар Іван Грозны падчас Лівонскай вайны. У гады руска-польскай вайны 1654-1667 гг. ратнікі вывезлі ў Масковію каля 300 тыс. так званых “паланяннікаў”. Беларускіх сялян аддавалі ў прыгон рускім памешчыкам, а мяшчан, рамеснікаў сялілі ў гарадах. Нашчадкі гэтых прымусовых мігрантаў у большасці сваей асіміляваліся сярод мясцовага насельніцтва і мала хто з іх памятае пра свае ліцвінска-беларускія карані.

Гістарычныя крыніцы сведчаць, што “паланяннікі”, гэта значыць, беларусы, узятыя ў палон і прымусова вывезеныя ў Расію, адыгралі значную ролю ў эканамічным і культурным развіцці гэтай дзяржавы. У 1672 г. у Маскве была нават заснавана мяшчанская слабада, дзе жылі выхадцы з беларускіх зямель. З іх удзелам былі пабудаваны многія выдатныя помнікі рускага дойлідства (Навадзевічы манастыр, Пакроўскі сабор, Успенская царква і іншыя). Яны прынеслі ў рускую дзяржаву тэхніку выпрацоўкі каляровай кафлі, працавалі ў зброянай, залатой і срэбранай палатах, заснавалі першую тэатральную трупу. Вялікі ўклад унеслі беларусы ў развіццё кнігадрукавання на Русі (І. Фёдараў, Сімяён Полацкі).

Але не толькі на ўсход мігрыравалі продкі беларусаў. Пасля таго, як вялікія князі Альгерд і Вітаўт вызвалілі Украіну ад татарскай няволі і далучылі яе землі да ВКЛ, пачалося паступовае засяленне ўкраінскіх стэпаў. Незадаволеныя сваім лёсам, ліцвіны ўцякалі ў нізоўе Дняпра, у Запарожскую Сеч, уліваліся ў казацкую вольніцу. Аб гэтым сведчыць беларускі фальклор, дзе казацкія матывы сустракаюцца даволі часта.

Ліцвінская шляхта досыць часта мігрыравала і на Захад, у Польшчу. Першым вядомым эмігрантам з ВКЛ можна назваць вялікага князя Ягайлу, які у 1385 г. уступіў у шлюб з польскай каралевай Ядвігай і каранаваўся ў Польшчы. Услед за манархам у

Кракаў, а потым у Варшаву пацягнуліся ліцвінскія магнаты і шляхта. Пасля Люблінскай уніі 1569 г. працэс апалячвання ліцвінска-беларускай эліты набыў шырокія памеры. Магнаты Агінскія, Вішнявецкія, Радзівілы, Патоцкія, Панятоўскія і іншыя прадстаўнікі ВКЛ неўзабаве стварылі найбольш уплывовыя кланы ў Рэчы Паспалітай. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай большасць беларускіх магнатаў засталася ў Польшчы і абвясціла сябе палякамі. Ва ўмовах русіфікацыі абвясціла сябе палякамі і беларуская шляхта, якая засталася ў Расійскай імперыі. Сёння іх нашчадкі называюцца польскай дыяспарай у Беларусі.

Міграцыйныя працэсы ўзмацніліся ў сярэдзіне XIX ст., калі ў беларускай вёсцы з'явіўся значны лішак сельскага насельніцтва. “Лішнія людзі” з вёскі ішлі на будоўлі чыгунак, на шахты Данбаса і г.д. Працавіты беларус быў той сілай, якую можна было выкарыстоўваць у любых умовах.

У пачатку XX ст. у выніку рэформ Сталыпіна мноства сялян выязджала ў Сібір. За 1896-1912 гг. туды перасялілася больш за 700 тыс. жыхароў Беларусі. І сёння ў сібірскіх сёлах можна пачуць “аканне” і дзеканне” перасяленцаў з Беларусі [1, с. 488].

Прычынай міграцыі былі і войны. Хвалі масавых перасяленняў і бежанцаў назіраліся ў гады Першай сусветнай вайны, савецка-польскай і Вялікай Айчыннай войнаў. У 1941 г. на ўсход (на Волгу, у Сібір, Казахстан) было эвакуіравана каля 1,5 млн. чалавек. Значная частка іх, вядома, вярнулася на Радзіму. Многія ж засталіся на новых месцах, знайшлі прытулак, “пусцілі карані” [1, с. 495].

У 1930-я гады XX стагоддзя сотні тысяч беларусаў з кляймо “ворагаў народа” былі адпраўлены ў сталінскія ГУЛАГі, раскіданыя па поўначы, на Калыме, Салавецкіх астравах. Нямногія з гэтых няшчасных змаглі вярнуцца на Радзіму. Частка тых, каму давялося выжыць, сталі жыхарамі аддалённых раёнаў СССР. У 1939 г., пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР, пачаліся масавыя дэпартацыі насельніцтва заходніх тэрыторый у аддалёныя рэгіёны Расіі. У выніку некалькіх хваль дэпартацый на ўсход было пераселена больш за 100 тыс. чалавек [2, с. 17].

Моцныя міграцыйныя патокі ў савецкі перыяд былі абумоўлены таксама экстрэнсіўным развіццём эканомікі краіны, што выклікала неабходнасць перакідваць рабочую сілу з аднаго рэгіёна ў другі. У

1950-я гады, напрыклад, пачалася “цалінная эпапея”, якая ахапіла дзесяткі тысяч маладых людзей. І сёння ў Казахстане нямала населеных пунктаў маюць назву “Беларускі”, “Мінскі”, “Магілёўскі” і г.д. У 60-70-я гады моладзь вабілі будоўлі Сібіры. Тысячы хлопцаў і дзяўчат ехалі на будаўніцтва Байкала-Амурскай магістралі, Краснаярскай ГЭС, ў іншыя месцы ў пошуках больш цікавага жыцця і больш высокіх зарабкаў.

Адрывалі ад родных мясцін і цэнтралізаванае размеркаванне выпускнікоў навучальных устаноў, змешаныя бракі, вайсковая служба. І калі салдаты пасля службы звычайна вярталіся на Радзіму, то афіцэры-беларусы жылі ў іншых рэгіёнах “необъятной Родины” доўга, а часам вымушаны былі заставацца там назаўсёды. Падлічана, што за 15 гадоў (з 1950 па 1965 гг.) з Беларусі выехала на 1175 тыс. чалавек больш, чым прыехала. Выязджалі перш за ўсё беларусы, часткова – яўрэі. Прыязджалі ў Беларусь у асноўным рускія, накіраваныя сюды на кіруючыя пасады ў партыйныя і савецкія органы, у армію, КДБ, МУС, іншыя ўстановы.

Такім чынам, міграцыйныя працэсы ў рамках былога Саюза былі досыць інтэнсіўнымі. Межы паміж рэспублікамі былі чыста сімвалічнымі. Афіцыйная ідэалогія патрабавала зліцця нацый. Было аб’яўлена, што нацыянальнае пытанне ў СССР ужо вырашана, створана новая “историческая общность – советский народ”. На практыцы ж фактычна рабіліся спробы стварыць нацыю з адзінай мовай, культурай, прыдуманай гісторыяй.

Беларускія перасяленцы ў Расіі лягчэй другіх паддаваліся асіміляцыі, хутка засвойвалі рускую мову, зліваліся з мясцовым насельніцтвам, страчвалі сувязі з Радзімай. У Латвіі, Казахстане, іншых рэспубліках СССР яны змешваліся з некарэнным насельніцтвам і складалі разам з імі катэгорыю так звананага “русскоязычного населения”. Выключэннем была Літва, дзе большасць беларусаў па паходжанню запісалі сябе палякамі.

Найбольш каларытнай і складанай часткай беларускай дыяспары з’яўляецца эміграцыя, гэта значыць, тыя, хто некалі выехаў у далёкае замежжа на Захад ці ў іншыя рэгіёны свету. Дакладных лічбаў аб колькасці беларусаў у далёкім замежжы няма. Ёсць розныя падлікі і меркаванні. Найбольш прыймальнай, на наш погляд, з’яўляецца лічба ў 1 млн. беларусаў першага, другога і

трэцяга пакаленняў. Аднак не ўсе яны ў аднолькавай ступені лічаць сябе беларусамі. Тых, хто самі называюць сябе беларусамі, уваходзяць у нацыянальныя аб'яднанні, грамадскія арганізацыі і культурныя суполкі, значна менш. Абсалютная большасць рассялілася на ўсяму свету, па краінах і кантынентах, змяшалася з карэнным насельніцтвам і паступова асімілюецца. Немалую ролю ў гэтым адыграла рэлігійная прыналежнасць. Многія праваслаўныя беларусы праз царкву ўліліся ў рускую эміграцыю, беларусы-католікі праз касцёл – у польскую.

Зараз выхадцы з Беларусі жывуць у большасці краін свету. У асноўным яны прадстаўляюць палітычную эміграцыю. Гэта людзі, якія пакінулі Радзіму і выехалі у другія краіны па палітычных матывах, ратуючыся ад праследаванняў, або прымуова і гвалтоўна выселеныя за яе межы.

Гісторыю беларускай палітычнай эміграцыі можна пачаць з канца XVIII ст., з нацыянальна-вызваленчых паўстанняў Т. Касцюшкі (1794 г.), так званага польскага паўстання (1831 г.), пад кіраўніцтвам К. Каліноўскага (1863 г.). Пасля іх паражэння значная частка ўдзельнікаў нелегальна пакінула межы сваёй гістарычнай Радзімы. Сярод іх былі лепшыя сыны беларускага народа М. Агінскі, А. Кастравіцкі, І. Дамейка, К. Ельскі, Б. Дыбоўскі, якія пазней сталі сусветна вядомымі музыкантамі, пісьменнікамі, навукоўцамі. Такім чынам, з асяроддзя беларускага народа вырываўліся інтэлігентныя, таленавітыя і патрыятычныя сілы, збядняліся творчыя магчымасці нацыі на Бацькаўшчыне. Большасць удзельнікаў антырасійскіх паўстанняў уцякала за мяжу разам з палякамі і там аказвалася ў польскім асяроддзі. Частка іх лічыла сябе палякамі. Але многія, каб адрознівацца ад палякаў, называлі сябе “ліцвінамі” або “літоўскай шляхтай”. Як адзначае Вітаўт Кіпель у сваёй кнізе “Беларусы ў ЗША”, з гэтай мэтай яны стваралі свае арганізацыі – Літоўскае таварыства ў Парыжы, Польска-славянскае літаратурнае аб'яднанне ў Нью-Йорку і інш. Сёння, аднак, вельмі цяжка адшукаць прамых нашчадкаў той хвалі эміграцыі.

Разам з тым, значна больш захавалася звестак аб гвалтоўнай палітычнай эміграцыі (ці міграцыі, бо дзяржава была адна – Расія) тых часоў на ўсход. Дзесяткі тысяч беларусаў, удзельнікаў

антырасійскіх паўстанняў, былі сасланы на катаргу і пасяленне. Па афіцыйных звестках, толькі пасля падаўлення паўстання К. Каліноўскага было адпраўлена на катаргу 853, у арыштанцкія роты – 767, высланы за межы Беларусі 12 тыс., у тым ліку ў Сібір – 504 чалавекі [3, с. 19].

Самая масавая хваля палітычнай эміграцыі з Расіі назіралася ў часы рэвалюцыйнай смуты – Кастрычніцкага перавароту і грамадзянскай вайны. Пэўную частку гэтай хвалі склала беларуская нацыянальная інтэлігенцыя, перш за ўсё, кіраўніцтва Беларускай народнай Рэспублікі (БНР), якое вымушана было пакінуць Беларусь у 1919 г. Сярод іх – П. Крачэўскі, А. Цвікевіч, Я. Варонка, В. Ластоўскі, С. Некрашэвіч, А. Смоліч і іншыя. Яны выехалі на Захад – у Берлін, Прагу, а пазней многія з іх апынуліся ў ЗША. Разам з тым, трэба адзначыць, што пасля амністыі 1923 г. некаторыя вярнуліся ў БССР, дзе ў 1930-я гады многія сталі ахвярамі сталінскіх рэпрэсій. Большасць жа засталася ў замежжы і працягвала там нацыянальна-культурную і палітычную дзейнасць. Рада і ўрад БНР знаходзіліся спачатку ў Коўна, потым у Празе. Там дзейнічалі беларускія палітычныя партыі, маладзёжныя гурткі, жылі вядомыя паэты Уладзімір Жылка, Ларыса Геніюш, выдатны оперны спявак М. Забейда-Суміцкі.

Да палітычных эмігрантаў трэба аднесці і беларускіх калабарантаў, тых, хто ў гады Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі супрацоўнічаў з акупацыйнымі ўладамі. У 1944 г. калабаранты разам з нямецкімі войскамі адыйшлі на Захад і аселі, асталяваліся ў Заходняй Германіі. Некаторыя з іх пазней эмігрыравалі ў ЗША, Аўстралію, Аргенціну і іншыя краіны. Гэта члены Беларускай Цэнтральнай Рады, Галоўнага штаба Саюза беларускай моладзі, атрадаў Беларускай Краёвай абароны, кіраўніцтва Беларускай аўтакефальнай царквы. Падаліся на Захад і тыя, хто ў час акупацыі працаваў у цывільнай адміністрацыі, адукацыйнай сістэме, культурна-асветніцкіх установах, баючыся суда, арышту ці высылкі. Гэта была досыць вялікая хваля палітычнай эміграцыі, у некалькі сот тысяч чалавек. Па звестках замежных даследчыкаў, пасля Другой сусветнай вайны толькі ў ЗША і Канадзе пасялілася прыкладна па 50 тыс. эмігрантаў беларускага паходжання.

Да палітычнай эміграцыі савецкая ўлада залічыла ўсіх грамадзян СССР, вывезеных немцамі ў гады вайны на прымусовыя работы ў Заходнюю Еўропу і не жадаўшых вярнуцца назад. З Беларусі было вывезена каля 400 тыс. чалавек [2, с. 18]. Пасля разгрому Германіі прыкладна палова з іх вярнулася на Радзіму. Большасць жа альбо загінула ў Германіі, альбо засталася на Захадзе.

Яшчэ больш драматычна выглядае лёс савецкіх ваеннапалонных, якіх, па некаторых звестках, было каля 5 млн. Жыццё іх склалася па-рознаму: значная частка загінула ў нямецкіх канцлагерах, некаторым удалося уцячы, каля 2 млн. дачакаліся Перамогі і былі вызвалены савецкімі або саюзнымі войскамі. У трагедыі гэтых людзей вінаваты сталінскі рэжым і яго палкаводцы. І тым не менш, Сталін заявіў: ”У нас нет пленных. У нас есть предатели”. Сярод іх было нямала і беларусаў. Таму частка былых ваеннапалонных не жахаецца вяртацца ў “социалистическое Отечество” і засталася ў эміграцыі.

Пасля вайны беларуская палітычная эміграцыя падзялілася на прыхільнікаў БНР і БЦР. У 1947 г. у Заходняй Германіі ўзнавіла сваю работу Рада БНР. Пазней яна пераехала ў Паўночную Амерыку, дзе працягвае сваю дзейнасць да нашага часу. Прэзідэнтам рады БНР да нядаўняга часу з’яўлялася мастачка з Канады Іванка Сурвіла. БЦР, якую падтрымлівалі былыя калабаранты, пераехала ў Аўстралію, паступова губляла сваіх прыхільнікаў і сышла з палітычнай арэны [3, с. 21].

Першая хваля эканамічнай эміграцыі пачалася ў 80-я гады XIX стагоддзя і працягвалася да Першай сусветнай вайны. Трэба адзначыць, што асноўную частку гэтай хвалі эміграцыі складалі сяляне. У выніку драпежніцкай палітыкі расійскага самадзяржаўя жыццёвы ўзровень беларускіх сялян у пачатку XX ст. быў ніжэйшы, чым французскіх у XVII ст. Беларусь была ператворана ў адзін з самых адсталых рэгіёнаў Расіі. Безземельныя сяляне складалі тут каля 9% насельніцтва. Змучаныя безземеллем, беспрацоўем, голадам, яны накіроўваліся ў свет на пошукі лепшай долі, ехалі ў ЗША, Канаду, Аўстралію, Аргенціну. Некаторыя даследчыкі лічаць, што ў гэты перыяд па эканамічных прычынах выехала з Беларусі ад 200 да 500 тыс. чалавек. В. Кіпель ў сваёй кнізе “Беларусы ў ЗША” называе нават лічбу 900 тыс [4, с. 39]. Газета “Наша ніва”, якая

выдавалася ў Беларусі ў 1906-1915 гг., не раз узнімала гэтую праблему. Так, у адным з нумароў яна паведамляла, што за 1912 г. праз порт Лібава выехала з беларускіх губерняў у Амерыку больш за 58 тыс. чалавек. Заробкі ў ЗША былі ў 5-10 разоў вышэйшыя, чым у Расіі. Беларусы, не прывыкшыя да раскошы, за два-тры гады зараблялі столькі грошай, што частку нават высылалі сваякам на Радзіму. Толькі ў Радашковічы ў 1910 г. прыйшло паштовых пераводаў на 29 тыс.рублеў, на той час гэта былі вялікія грошы [4, с. 56].

Другая хваля масавага перасялення на Захад па эканамічных прычынах адзначана ў перыяд з 1920 по 1939 гг. ў Заходняй Беларусі, якая знаходзілася ў складзе Польшчы. Па падліках спецыялістаў, у той час па прычыне нацыянальна-рэлігійнага і сацыяльнага ўціску Заходнюю Беларусь пакінулі ад 180 да 250 тыс. чалавек. Спрыялі гэтаму і станоўчыя адносіны польскіх улад да эміграцыі, якая разглядалася як сродак паляпшэння матэрыяльнага становішча насельніцтва і барацьбы з беспрацоўем. Больш за 50 тыс. выхадцаў з Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд пражывалі ў Францыі. Амаль 100 тыс. беларусаў пасяліліся ў ЗША. У Канаду ў 1920-я гады выехалі больш за 30 тыс. чалавек. Дзесяткі тысяч беларусаў абралі месцам жыхарства Аргенціну, Бразілію, Уругвай, Чылі. Па некаторых звестках, у Паўднёвай Амерыцы пражывалі у той час каля 350 тыс. беларусаў [1, с. 493].

Вядома, што ў Савецкім Саюзе адсутнічаў свабодны выезд грамадзян за межы краіны. Былі толькі адзінкавыя выпадкі эміграцыі людзей, якія ўступалі ў шлюб з іншаземцамі. У сувязі з гэтым беларускае замежжа практычна не папаўнялася новымі выхадцамі з Беларусі. 1980-я гады ў Савецкім Саюзе былі адзначаны некаторай лібералізацыяй эміграцыйнай палітыкі. Быў дазволены выезд пэўнай часткі насельніцтва, перш за ўсё, асоб яўрэйскай нацыянальнасці на сталае месца жыхарства за мяжу. Гэтыя працэсы закранулі і Беларусь. Напрыклад, толькі ў 1990 г. з Беларусі выехалі больш за 34 тыс. чалавек у Ізраіль, ЗША, Германію, Аўстрыю, Канаду. Асаблівасцю гэтага працэсу стала тое, што разам з яўрэямі за межы Беларусі выязджалі члены іх змешаных беларуска-яўрэйскіх сем'яў. Усяго да пачатку 90-х гадоў

у заходнія краіны выехала больш за 70 тыс. чалавек, якія папоўнілі беларускае замежжа [2, с. 20].

Разам з тым, вядома, што адносіны да суайчыннікаў, выехаўшых за мяжу ў савецкі час, былі негатыўныя. У СССР не было неабходных прававых норм, рэгулюючых уезд у краіну і выезд з яе. Больш таго, людзі, якія па розных прычынах апынуліся за межамі “соцыялістычнай Родины», аб’яўляліся “адшчапенцамі”, кантакты з імі кантраляваліся. Гэта, безумоўна, абмяжоўвала правы чалавека, змяншала палітычныя і эканамічныя магчымасці нашай краіны.

Распад СССР і стварэнне незалежнай і суверэннай Рэспублікі Беларусь істотна змянілі адносіны да суайчыннікаў за мяжой, сфарміравалі новую дзяржаўную палітыку ў дачыненні да дыяспары. У першай палове 90-х гадоў быў прыняты шэраг нарматыўна-прававых актаў, якія замацоўвалі права грамадзян “вольна перамяшчацца і выбіраць месца жыхарства ў межах Рэспублікі Беларусь, пакідаць яе і безперашкодна вяртацца назад. Гэта перш за ўсё законы “Аб грамадзянстве Рэспублікі Беларусь” (1991 г.), “Аб парадку выезду грамадзян з Беларусі і ўезду ў яе (1994 г.), Канстытуцыя РБ (1994 г.) і інш. У Беларусі ўжо назапашаны пэўны вопыт супрацоўніцтва з беларускім замежжам, сабрана дастатковая інфармацыя аб колькасці беларусаў у розных краінах і рэгіёнах. Па дадзеным Камітэта па справах рэлігіі і нацыянальных меншасцяў, найбольш буйныя дыяспары беларусаў і выхадцаў з Беларусі існуюць зараз у Расіі – 814 тыс., у ЗША – каля 500 тыс., на Украіне – 275 тыс., у Казахстане – 95 тыс., у Польшчы – 50 тыс., у Латвіі – 80 тыс., у Літве – 45 тыс., у Эстоніі – 20 тыс. Дзяржаўныя структуры і грамадскія арганізацыі Беларусі падтрымліваюць трывалыя кантакты з грамадскімі аб’яднаннямі і асобнымі дзеячамі беларускага замежжа. За апошнія гады прыняты і рэалізаваны на самым высокім узроўні шэраг дакументаў, якія канкрэтызуюць мэты, формы і механізмы гэтага ўзаемадзеяння. Зараз распрацоўваюцца новыя дакументы: “Канцэпцыя дзяржаўнай палітыкі ў адносінах з суайчыннікамі за мяжой”, а таксама “Дзяржаўная праграма супрацоўніцтва з суайчыннікамі за мяжой”, якія выведдуць узаемадзеянне з дыяспарай ва ўсіх краінах на якасна новы ўзровень, аднавядваючы патрэбам часу.

Выкарыстаная літаратура

1. Сяргеева, Г. Беларуская дыяспара: гісторыя і сучаснасць / Г. Сяргеева // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2. / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі [і інш.] – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.

2. Беларускае замежжа / склад. Н. Голубева. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2010. – 116 с.

3. Беларуская дыяспара. Нарысы гісторыі і сучасны стан. / А.В. Шарапа [і інш.]; пад агульнай рэд. А.В. Шарапа.– Мінск: Беларусь. – 248 с.

4. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Энцыклапедыкс. – 311 с.

1. Сачанка,Б. Беларуская эміграцыя / Б. Сачанка. – Мінск: Беларусь, 1991.– 128 с.

5. Лойка, Т. Дыяспара / Т. Лойка // Беларусазнаўства: навучальны дапаможнік / П. Брыгадзін [і інш.]; пад рэд. П. Брыгадзіна. – Мінск, Завігар, 1997.– 284 с.

Формирование белорусского музея: от Радивиллов к Тышкевичам (XVI – XIX вв.)

**А.В.Давидович, канд. ист. наук, доцент,
И.А.Корнеева, ст. преподаватель**

История национальных культур складывается по-разному. Некоторые её сферы, в зависимости от исторических условий развития, которые никогда не бывают одинаковыми, вырываются вперед или, наоборот, отстают. В отношении такого специфического и одновременно универсального социокультурного института, как музей, формирование которого началось уже на ранних этапах цивилизации, отмечалось относительно ровное, поступательное развитие у большинства народов Европы. Объясняется это стабильной, объективной потребностью человечества в музейной деятельности, которая заключается, прежде всего, в сохранении и трансляции культур прошлого.

Само понятие музей (museum в переводе с греческого означает «храм муз») означает учреждение, собирающее и выставляющее

для обозрения произведения искусства, предметы истории, науки, быта, промышленности, сельского хозяйства, материалы из жизни и деятельности великих людей и т.д., расположенные по определённой системе, с целью их сохранения, наглядного изучения, а также с целью распространения знаний среди широких масс [1, с. 337].

Знакомство с историей музеев Беларуси свидетельствует об их роли как силы, которая оказала большое воздействие на общество. Музейная деятельность содействовала развитию науки, просвещения, искусства, пониманию исторического прошлого, формированию общекультурной сферы. С другой стороны, являясь продуктом своего времени, музеи отражали экономические, социальные и политические условия существования общества, в которых они были созданы.

Тесная связь музеев с разными сторонами общественного развития, а также их вклад в духовную жизнь народа ставит изучение истории музейного дела в ряд важных проблем истории Беларуси.

Знание истории становления и развития музейного дела, особенностей каждого из её этапов имеет и практическое значение, так как любой реалистический взгляд в будущее требует исторической ретроспективы, использования положительного опыта и анализа ошибок прошлого.

Рождение музеев в Беларуси происходило на протяжении довольно продолжительного времени. Основой его было частное собирательство. Первыми собирателями двигало чувство престижа, стремление укрепить свое общественное положение. Восточнославянские князья создавали сокровищницы, на создание которых уходили огромные денежные средства. Представителями феодальных верхов были созданы большие собрания художественных и исторических ценностей, которые составили культурное богатство региона. В некоторых из них уже выразительно прослеживалось музейное ядро – коллекция или группа предметов, которым придавалось эстетическое или познавательное значение.

Имеются косвенные свидетельства о существовании уже в IX – XIII вв. в восточноевропейских княжествах сокровищниц, которые выполняли прежде всего экономическую функцию. На протяжении многих столетий подобные сокровищницы были обязательным атрибутом княжеской резиденции и являлись, в то же время, одним

из символов власти. Считается, что богатейшая сокровищница в белорусских землях в это время находилась в Полоцке – городе, который выполнял в IX–XIII вв. роль важного экономического и политического центра Восточной Европы, столицы Полоцкого княжества (сюда привозили дань, товары из других стран и т.д.)

Собрания предметов, которые собирались и хранились в средневековых церквях, носили в меньшей степени экономический, в большей степени идеологический характер. В их составе находилось большое количество реликвий, которые пользовались почитанием верующих и связывались с именем Христа, Матери Божьей, апостолов, святых мучеников. Большинство таких реликвий украшались золотом, серебром и драгоценными камнями. В храмах хранили также рукописные книги в художественно оформленных окладах, дорогие восточные ткани и многое другое.

Так, известная белорусская просветительница Ефросинья Полоцкая наряду с переписыванием книг заботилась о сборе художественно оформленных реликвий в основанных ею храмах. Она решила украсить Богородицкий мужской монастырь образом Матери Божьей Эфесской и вскоре эта икона была доставлена из города Эфеса в Полоцк [2, с. 13].

Нельзя не вспомнить также шедевр белорусского декоративно-прикладного искусства – крест, созданный в 1161 г. полоцким мастером Лазарем Богшей для Спасского монастыря. Крест выполнял роль реликвария для хранения полученных Ефросиньей Полоцкой из Иерусалима и Константинополя святынь – капель крови Иисуса Христа, частиц креста господня, камня от гроба Богородицы и частиц мощей святых Пантелеймона, Стэфана и др.

Если начало собирательства предметов музейного характера на полоцких землях прослеживается фрагментарно, то факт существования сокровищницы Великого княжества Литовского подтвержден исторически. Сокровищница состояла из архива Великого княжества Литовского, канцелярских книг, важнейших государственных документов, военных трофеев, подарков, других ценных предметов. Одновременно она выполняла функции главного арсенала. До середины XVI в. сокровищницей, которая была тесно связана с великокняжеской канцелярией, руководил непосредственно канцлер. Затем эти обязанности начал исполнять

подскарбий земский. Считается, что появилась сокровищница примерно в середине XIII в., в последние десятилетия жизни князя Миндовга. Своего самого большого размера она достигла при князе Витовте. Далее сокровищница пополнялась эпизодически.

Одними из первых собирателей, коллекционеров и основателей музейного дела на нашей территории можно считать Радивиллов. Будучи достаточно образованными, они много путешествовали, воевали, учились в европейских университетах. Довольно быстро Радивиллы хорошо зарекомендовали себя в музейном деле, нашли свой путь его развития.

Основоположником музейного дела в Беларуси был Николай Радивилл Чёрный (1515-1565 гг.), который собрал обширную коллекцию монет. В ней находились монеты ВКЛ, Речи Посполитой, а также арабские, римские, голландские и другие денежные знаки. Продолжил его дело Николай Радивилл Сиротка (1549-1616 гг.), который построил замок в Несвиже. В нем он разместил предметы искусства и редкости, привезенные из других стран, в соответствующих залах: Гетмановском, Королевском, Золотом, Мраморном и т.д. Экспозиции тематически оформлялись приглашенными художниками. Каждая коллекция занимала свое место: медальоны, стекло, килимы, каберцы, нумизматика и т.д. Была в замке также и коллекция картин, в 1770 г. их насчитывалось 984. Среди них, кроме портретов предков Радивиллов, были изображения Ивана Грозного, Льва Сапегы, великих князей литовских и других известных исторических личностей. Интерьер залов украшали также ценные скульптуры, гобелены, златотканые слущкие пояса и восковые фигуры.

Радивиллы первыми начали систематизацию музейных экспонатов: оружие к оружию, ткани к тканям, портреты к портретам и т.д., а также основали первую в Восточной Европе кунсткамеру. Таким образом, можно сделать вывод, что в их лице мы имеем дело с первым в Беларуси профессионально организованным музеем [3, с. 59-60].

Коллекции Радивиллов стали примером для магнатских родов Сапег, Острожских, Солтанов, Лопатинских и других. Их собрания незначительно уступали по богатству владельцам Несвижа [4, с. 113].

Характерными чертами, присущими всем этим коллекциям, были универсальный характер, тонкая грань между коллекционными вещами и предметами интерьера и почти полная социальная изолированность. Тем не менее, несмотря на всю ограниченность деятельности магнатов-собирателей, они сыграли большую роль в деле сохранения памятников истории и культуры Беларуси, дали толчок к развитию музейного дела на территории края.

Во второй половине XVIII в. в белорусских землях, как и во всей Речи Посполитой, распространялись идеи Просвещения. Их появлению в значительной степени способствовали открытия в природоведении и других науках. Наряду с философией, литературой, искусством эти идеи нашли своё отражение и в музейном деле. Важную роль в их распространении сыграли коллекции Хрептовичей, Яблоновских, Прозоров и других.

Значительную роль в становлении музейного дела сыграла собирательская деятельность Иоахима Хрептовича (1729-1812 гг.), высокообразованного человека, оказавшего большое влияние на развитие политической жизни нашего края этого периода. Получив образование в Вильно и Германии, он активно участвовал в развитии народного образования в Беларуси, был одним из основателей «Товарищества друзей науки» в Варшаве. Однако главным увлечением И. Хрептовича было коллекционирование книг и рукописей, которым он занимался всю жизнь.

Весь верхний этаж дворца Хрептовичей в Щорсах представлял собой специально оборудованное помещение для библиотеки, в которой насчитывалось около 20 тысяч книг. Источники поступления книжного собрания были различными: основатель библиотеки привозил книги из Германии, Франции, Италии, покупал старые издания и рукописи в монастырях и у других собирателей.

Как общественный деятель, Иоахим Хрептович интересовался прошлым белорусских земель, использовал каждый удобный случай, чтобы собирать архивные материалы – акты, письма, грамоты и т.д. С большого количества интересных документов, которые хранились в других собраниях, он снимал копии, что позволило ему собрать архив в количестве 150 томов первоисточников по истории Речи Посполитой и соседних с ней государств [5, с. 86].

К наиболее ценным архивным документам относились дневник польского посольства в России 1686 г., дневник Марии Мнишек, описание коронации Владислава V, коллекция географических карт и т.д. Кроме библиотеки и архива, во дворце размещалась богатая коллекция картин и гравюр (около 7 тыс. единиц).

И. Хрептович обладал настоящим талантом коллекционера. При создании своей галереи западноевропейского искусства он стремился к приобретению произведений высокой художественной ценности, а не обязательно представителей того или иного известного имени. Среди произведений голландских, фламандских, итальянских и австрийских художников были пейзажи С. Рейсделя и И. Кеселя, религиозные сюжеты И. Ламте и Н. Грассо. После смерти И. Хрептовича вся коллекция перешла по наследству к его сыну Адаму, который, не оставив наследников, завещал её первому университету, который будет открыт в крае.

В XIX в. наблюдалось дальнейшее развитие тенденций, которые имели место ранее, но появилось также и новое. Изменился социальный состав собирателей. На смену магнату-дилетанту пришел интеллигент, который владел глубокими знаниями в определенной научной дисциплине. Исчезли такие мотивы собирательства, как гордость за свой род, демонстрация своего могущества и т.д., которые рождали эклектичные коллекции. Новое поколение коллекционеров, компенсируя нехватку материальных средств знаниями и настойчивостью, было уверено в важности своей деятельности для сохранения и изучения национальной культуры.

В XIX в. начинает развиваться археология и возникает большой интерес к древней истории. Накопление археологических материалов приводит к необходимости организации выставок, а со временем и к созданию музеев. Эти тенденции, характерные для западной Европы, затронули и территорию Беларуси.

Значительные художественные ценности были собраны магнатским родом Тышкевичей, родовое имение которых находилось в Логойске. Самые знаменитые представители этого рода братья Константин и Евстафий Тышкевичи. Их родители имели значительную коллекцию документов, книг, медалей, уникальных рукописей, двести картин итальянских живописцев, собрание «этрусских ваз», а также предметы из Помпей и Геркуланума. Библиотека состояла из

3 тыс. томов польских и французских книг. Также в Логойском дворце Тышкевичей хранилось много старинного оружия: мечи, копья, бердыши, шлемы, щиты, латы, кольчуги [6, с. 58].

Как видно из перечисленного, в музее не было предметов древней белорусской истории. Однако граф Пий Тышкевич (1758-1858 гг.) уже интересовался древностями и в дальнейшем был избран почетным членом Виленской археологической комиссии. Его сыновья стали одними из основоположников белорусского краеведения и научной археологии. Их деятельность способствовала развитию белорусской археологии и постепенному формированию научного подхода к коллекционированию.

Константин Пиевич Тышкевич (1806-1868 гг.) родился в Логойске, учился в Полоцком иезуитском коллегиуме. В 1828 г. окончил Виленский университет. Принимал участие в восстании 1830-1831 гг. До 1836 г. служил в Министерстве финансов Царства Польского, затем возвратился в Логойск и начал активно заниматься науками. Большое внимание уделял раскопкам, которыми занимался в своем Логойском графстве. Исследовал около 200 курганов, городищ и замчищ Минской губернии. Создал первые топографические планы городищ и замчищ (Заславля, Чашников, Логойска и др.). Первым классифицировал находки по технике и материалам производства и свел их в таблицы. Курганы считал древними захоронениями, а городища – местами выполнения различных обрядов. Результаты этих исследований он опубликовал в крупной работе «О курганах в Литве и Западной Руси», которая вышла в Вильно в 1865 г. на русском языке [7, с. 622; 8, т.6 (1), с. 551].

В 1856 г. К.П. Тышкевич организовал экспедицию по реке Виля от ее истоков (в борисовских лесах) до устья в Ковно (Каунас), во время которой собрал богатый этнографический, фольклорный и археологический материал. К.П. Тышкевича в экспедиции сопровождал землемер и художник. Собранные материалы легли в основу монографии «Виля и ее берега», которая была опубликована уже после смерти автора в 1871 г. в Дрездене на польском языке [6, с. 59]. К.П. Тышкевич вместе с братом Евстафием и отцом принял участие в создании Логойского музея древностей (1842 г.). Это один из первых на территории Беларуси историко-археологических музеев. Разместился музей в родовом имении Тышкевичей, в двух-

этажном дворце, занимал два или три зала. Основу коллекции музея составляли археологические находки Тышкевичей, обнаруженные при исследовании курганов, городищ и замчищ Минской губернии. В музее находились крест из серебра, оружие: два меча с миниатюрными портретами Стефана Батория XVI в., шпага Петра I, шведские знамена и др. В нумизматической коллекции музея было более одной тысячи монет и медалей, 3 тыс. книг, из которых около 500 памятников белорусского книгопечатания, древние рукописи, карты [7, с. 362]. В разное время этот музей посетили Павел Шпилевский, Константин Тызенгаузен, Михаил Паленский и др. Одним из главных экскурсоводов был отец братьев – Пий Тышкевич. Однако большую часть своей археологической коллекции местных древностей он передал в Румянцевский музей, откуда она попала в Исторический музей в Москве, где находится и сейчас.

В годы деятельности братьев Тышкевичей шло только зарождение научной археологии. Исследователи разрабатывали методы ведения раскопок, учились систематизировать и анализировать находки. К.П. Тышкевич сформулировал конкретную задачу раскопок: напластования должны быть «с точностью рассечены так, чтобы они обнаружили верно слои, из которых они сложены». Он вел дневники раскопок, анализировал погребальный обряд на основании археологических находок, предлагал проводить раскопки тех курганных групп, о которых в народе «сохранились предания, доказывающие их древность». [6, с.60].

Евстафий Пиевич Тышкевич (1814-1873 гг.) также родился в Логойске. В 1831 г. окончил Минскую гимназию. В 1832-1835 гг. работал в библиотеках Петербурга, где изучал материалы по истории родных мест. В 1835-1840 гг. находился на службе в губернских правлениях Вильно, Харькова, Минска. В 1842 г. вышел в отставку.

Раскопками Евстафий Пиевич Тышкевич начал заниматься в 1837 г. в возрасте 23 лет, причем основное внимание уделял раскопкам курганов. Вскоре он опубликовал результаты своих исследований в журналах, выходящих в Петербурге. Например, в журнале «Сын Отечества» в 1838 г. была опубликована его работа

«О древних могилах в Минской губернии и Литве» [9, с. 19]. Писал в основном на польском языке, иногда на русском, на белорусском – только фольклорные произведения.

В дальнейшем раскопками Е.П. Тышкевич занимался непрерывно. Организовал экспедиции по Минщине, по Западной Двине и Немане, по Полесью и реке Сож. Объектом его изучения стали женские захоронения. Он проводил сравнения самих захоронений, инвентаря и украшений. Эти исследования помогли сравнить культуру белорусов с соответствующей культурой соседей. Исследовал городища в Гольшанах, Заславле, Лиде, Минске, Мире и др. Все материалы раскопок Е.П. Тышкевича пополняли частную коллекцию их семьи. Роду Тышкевичей принадлежал также Острошицкий Городок. В местном дворце находилась художественная галерея и библиотека, в которой было много раритетных книг.

Однако основной целью Е.П. Тышкевича было создание полноценного общедоступного музея. Прежде чем заняться созданием такого музея, он решил посетить Европу. Западноевропейские специалисты имели большой научный опыт, разрабатывали новые научные теории в области археологии. Кроме того, в Западной Европе уже были созданы полноценные музеи.

В 1843 г. Е.П. Тышкевич едет в страны Скандинавии, так как считал, что древнескандинавская культура наиболее близка к древнебелорусской культуре. Он посетил Данию, Швецию и Финляндию, работал в архивах и библиотеках этих стран. В Стокгольме он нашел рукописи по истории средневековой Польши и Беларуси, в Копенгагене обнаружил неизвестные подробности военного похода Карла XII на Беларусь [9, с. 23]. Большое внимание уделил музеям, где изучал систематизацию подачи материала. В Копенгагене познакомился с принципами создания экспозиции национального музея древностей. После возвращения из поездки Е.П. Тышкевич приступил к осуществлению важнейшего дела своей жизни – созданию общедоступного музея в Беларуси.

Братья Тышкевичи обратились в Петербург за разрешением создать музей. Стремясь убедить петербургских чиновников, что музей создается не на пустом месте, в 1845 г. Е.П. Тышкевич перевозит небольшую часть коллекции в Вильно и открывает выставку,

которая вызвала большой интерес. Коллекцию дополнили вещи из закрытых католических монастырей (кляштароў).

К Е.П. Тышкевичу проявляла интерес администрация Минской губернии. В 1845 г. Минский губернатор А.В. Семёнов включил Е.П. Тышкевича в состав Временной комиссии, созданной для публикаций архивных дел Минской губернии, в которой он оказался самым опытным человеком в области археологии. В 1848 г. «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии» было издано в Минске. Ценность этого сборника заключается в том, что в нем опубликованы подлинные документы [8, т. 3, с. 429]. В 1848-1854 гг. Е.П. Тышкевич являлся куратором Минской гимназии, которую когда-то окончил, и предводителем (маршалком) дворянства Борисовского уезда.

В это же время Евстафий Тышкевич продолжал вести археологические раскопки, записывал фольклор, собирал экспонаты для будущего музея. В 1851 г. он разработал проект создания Виленского музея древностей и при нем Археологической комиссии. Виленский генерал-губернатор И.Г. Бибииков поддержал идею создания музея в Вильно и запросил в Петербурге разрешение на это «важное для Западного края дело». Однако резолюция Николая I была двусмысленной: “не вижу препятствий, но с должной разборчивостью” [6, с. 62], что позволило чиновникам отклонить проект. Положение о создании Виленского музея древностей было утверждено только Александром II 29 апреля 1855 г. Музей разместился в здании библиотеки Виленского университета.

Братья Тышкевичи перевезли из Логойска в Вильно большое количество предметов своей археологической коллекции: старинное оружие, около трёх тысяч книг, три тысячи монет и медалей, более 1000 картин, гравюр, географических карт, медных гравировочных дощечек [10]. Кроме того, братья Тышкевичи обращались к друзьям с просьбами пожертвовать музею свои коллекции. На этот призыв откликнулись деятели белорусской культуры. А.К. Киркор и Ф.Е. Нарбут передали музею свои археологические коллекции, К. Тизенгауз – орнитологическую коллекцию, на основе которой был создан орнитологический кабинет.

Официальное открытие Виленского музея древностей состоялось 1 декабря 1856 г. Экспозиция музея была представлена отде-

лами археологии, этнографии, искусства, оружия, минералогии, орнитологии. Нумизматическая коллекция состояла из 3264 античных, восточных, русских, польско-литовских, западноевропейских монет. Большую часть экспозиции составляли предметы из Беларуси: археологические находки, грамоты XII-XIV вв. о связях полоцких князей с ганзейскими городами, каменные идолы со Случчины, кольчуга с славянскими надписями из Орши, ядра из Минского замка, печать из Крево, старинные вещи с Каложской церкви в Гродно и др. [8, т. 1, с. 286].

Музей пополнялся новыми материалами на протяжении всего своего существования. В нем велась специальные книги новых поступлений. Предметы присылали из многих городов Беларуси: Минска, Могилева, Витебска. Орши, Новогрудка, Лиды, Гродно, Постава и др. Например, в книге учета новых поступлений в 1856 г. записано, что виленский гимназист Франтишек Богушевич передал в музей древние окаменелости, славянский гадальник, древний крестик и другие предметы, которые он нашел в м. Кушляны Ошмянского повета [9, с. 32].

В инвентарных описях Виленского музея значится статуэтка из бронзы с подписью «Мильда» – богиня любви, которую передал в музей А. Киркор, две бусины из синего стекла переданы в музей поэтом В. Сырокомлей, также от него поступили 10 томов «Геральдики» К. Несецкого, составленные в XVIII в. Уже через два года в каталогах музея было зарегистрировано десять тысяч музейных предметов [9, с. 33]. Одновременно при музее была создана Виленская археологическая комиссия. Председателем комиссии был избран Е.П. Тышкевич, вице-председателем – М.И. Балинский, хранителем музея и секретарем комиссии стал А.К. Киркор, членами комиссии – историк Ф.Е. Нарбут, П.В. Кукольник (брат поэта), К.П. Тышкевич и другие. Среди почетных членов комиссии был Пий Тышкевич.

Е.П. Тышкевич разработал программу работы комиссии, которая «должна начать с обозрения успехов, сделанных в Западном крае до сего времени», «составить подробное руководство» по методике ведения раскопок, составить «указатели всех существующих в Западных губерниях курганов, городищ, разных древних земляных укреплений». В задачу комиссии входило и «собрание полных

сведений о местах и частных лицах, владеющих памятниками древности...». Комиссия должна была обобщать весь собранный материал, публиковать «независимо от занятия археологией различные акты и другие материалы [6, с. 62, 63]. Это был первый программный документ археологических исследований в Западном крае. Однако осуществить все положения программы комиссия не смогла.

Деятельность Виленской археологической комиссии продолжалась с 1855 по 1865 гг. Комиссия организовывала археологические экспедиции, собирала материалы по истории края, а также сведения о древнейших находках и владельцах археологических материалов. Заседания комиссии проходили одиннадцатого числа каждого месяца, информация о них помещалась в прессе. На этих заседаниях обсуждались результаты археологических экспедиций, заслушивались доклады по истории края, о быте и фольклоре населения, изучалась материальная и духовная культура края. На собраниях по итогам года давался подробный отчет о деятельности комиссии, приводились статистические данные о количестве ее членов и пожертвованиях. Последние данные постоянно увеличивались, что говорит о росте популярности комиссии и музея в целом. Ежегодно публиковались «Записки Виленской археологической комиссии», которые состояли из реферативных докладов каждой экспедиции о проделанной работе. Также комиссия издавала и краеведческие работы.

Члены комиссии и сотрудники музея поддерживали связи с 15 научными организациями Англии, Дании, Франции, Швейцарии, Швеции, России и других стран. Так, например, 11 июля и 11 августа 1859 г. зачитывались письма К.П. Тышкевича из-за границы о сравнении археологических коллекций Дрезденского и Виленского музеев [6, с. 63].

Виленский музей древностей и Археологическая комиссия фактически были закрыты после подавления восстания 1863-1864 гг. как центр «польской интриги» [9, с. 36]. По инициативе виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, который подавлял восстание, была создана комиссия во главе с И.П. Корниловым для ревизии деятельности музея. В ее состав включили и Е.П. Тышкевича, но с его мнением не считались. Комиссия обвинила руководство музея в распространении польского влияния на местное население.

Е.П. Тышкевич отвергал эти обвинения и доказывал, что чисто польских предметов в коллекции музея нет, в большинстве своем они местные – литовско-русские. Этот термин Тышкевич использовал для древних белорусских памятников. Также он доказывал, что Русь Литовская (Беларусь) до 1569 г. сохраняла полную самостоятельность, а «федеративный союз с Польшей ни один историк не называет господством». Таким образом, Е.П. Тышкевич отстаивал понятия, которые в белорусской историографии утвердились только в наши дни [11].

Е.П. Тышкевич вышел из состава комиссии и снял с себя обязанности попечителя созданного им музея. В итоге музей был передан в ведение Виленского учебного округа, а 256 предметов изъято из его экспозиции. В этот список попали даже вещи, восхвалявшие царизм, но сделанные польскими мастерами, портрет генерала Коссаковского был изъят из-за польской фамилии, хотя этот генерал был казнен в Вильне за приверженность к Екатерине II (1794 г.), изъяты знаки масонских лож, копия Збручского идола [6, с. 82]. Много экспонатов было отправлено в Москву, но позднее под давлением общественности 206 единиц хранения были возвращены [9, с. 36]. Однако некоторые наиболее ценные экспонаты так и не вернулись в музей. Например, не была возвращена оршанская кольчуга со славянскими письменами. Она и сейчас экспонируется в государственном историческом музее в Москве. Позднее часть экспозиции Виленского музея попала в коллекцию польского этнографа З. Глогера, а потом в Национальный музей Варшавы.

Виленский музей древностей был преобразован в Публичную библиотеку, собрание древностей стало при ней плохо организованным придатком. Реконструированный и русифицированный музей просуществовал до начала первой мировой войны. Благодаря стараниям белорусского археолога И.И. Луцкевича часть коллекции Тышкевичей вошла в фонд белорусского национального музея в Вильно (1921-1945). После Второй мировой войны коллекция этого музея была разделена между разными музеями Литвы.

Рассматривая деятельность Виленского музея древностей, современные исследователи пришли к выводу, что это был первый опыт организации общепольского национального музея.

Использованная литература

1. Словарь иностранных слов и выражений (энциклопедический справочник) / Н.В.Трус [и др.]. – Минск: Современный литератор, 1999. – 576 с.

2. Грыцкевіч, А. Ефрасіння Полацкая / А.Грыцкевіч // Славуцця імёны Бацькаўшчыны: Зборнік артыкулаў; рэдкал.У.Гілеп [і інш.]. – Мінск: Беларускі фонд культуры, 2000. – 384 с.

3. Гурын, М. Радзівілл Мікалай Крыштоф / М.Гурын // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.:Г.П.Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993-2003. – Т.6, кн.1.– 2001.– 591 с.

4. Грыцкевіч, А. Ефрасіння (Прадслава) Полацкая/ А. Грыцкевіч //Славуцця імёны Бацькаўшчыны: Зборнік артыкулаў; рэдкал.У.Гілеп [і інш.]. – Мінск. БФК, 2000. – 384 с.

5. Каханоўскі, Г.Вытокі музейной справы на Беларусі / Г. Каханоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 79-86

6. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в.– 30-е гг. XX в. / Л.В.Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.

7. Археалогія і нумізматыка Беларусі / рэдкал. В.В. Гетаў [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – 702 с.

8. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993-2003. – Т. 6, кн. 1. – 2001. – 591 с.

9. Каханоўскі, Г.А., Каханоўскі А.Г. Руплівец нашай старасветчыны / Г.А.Каханоўскі,А.Г.Каханоўскі. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1991. – 63 с.

10. Сяліцкая, Л. Флатылія з графскім гербам / Л.Сяліцкая // Беларусь. – 2007. – № 5.

11. Грабянчук, І.В. Гісторыка-краязнаўчыя музеі Беларусі ў другой палове XIX-пачатку XX стст. /І.В. Грабянчук // Вес. Нац. Акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2000. – № 1.

Прафесійныя арганізацыі тэхнічнай інтэлігенцыі савецкай Беларусі (1920 – 1930-я гг. XX ст.)

А.А. Дубовік, выкладчык

Сярод праблем гісторыі Беларусі, якія не атрымалі належнага асвятлення ў навуковай літаратуры, неабходна назваць тэму ўдзелу ў прафсаюзным руху інтэлігенцыі, асабліва тэхнічнай. Вывучэнне дадзенай тэмы ўяўляе вялікі навуковы інтарэс, будзе вельмі карысным як для раскрыцця тэндэнцый развіцця прафсаюзнага руху, так і для абагульнення гістарычнага вопыту фарміравання тэхнічнай інтэлігенцыі рэспублікі.

Як вядома, прафесійныя саюзы ўзніклі сярод пралетарыяту для абароны яго класавых інтарэсаў. Паступова да прафсаюзнага руху далучаецца і інтэлігенцыя, ў тым ліку тэхнічная. У маі 1917 г. быў створаны Усерасійскі саюз інжынераў, у яго задачу ўваходзіла і абарона прафесійных інтарэсаў членаў саюза. Аднак беларускія губерні з’яўляліся недастаткова развітымі ў адносінах прамысловасці кадры інжынерна-тэхнічных работнікаў тут былінешматлікія [1, с. 170].

Вырашэнне пытання аб формах прафесійнай арганізацыі інтэлігенцыі мела ў першыя гады савецкай улады прынцыповае значэнне. У працэсе пошукаў мэтазгоднай прафесійнай арганізацыі спецыялістаў у 1919-1920 гг. у Савецкай Расіі пачалі стварацца інжынерна-тэхнічныя секцыі (ІТС) прафсаюзаў, якія аб’ядноўвалі інжынерна-тэхнічных работнікаў (ІТР) – членаў галіновага прафсаюза. На прадпрыемствах і ва ўстановах фарміраваліся калектывы спецыялістаў, якія з’яўляліся састаўной часткай прафсаюзнай арганізацыі; на губернскіх і павятовых канферэнцыях выбіраліся адпаведныя бюро ІТС. Іх працу каардынавалі міжсекцыйныя бюро інжынераў і тэхнікаў (МБІТ), створаныя пры адпаведных саветах прафсаюзаў. Яны займаліся абаронай прафесійных інтарэсаў інжынераў, тэхнікаў, «перавыхаваннем» старых спецыялістаў, распаўсюджваннем тэхнічных ведаў сярод рабочых. Аднак у БССР з-за спецыфікі гістарычнага развіцця (акупацыя ў 1919-1920 гг. польскімі інтэрвентамі, невялікая колькасць тэхнічных спецыялістаў і г.д.) стварэнне ІТС прафсаюзаў пачалося пазней – толькі ў 1923 г. [2, с. 4].

У жніўні 1921 г. быў прыняты дэкрэт СНК «Аб мерах па пад'ёму ўзроўня інжынерна-тэхнічных ведаў у краіне і паляпшэнню ўмоў жыцця інжынерна-тэхнічных работнікаў РСФСР». У ім даручалася УЦСПС садзейнічаць развіццю інжынерна-тэхнічных аб'яднанняў унутры саюзаў і пры міжсаюзных арганізацыях, як у губернях, так і ва ўсерасійскім маштабе [3, с. 255, 256]. Выконваючы гэта даручэнне, УЦСПС у снежні 1922 г. склікаў I з'езд інжынерна-тэхнічных работнікаў – членаў прафсаюзаў, на якім быў выбраны інжынерны цэнтр, перайменаваны на II з'ездзе ў 1924 г. ва Усесаюзнае міжсекцыйнае бюро інжынераў і тэхнікаў (УсеМБІТ) пры УЦСПС. Паралельна з ім працавала Усерасійская асацыяцыя інжынераў, створаная ў снежні 1918 г. з Усерасійскага саюза інжынераў [2, с. 4].

У сувязі з падрыхтоўкай I Усерасійскага з'езда ІТР у кастрычніку 1922 г. пры Саўпрафбеле была створана арганізацыйная камісія на чале з старшынёй прафсаюзнага органа Ш.Ш. Ходашам. Меркавалася правесці I снежня ў Мінску губернскую канферэнцыю інжынераў з парадкам дня: агульнае становішча народнай гаспадаркі БССР і перспектывы; інжынерныя аб'яднанні ў прафсаюзах; выбары на Усерасійскі з'езд інжынераў [4]. Аднак канферэнцыю не ўдалося склікаць. Выбары дэлегатаў на Усерасійскі з'езд адбыліся 11 снежня 1922 г. на агульным сходзе інжынераў – членаў саюзаў г. Мінска, які прайшоў пад старшынствам Ш.Ш. Ходаша. У ходзе абмеркавання інжынер-тэхнолаг А.Б. Цыперовіч прапанаваў стварыць самастойны саюз інжынераў. Большасць прысутных выказалася за арганізацыю пры саюзах інжынерна-тэхнічных секцый і інжынернага цэнтра пры савеце прафсаюзаў. Дэлегатам на I Усерасійскі з'езд інжынераў быў выбраны кіраўнік вытворчага аддзела Саўнаргаса Беларусі Н.Я. Шчырын [2, с. 4-5].

Інжынерна-тэхнічныя секцыі з'явіліся ў першую чаргу ў прафсаюзах будаўнікоў і чыгуначнікаў. У саюзе будаўнікоў ІТС налічвала ў 1923 г. 25 членаў [5, с. 24]. У Саўпрафбеле неоднаразова падымалася пытанне аб неабходнасці стварэння інжынернага цэнтра. Яно атрымала сваё рашэнне 16 студзеня 1924 г., калі быў скліканы агульны сход інжынераў і тэхнікаў г. Мінска, на якім абрана міжсекцыйнае бюро інжынераў з пяці членаў [6, с. 22-23].

Пачатковы перыяд яго дзейнасці праходзіў пад знакам збірання інжынерна-тэхнічных сіл і паступовага ўцягнення іх у прафсаюзную работу. З аднаго боку, трэба было арганізаваць секцыі ў прафсаюзах, а з другога, пераадолець недавер да ІТР, які да таго часу захоўваўся ў значнай колькасці рабочых і прафработнікаў. Перш за ўсё былі арганізаваны ІТС пры цэнтральных праўленнях саюзаў металістаў, саўпрацаўнікоў, дрэваапрацоўшчыкаў, харчавікоў і Рабзямлеса [7]. Першыя крокі па стварэнню ІТС прафсаюзаў былі зроблены ў гэты перыяд у Віцебскай губерні, якая ўваходзіла тады ў склад РСФСР; губернскае міжсекцыйнае бюро тут было выбрана ў ліпені 1923 г. У сакавіку 1924 г. адбылося першае ўзбуйненне БССР за кошт Віцебскай і шэрагу раёнаў Гомельскай губерняў. У выніку павялічылася колькасць спецыялістаў, якія працавалі ў народнай гаспадарцы. Так, у Віцебскай губерні к моманту ўзбуйнення міжсекцыйнае бюро інжынераў і тэхнікаў ахоплівала працай 156 чалавек, у тым ліку 53 інжынераў з вышэйшай і 40 з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй. Яны аб'ядноўваліся ў 10 секцыях і аддзяленнях [6, с. 52].

Арганізацыйны перыяд закончыўся скліканнем 15-19 лістапада 1924 г. I Усебеларускага з'езда інжынерна-тэхнічных, агранамічных і эканамічных работнікаў, у рабоце якога прынялі ўдзел 58 дэлегатаў, якія прадстаўлялі больш за тысячу спецыялістаў з усёй БССР. Інжынерна-тэхнічных работнікаў на з'ездзе было 35. З агульнай колькасці дэлегатаў 37 прадстаўлялі Мінск і толькі 14 – астатнія акругі БССР. Вышэйшую адукацыю мелі 34 дэлегаты (58%). Па нацыянальнаму складу дэлегаты размяркоўваліся наступным чынам: беларусы – 20, яўрэі – 18, рускія – 14, палякі – 2, іншыя – 4. Членамі камуністычнай партыі з'яўляліся 4 дэлегаты. На з'ездзе абмяркоўваліся пытанні аб рабоце беларускага міжсекцыйнага бюро інжынераў; аб становішчы ў сельскай гаспадарцы і прамысловасці; аб прафтэхнічнай адукацыі ў Беларусі; аб вытворчых нарадах і ролі ў іх ІТР; аб задачах прафсаюзаў у кіраўніцтве працай ІТС; аб навуковай арганізацыі працы і ІТС; аб ахове працы на прадпрыемствах і ролі тэхнічнай інспекцыі і іншыя [8]. З'езд шмат ўвагі надаў развіццю галін народнай гаспадаркі рэспублікі, садзейнічаў росту актыўнасці ІТР і аб'яднанню іх у прафсаюзах. Выбранае Беларускае міжсекцыйнае

бюро інжынераў і тэхнікаў пры ЦСПСБ (БелМБІТ) на чале з Н.Я. Шчырыным узялося за арганізацыю акруговых аб'яднанняў, умацаванне працы секцый, разгарнула актыўную эканамічную, прафесійную і культурна-асветніцкую дзейнасць як сярод ІТР, так і сярод рабочых. У сярэдзіне 1925 г. ІТС працавалі ўжо ў многіх прафсаюзах, буйнейшай жа з'яўлялася секцыя Рабзямлеса. Былі створаны таксама міжсекцыйныя аб'яднанні ў акругах [7].

У верасні 1925 г. была прынята пастанова ЦК РКП (б) «Аб спецыялістах», у якой цэнтр працы па аб'яднанню і выхаванню навукова-тэхнічных кадраў пераносіўся на ІТС прафсаюзаў. П Усебеларускі з'езд інжынерна-тэхнічных работнікаў, які адбыўся ў лютым 1926 г., падвёў вынікі працы ІТС за год і вызначыў шляхі іх далейшага развіцця. Адзначалася, што інжынерна-тэхнічныя аб'яднанні прафсаюзаў змаглі заняць пэўнае месца ў прафсаюзным руху Беларусі. Прадстаўнікі ІТР былі ва ўсіх прафсаюзных органах – ад фабзаўкомаў і мясцкомаў да цэнтральных праўленняў саюзаў і ЦСПСБ. Асабліва заметнай была роля ІТС у вытворча-эканамічнай і культурна-асветнай працы прафсаюзаў. Яны прымалі актыўны ўдзел у вытворчых нарадах, садзейнічалі прафесійнай адукацыі рабочых, ліквідацыі іх тэхнічнай непісьменнасці і г.д. Старшынёй БелМБІТ быў выбраны А.М. Каплан, кіраўнік прамысловай секцыі прэзідыума Дзяржплана пры СНК БССР [9].

У канцы 1925 г. у ІТС прафсаюзаў рэспублікі налічвалася 1556 членаў, а ў сярэдзіне 1927 г. – ужо 2831 спецыяліст. Па асобных прафсаюзах колькасць членаў ІТС адзначана наступнымі лічбамі: Рабзямлес – 1885, саюзы будаўнікоў – 264, дрэваапрацоўшчыкаў – 164, харчавікоў – 150, саўгандальслужачых – 68, папяровай прамысловасці – 64, металістаў – 61 і г.д. Кіруючая праца БелМБІТ ажыццяўлялася шляхам заслухоўвання дакладаў бюро ІТС асобных саюзаў, акруговых МБІТ, дапамогі ім у наладжванні інжынерна-тэхнічнай дзейнасці. За перыяд з снежня 1925 г. па чэрвень 1927 г. прэзідыум БелМБІТ збіраўся 44 разы і разгледзеў 308 пытанняў [10, с. 49].

У пачатку 1927 г. прэзідыум ЦСПСБ правёў дэталёвае абследаванне становішча працы ў інжынерна-тэхнічных арганізацыях прафсаюзаў. Было ўстаноўлена павялічэнне колькасці членаў ІТС, рост актыўнасці ІТР і пашырэнне іх удзелу у

прафсаюзнай рабоце. Разам з гэтым прэзідыум канстатаваў цэлы шэраг хібаў у працы ІТС: слабае кіраўніцтва з боку міжсекцыйных бюро секцыямі саюзаў, адсутнасць планавання і сістэматычнай работы ў большасці бюро секцый, дрэнную пастаноўку масавай работы сярод ІТР і г.д. [10, с. 50-51]. Ліквідацыі гэтых недахопаў надаў вялікую ўвагу III Усебеларускі з'езд ІТР, які адбыўся 19-22 мая 1928 г. На з'езд у Мінск прыехала 75 дэлегатаў. З'езд прайшоў пры высокай актыўнасці, у спрэчках па дакладах аб працы БелМБІТ, УсеМБІТ, аб масавай рабоце сярод тэхнічных спецыялістаў выступілі 35 чалавек. ІТС прафсаюзаў рэспублікі аб'ядноўвалі ў гэты час 3500 спецыялістаў, большасць якіх працавалі ў Мінску і Гомелі. Буйнейшай з'яўлялася секцыя саюза сельскагаспадарчых і лясных рабочых (СХЛР). Разам з тым, у дакладах і выступленнях адзначалася, што недастатковая ўвага надаецца ІТР з боку прафсаюзных арганізацый, гаспадарнікі мала цікавяцца працай ІТС, у іх адстае беларусізацыя, за выключэннем секцыі СХЛР. Дэлегат з Віцебска скардзіўся, што некаторыя гаспадарнікі і рабочыя глядзяць на спецыялістаў як на баласт. Прафсаюзы, указвалася на з'ездзе, павінны разгарнуць масавую работу сярод спецыялістаў, стварыць добрыя ўмовы для павышэння іх кваліфікацыі, садзейнічаць рабочаму вынаходніцтву. У склад БелМБІТ было выбрана 17 чалавек, яго старшынёй зноў стаў А.М. Каплан. Вынікі Усебеларускага з'езда ІТР і перспектывы далейшай працы прафсаюзаў са спецыялістамі былі абмеркаваны ў чэрвені 1928г. на IV пленуме ЦСПСБ. Звярталася ўвага на прыцягненне моладзі да навукова-тэхнічнай дзейнасці, неабходнасць рашучай барацьбы з «заціраннем маладых спецыялістаў» [11].

К 1929 г. у БССР налічвалася больш 4 тыс. ІТР, якія працавалі на прамысловых прадпрыемствах, у сельскай і лясной гаспадарцы, а таксама ў кіруючым апарце гаспадарчых органаў. Але ў агульнай колькасці працаўнікоў, аб'яднаных прафсаюзамі, колькасць інжынера-тэхнічнага персаналу складала толькі 2,5%, што сведчыла аб дрэннай забяспечанасці прадпрыемстваў кваліфікаванымі тэхнічнымі спецыялістамі. Нязначная колькасць інжынераў і тэхнікаў, распыленасць іх па шматлікіх, даволі мелкіх прадпрыемствах, стракаты адукацыйны і нацыянальны склад

ускладнялі прафсаюзную працу сярод спецыялістаў, патрабавалі асаблівай да яе ўвагі. Важнейшыя пытанні працы прафсаюзаў сярод ІТР разглядаліся на Усебеларускай канферэнцыі інжынерна-тэхнічных секцый, якая адбылася ў красавіку 1929 г. На ёй адзначалася, што значна пашырыўся ўдзел інжынерна-тэхнічных секцый у вытворчай працы прафсаюзаў, узмацнілася іх дзейнасць у часовых кантрольных і аглядных камісіях і ў калектыўна-дагаворнай працы. Аднак мелі месца выпадкі слабага ўдзелу ІТР у грамадскай працы. Нязначнай з'яўлялася колькасць прафсаюзнага актыву ІТС – толькі 7% членаў секцый. Кіраўніцтва працаў ІТС з боку саюзных і міжсаюзных органаў заставалася недастатковым. Канферэнцыя звярнула ўвагу на неабходнасць узмацнення беларусізацыі ў секцыях індустрыяльных прафсаюзаў, удзелу ІТС у культурна-асветнай працы сярод шырокіх працоўных мас, усебакова абмеркавала пяцігадовы план падрыхтоўкі кадраў і прыняла шэраг важных рашэнняў [12].

Рост колькасці ІТР ва ўмовах індустрыялізацыі, узмацненне іх ролі ў гаспадарчым будаўніцтве патрабавалі значнай актывізацыі працы прафсаюзаў сярод інжынерна-тэхнічнай інтэлігенцыі. У мэтах набліжэння ІТС прафсаюзаў да непасрэдных задач вытворчасці на буйных прадпрыемствах былі арганізаваны секцыі, а таксама створаны раённыя і гарадскія МБІТ. Справаздачна-выбарная кампанія міжсекцыйных бюро ажыўіла працу нізавых арганізацый, дала прыток рацыяналізатарскіх прапаноў (іх паступіла больш за 700). К канцу 1931 г. агульная колькасць ІТР па БССР перавысіла 13 тыс. чалавек, але яна задавальняла запатрабаванні прамысловасці ў спецыялістах вышэйшай кваліфікацыі толькі на 43,6%, сярэдняй – 58% [13, с. 72-73]. Напружанасць ў забяспячэнні народнай гаспадаркі інжынерна-тэхнічным персаналам патрабавала вылучэння практыкаў на адміністрацыйна-гаспадарчыя і тэхнічныя пасады.

У першыя гады існавання ІТС займаліся галоўным чынам паляпшэннем умоў працы і быту ІТР, аказаннем дапамогі беспрацоўным, культурна-асветнай работай, навукова-тэхнічнай прапагандай. У другой палове 1920-х гадоў узмацнілася вытворчая праца, якую ІІІ Усебеларускі з'езд ІТР прызнаў галоўнай для ІТС. Асноўнымі напрамкамі працы ІТС з'яўляліся удзел у разглядзе

вытворчых планаў, абмеркаванне мерапрыемстваў па рэарганізацыі вытворчасці, кансультацыі гаспадарчых і прафсаюзных органаў па тэхнічных пытаннях, удзел у працы вытворчых нарад і камісій, тэхнічнае абследаванне прадпрыемстваў, садзейнічанне вынаходніцтву і інш. У жніўні 1929 г. згодна з пастановай СНК СССР была ліквідавана Усесаюзная асацыяцыя інжынераў, а навукова-тэхнічныя таварыствы (НТТ) і іншыя яе ўстановы перададзены ў веданне УсеМБІТ пры УЦСПС. Такое рашэнне тлумачылася тым, што НТТ не змаглі наблізіцца да вытворчасці, устанавіць пастаянныя кантакты з прафсаюзамі і нярэдка працавалі малаэфектыўна, у адрыве ад актуальных праблем народнай гаспадаркі. У 1930 г. УЦСПС зацвердзіў першы тыпавы Статут НТТ. Да 1931 г. НТТ знаходзіліся ў складзе прафсаюзаў, якія дапамагалі ім у арганізацыйным умацаванні, наладжванні сувязей з вытворчасцю [2, с. 7].

У 1929-1930 гг. ішла перабудова работы прафсаюзаў пад лозунгам «Тварам да вытворчасці», што азначала пераключэнне ўвагі на пытанні вытворчасці працы, рацыяналізацыі вытворчасці, умацавання працоўнай дысцыпліны. Вялікае значэнне надавалася арганізацыі саборніцтва. Спачатку ўдзел у ёй ІТС прафсаюзаў заключаўся, галоўным чынам, у выпрацоўцы паказчыкаў саборніцтва, ажыццяўленні праверак і г.д. Аднак хутка цэнтральным напрамкам іх дзейнасці стала арганізацыя саборніцтва паміж спецыялістамі. На 1 кастрычніка 1931 г. ахоп ударніцтвам ІТР дасягнуў 64,5 % пры сярэднім ахопе па народнай гаспадарцы 61,8 %. Многія інжынеры і тэхнікі ўвайшлі ў склад ударных брыгад, гаспадарча-разліковых брыгад, гурткоў рацыяналізатараў, аказвалі значную дапамогу рабочым у выкананні прамфінпланаў і авалодванні тэхнікай. ІТР фабрыкі «Пралетарская перамога» уступілі ў рух за тэхніка-эканамічную незалежнасць СССР ад замежных краін і заклікалі да гэтага ўсю інжынерна-тэхнічную інтэлігенцыю БССР. БелМБІТ шырока разгарнуў працу па вызначэнню лепшых ІТР-ударнікаў для занясення на Дошку гонару [13, с. 72-73].

Другім напрамкам працы ІТС у гады першых пяцігодак з'яўлялася садзейнічанне развіццю вынаходніцтва і рацыяналізацыі вытворчасці. Са стварэннем у 1930 г. Усесаюзнага таварыства

вынаходнікаў, а на прадпрыемствах спецыяльных бюро па рацыяналізацыі і вынаходніцтву дзейнасць ІТС па садзейнічанню вынаходніцтву вялася ўжо ў кантакце з гэтай арганізацыяй. 20-22 красавіка 1931 г. праходзіў I Усебеларускі з'езд рацыяналізатараў і вынаходнікаў, які паставіў перад прафсаюзамі задачу дабіцца больш актыўнага ўдзелу рабочых і ІТР у руху наватараў вытворчасці, падтрымліваць каштоўныя прапановы рацыяналізатараў і вынаходнікаў [14, с. 294]. Сумеснымі намаганнямі саветаў прафсаюзаў і міжсекцыйных бюро ІТС у канцы 1931-1932 гг. на буйных прадпрыемствах былі створаны саветы таварыства вынаходнікаў.

Значная частка інжынерна-тэхнічных секцый уключылася ў аказанне дапамогі рабочым ударнікам і вылучэнцам у авалодванні тэхнікай. Так, рэспубліканскае бюро ІТС прафсаюза рабочых МТС і батракоў выпусціла аблігацыю «Тэхніка – масам», разгарнула працу па арганізацыі гурткоў па ліквідацыі тэхнічнай непісьменнасці, курсаў па авалодванні тэхнікай. Такія гурткі ствараліся і па лініі іншых бюро ІТС саюзаў. На мінскім заводзе «Камунар» быў адкрыты рабочы тэхнікум у складзе 18 груп. 4 – 5 лістапада 1933 г. адбыўся Усебеларускі злёт ударнікаў якасці і авалодвання тэхнікай. Дэлегаты прынялі зварот да ўсіх ІТР рэспублікі. «Кожны спецыяліст, – гаварылася ў ім, – павінен стаць актыўным арганізатарам асвойвання новай тэхнікі, новага абсталявання» [14, с. 330].

Найбольш значнымі з'явамі ў дзейнасці прафесійных арганізацый тэхнічнай інтэлігенцыі ў сярэдзіне 30-х гг. сталі іх удзел у стаханаўскім руху і ўцягванне ў грамадскую працу жонак ІТР. Шырокае распаўсюджванне атрымалі сумесныя сходы ІТР і стаханаўцаў, нарады прафактыву, ІТР з кіраўніцтвам прафсаюзных органаў, на якіх абмяркоўваліся праблемы ўдасканалвання гэтага руху [2, с. 8].

На жаль, у гэты складаны час праца БелМБІТ была дэзарганізавана палітычнымі рэпрэсіямі. Па так званай справе аб «Беларускім філіялу Прампартыі» у снежні 1930 г. быў арыштаваны А.М. Каплан, які нібыта з'яўляўся «фактычным кіраўніком контррэвалюцыйнай арганізацыі» [15]. 3 жніўня 1931 г. старшыней БелМБІТ стаў П.К. Казімірчык, які быў перавыбраны зноў

IV Усебеларускім з'ездам ІТС у маі 1932 г. [16]. Аднак V пленум БелМБІТ 26 кастрычніка 1933 г. замяніў кіраўніцтва органа «за палітычныя памылкі і бяздзейнасць». Старшынёй был выбраны інжынер-электрык, член партыі Розін [17]. Дзейнасць БелМБІТ спачатку актывізавалася. Новае кіраўніцтва ініцыявала разгляд на прэзідыуме ЦСПСБ пытанняў аб вызваленых работніках для МБІТ прафсаюзаў і аб паляпшэнні забяспячэння ІТР. Але праца згарнулася пасля таго, як Розін у лютым 1935 г. быў выключаны з партыі «за прыналежнасць да трацкісцкай контррэвалюцыйнай апазіцыі» і зняты з працы [18]. З ліквідацыяй у 1937 г. міжсаюзных органаў прафсаюзаў спынілася і дзейнасць міжсаюзных аб'яднанняў ІТР.

Акрамя ІТС прафсаюзаў, у 1927-1938 гг. дзейнічала грамадска-палітычная арганізацыя навукова-тэхнічнай інтэлігенцыі – Усесаюзная арганізацыя работнікаў навукі і тэхнікі для садзейнічання сацыялістычнаму будаўніцтву (УсеАРНІТСА). У лістападзе 1927 г. было створана Беларускае таварыства работнікаў навукі і тэхнікі для садзейнічання сацыялістычнаму будаўніцтву, дзейнасць якога была накіравана на прыцягненне шырокіх мас навуковых супрацоўнікаў і спецыялістаў да актыўнага ўдзелу ў распрацоўцы праблем гаспадарчага і культурнага будаўніцтва ў рэспубліцы [19]. У 1938 г. УсеАРНІТСА перадала свае функцыі прафсаюзным і навуковым аб'яднанням інтэлігенцыі і спыніла дзейнасць.

У канцы 30-х гг. XX ст. інжынерна-тэхнічная інтэлігенцыя БССР уяўляла сабой значны атрад, які налічваў у сваім складзе, акрамя вылучэнцаў, 5,1 тыс. дыпламаваных інжынераў і 9,1 тыс. тэхнікаў, працуючых у народнай гаспадарцы [1, с. 171]. У сувязі са збліжэннем інтарэсаў ІТР і рабочага класа, уцягваннем спецыялістаў у агульную прафсаюзную працу паступова адпала неабходнасць у існаванні ІТС прафсаюзаў. Па новаму Статуту прафсаюзаў СССР, прынятаму ў 1938 г., спецыялісты пачалі ўваходзіць разам з рабочымі і служачымі ў адзіную прафсаюзную арганізацыю. 5 ліпеня 1939 г. Прэзідыум УЦСПС прыняў пастанову, у якой гаварылася аб неэтазгоднасці існавання ўнутры прафсаюзаў секцыі ІТР і неабходнасці далейшага, больш шырокага прыцягнення іх да актыўнага ўдзелу ў агульнай рабоце прафсаюзаў

[20]. ІТС прафсаюзаў у асноўным выканалі свае задачы і спынілі існаванне. Некаторыя іх функцыі (напрыклад, кіраўніцтва тэхнічнай творчасцю) перайшлі да інжынерна-тэхнічных таварыстваў, ператвораных у 1954 г. у навукова-тэхнічныя таварыствы.

Выкарыстаная літаратура

1. Дубовик, Е.А. Развитие инженерного образования в Беларуси / Е.А. Дубовик //Инженерно-педагогическое образование в XXI веке: материалы III Республиканской научно-практической конференции молодых ученых.– Минск, 2007. – С. 170-174.

2. Дубовик, А. К. Создание и деятельность инженерно-технических секций профсоюзов Беларуси (20-30-е гг. XX в.) / А.К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2006. – № 2. – С.4-9.

3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М. Политиздат, 1967. –Т. 1. – 413 с.

4. Матэрыялы аб созыве 1 Усерасійскага з'езда ІТР. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 265. – Воп.1. – Спр. 696. – Арк. 2, 3.

5. Отчет о деятельности президиума Совета профессиональных союзов Белоруссии (апрель 1922 г. – июль 1923 г.). –Минск, 1923. – 126 с.

6. Отчет о деятельности Совета профсоюзов Белоруссии и Витебского губернского совета профсоюзов за период июль 1923-февраль 1924 гг. – Минск, 1924. – 58 с.

7. Натансон В. Инженерно-техническая сила в профессиональном движении Белоруссии // Прафесіянальны рух Беларусі. – 1925. – № 9.

8. Материалы I Всебелорусского съезда инженерно-технических, агрономических и экономических работников // Звезда. – 1924. – 18 ноября.

9. Инженерно-технические секции в профдвижении Белоруссии //Прафесіянальны рух Беларусі. – 1926. – № 8.

10. Отчет Центрального Совета профсоюзов Белоруссии за период с декабря 1925 г. по июнь 1927 г. – Минск, 1927. – 117 с.

11. Усебеларуская канферэнцыя інжынерна-тэхнічных работнікаў //Прафесіянальны рух Беларусі. – 1929. – № 10.

12. Мількамановіч. Да вынікаў усебеларускай канферэнцыі інжынерна-тэхнічных работнікаў // Прафесіянальны рух Беларусі. – 1929. – № 11.

13. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Савету прафсаюзаў БССР 7-му Усебеларускаму з'езду прафсаюзаў. – Мінск, 1932. – 183 с.

14. Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. – Минск, 1970. – Ч.2. – 466 с.

15. Процька, Т. С. Беларускі філіял Прампартыі / Т.С. Процька // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 455-456.

16. Сценаграфічная справаздача V з'езда ІТС аб рабоце БелМБІТа // НАРБ. – Фонд 266. – Воп.1. – Спр.34. – Арк. 1, 10.

17. Матэрыялы да V Пленума БелМБІТа // НАРБ. – Ф.266. – Воп.1. – Спр. 87. – Арк. 75, 78, 83.

18. Пратакты паседжаньняў БелМБІТа // НАРБ. – Ф.266. – Воп.1. – Спр.65. – Арк. 47, 49, 50, 91.

19. Наука и техника Советской Белоруссии в 1917-1990 гг. Хроника важнейших событий. – Минск, 1991. – 189 с.

20. Вестник инженеров и техников. – 1939. – № 6.

Распаўсюджванне асветніцкіх ідэй і навуковае вывучэнне Усходняй Беларусі ў канцы XVIII ст.

А.К. Дубовік, канд. гіст. навук, дацэнт

У канцы XVIII ст. у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыя Беларусі ўвайшла ў склад Расійскай дзяржавы. Праблема сацыяльна-эканамічных і культурных наступстваў далучэння да Расіі выклікае вострыя спрэчкі ў беларускай гістарычнай літаратуры. Калі ў савецкі час акцэнт рабіўся на станоўчых выніках, як тады пісалі, “уз’яднання Беларусі з Расіяй” (працы Л.С. Абэцэдарскага, А.П. Ігнаценкі, В.У. Чапко і іншых беларускіх гісторыкаў), то з пачатку 1990-х гадоў ацэнка гэтай гістарычнай падзеі значна мяняецца. У некаторых публікацыях яна адлюстроўваецца як акупацыя Беларусі Расіяй, пры гэтым выпячваюцца негатыўныя наступствы далучэння.

Трэба адзначыць, што сацыяльна-эканамічныя і палітычныя змены, якія адбываліся ў Беларусі пасля далучэння да Расійскай імперыі, суправаджаліся істотнымі, хоць і неадназначнымі па сваім характары пераменамі ў культурным жыцці. Нягледзячы на цяжкасці ў развіцці культуры, выкліканыя панаваннем прыгоннай сістэмы, амаль поўнай дэнацыяналізацыяй інтэлігенцыі, уваходжанне Беларусі ў склад Расіі давала беларускаму народу больш шырокія магчымасці культурных зносін з рускім народам, садзейнічала абуджэнню цікавасці з боку расійскай грамадскасці да беларускай гісторыі і культуры. Адным з важнейшых фактараў, якія вызначалі развіццё беларускай культуры пасля далучэння да Расіі, з’явіўся ўплыў культуры рускага народа. “Толькі ў канцы XVIII стагоддзя, – пісаў народны паэт Беларусі Якуб Колас, – стала магчымым далучэнне беларускага народа да вялікай рускай культуры, што садзейнічала зараджэнню і станаўленню ў пачатку XIX стагоддзя новай беларускай літаратуры” [1, с. 322].

Вядома, што з другой паловы XVII ст. беларуская культура ў Рэчы Паспалітай знаходзілася ў заняпадзе. У 1696 г. было забаронена карыстацца старабеларускай мовай у дзяржаўнай перапісцы. Напярэдадні далучэння да Расіі ў Беларусі амаль не было свецкіх агульнаадукацыйных школ. Навучанне ж у каталіцкіх калегіумах насіла царкоўна-схаластычны характар, мела мэтай насаджэнне каталіцызму. Выкладанне вялося на лацінскай, польскай і нямецкай мовах. Нешматлікія пачатковыя школы таксама знаходзіліся ў руках духавенства. Як адзначае вядомы беларускі гісторык Л. М. Лыч, “падзелы Рэчы Паспалітай засталі беларусаў ужо на такой стадыі асіміляцыі, калі яны практычна знаходзіліся ў поўнай няздольнасці нармальна жыць і духоўна развівацца супольна з якім-небудзь народам, не рызыкуючы канчаткова развітацца з сваёй этнакультурнай адметнасцю. Такімі няздольнымі яны сталіся не самі па сабе, а ў выніку даволі працяглай па часе, жорсткай паводле метадаў, мэтанакіраванай палітыкі паланізацыі. Гэтай пачварнай з’яве беларусы абавязаныя вялікімі стратамі ва ўсіх сферах духоўнай дзейнасці” [2, с. 10]. Разам з тым, насельніцтва ўсходніх беларускіх земляў было менш, чым ўсё астатняе, спаланізавана і акаталічана. Менавіта тут заставалася адзіная на ўсё ВКЛ Магілёўская праваслаўная епіскапія,

вернікі якой вызначалі сваю этнічную прыналежнасць звычайна як беларусы.

Пасля далучэння ў 1772 г. Усходняй Беларусі да Расіі адбыліся значныя змены ў галіне адукацыі. “Устанаўленнямі для кіраўніцтва губернямі” (1775 г.) ствараліся прыказы грамадскай апекі, у кампетэнцыю якіх разам з іншым уваходзіла адкрыццё ў гарадах і “шматлюдных сёлах” школ, дзе маглі навучацца ўсе жадаючыя. Праграмай школ прадугледжвалася навучанне чытанню і пісьму на рускай і польскай мовах, арыфметыцы і маляванню. За сем гадоў існавання прыказаў (1778 – 1785 гг.) колькасць навучэнцаў у Полацкай губерні павялічылася ўтрая [3, с. 883-893]. Аднак недахоп сродкаў, настаўнікаў, навучальных дапаможнікаў, адсутнасць школьнага статуту замаруджвалі адкрыццё новых школ.

Для выпрацоўкі школьнага статуту ў 1782 г. у Пецярбургу была створана “Камісія аб заснаванні народных вучылішчаў”. 5 жніўня 1786 г. быў зацверджаны Статут, які прадугледжаў адкрыццё ў губернскіх гарадах чатырохкласных галоўных народных вучылішчаў, а ў павятовых – двухкласных малых, навучанне ў якіх было бясплатным. У сакавіку – красавіку 1789 г. галоўныя народныя вучылішчы былі адкрыты ў Магілёве і Полацку з колькасцю навучэнцаў больш ста чалавек у кожным. 3 Пецярбургскай настаўніцкай семінарыі былі накіраваны ў Полацк і Магілёў восем настаўнікаў, двое з якіх былі родам з Магілёўскай губерні. У 1791 г. у Воршы, Мсціславе, Копысі, Чэрыкаве і Чавусах былі створаны двухкласныя народныя вучылішчы. У Віцебску, другім па велічыне горадзе Усходняй Беларусі, адкрылася чатырохкласнае вучылішча [3, с. 85-86, 97-104].

Стварэнне сістэмы вучылішчаў стала важнай падзеяй у культурным жыцці Беларусі. Гісторык П. Жуковіч адзначаў: “Упершыню з’явіліся ў поўным сэнсе слова дзяржаўныя школы, з створаным для іх дзяржаўнай уладай статутам, з дзяржаўнай арганізацыяй у іх адміністрацыйнай і навучальнай частках, з назначаным уладай адміністрацыйным і настаўніцкім складам” [4, с. 319]. Прагрэсіўнае значэнне гэтых школ заключалася і ў тым, што яны адкрылі доступ да свецкай адукацыі ўсім слаям насельніцтва. 10,9% навучэнцаў рускіх народных вучылішчаў

Беларусі складалі сялянскія дзеці – 67 хлопчыкаў і адна дзяўчынка [3, с. 151-152].

У праграме вучылішчаў асноўнымі прадметамі былі граматыка рускай мовы, арыфметыка, усеагульная і расійская гісторыя, геаграфія, прыродазнаўства, фізіка. У вучылішчах працавалі кваліфікаваныя настаўнікі. Так, В. Берлінскі і А. Захаржэўскі напісалі некалькі кніг па матэматыцы. З Пецярбурга ў 1789-1794 гг. у рускія школы Беларусі было накіравана каля 30 назваў падручнікаў і метадычных дапаможнікаў у колькасці 17 тыс. экзэмпляраў, а таксама вялікая колькасць розных прыбораў, карт і г.д. [5, с. 89; 6, с. 126]. У крыніцах адзначаецца добрая падрыхтоўка навучэнцаў народных вучылішчаў. Сучаснік сведчыў, што многія дзеці замест езуіцкіх калегіумаў пачалі наведваць рускія школы. Колькасць навучэнцаў к канцу 1795 г. вырасла ў Полацкім вучылішчы да 235, Магілёўскім – да 198 чалавек [3, с. 467-468].

Акрамя народных вучылішчаў і школ, адкрытых прыказамі грамадскай апекі, існавалі іншыя тыпы навучальных устаноў. Працягвалі функцыянаваць каталіцкія калегіумы, але ў іх уводзілася выкладанне рускай мовы і шэрагу прадметаў, якія мелі практычнае значэнне [7, с. 28]. У Магілёве працавала духоўная семінарыя. Шэраг школ функцыянаваў у маёнтках рускіх вяльмож – Г.А. Пацёмкіна, П.М. Румянцава, З.Р. Чарнышова і іншых. Былы фаварыт Кацярыны II С.Г. Зорыч адкрыў у 1778 г. у Шклове “высакароднае вучылішча” для дваранскіх дзяцей, пазней перайменаванае ў кадэцкі корпус. Для яго Зорыч узвёў цудоўны каменны будынак і выпісаў “добрых настаўнікаў” (усяго ў вучылішчы працавала ад 20 да 30 настаўнікаў). Пры вучылішчы меліся бальніца, музей, мастацкая галерэя і бібліятэка, выпісаная з Пецярбурга за 8000 рублёў. За 1778–1797 гг. яно падрыхтавала 268 чалавек, большая частка якіх паступіла на ваенную службу. У ліку выпускнікоў вучылішча былі будучыя генерал-лейтэнант А.Маркевіч і Н.Пятраеў, аўтар шэрагу прац па тэхніцы [8]. С.В. Гучкоў, які наведваў Зорыча, сведчыў пра яго незвычайныя клопаты аб выхаванцах вучылішча. Гледзячы на гэта, дваране беларускіх губерняў бесперапынна прыводзілі да яго сваіх дзяцей. Пасля смерці С.Г. Зорыча, у 1800 г. вучылішча пераехала ў Гродна, затым у 1807 г. яго перавялі ў Смаленск, адтуль у Маскву і

найменавалі першым Маскоўскім кадэцкім корпусам. Такім чынам, створанае Зорычам вучылішча стала трэцяй па ліку ўстановай для падрыхтоўкі афіцэраў у Расіі [9, с. 464-466].

Адкрыццё ў Беларусі сеткі рускіх школ з шырокім сацыяльным ахопам навучэнцаў узмацніла цікавасць беларускага насельніцтва да дасягненняў рускай навукі і культуры, да грамадскага і палітычнага жыцця краіны. Пры народных вучылішчах ствараліся бібліятэкі, у фондах якіх меліся творы М.В. Ламаносава, Дз.І. Фанвізіна, Я.П. Казельскага, Ф. Вальтэра, Ш-Л Мантэскье, Ж-Ж. Руссо, Ж. Бюффона, Ж-Б. Мальера. У светапоглядзе большасці настаўнікаў “сур’эзнае месца занялі прагрэсіўныя ідэі перадавой рускай грамадскай думкі” [10, с. 85, 89]. Прыхільнікам Асветніцтва быў, у прыватнасці, Іван Сакольнік, аб гэтым сведчыць ода, сачыненая ім у гонар адкрыцця Полацкага народнага вучылішча [3, с. 51].

У Беларусі вядома было “Падарожжа з Пецярбурга ў Маскву” А.М. Радзішчава. У 1794 г. у рукі тайнай экспедыцыі (ахранкі кацярынінскага часу) трапіў маёр В.В. Пасек, пляменнік беларускага генерал-губернатора П.Б. Пасека. На кватэры ў Крамянчугу, дзе ён служыў, былі знойдзены два спіскі “Падарожжа з Пецярбурга ў Маскву” і антыманархічныя вершы. Следствам было ўстаноўлена, што кнігу Радзішчава перапісваў як сам В.В. Пасек, так і “состоящий при нём для помощи в делах офицер” П.П. Сімановіч, былы столаначальнік магілёўскай казёнай палаты. Вершы былі складзены Пасекам [11;12, с.279]. Трэба адзначыць, што В. Пасек часта наведваў Беларусь, паколькі дабіваўся вяртання яму маёнтка, які застаўся пасля смерці бацькі. Ён таксама прымаў удзел у гаспадарчых справах уласніцы Чачэрскага маёнтку А.Р. Чарнышовай [13, с. 386].

Кацярына II распарадзілася адправіць П.П. Сімановіча ў ссылку ў Георгіеўскую крэпасць, дзе ён і памёр у 1797 г. Чо датычыцца В.В. Пасека, дык яму дапамагла адзнака пры штурме Ізмаіла і заступніцтва генерал-пракурора Самойлава. Пакаранне было абмежавана пераводам на службу ў полк у глухі куток, з забаронай прыезду ў сталіцы. Але ў 1796 г., ужо пры Паўле I, Пасек быў зноў арыштаваны за распаўсюджванне сярод афіцэраў забароненых кніг і па падазрэнню ў антыманархічнай змове. Больш чатырох гадоў

прасядзеў ён у Дзвінскай крэпасці. Пры новым імператары яго вызвалілі, але ненадоўга: у 1802 г. Пасек трапіў у Санкт-Пецярбургскую гарадскую турму “за абразу Вялікасці”, якая ўтрымлівалася ў адным з яго пісем [12, с. 279]. Седзячы ў турме, ён вызваліў ад прыгону сялян свайго маёнтку і заклікаў іншых памешчыкаў зрабіць тое самае [13, с. 386]. Пасля двух з лішкам гадоў зняволення Пасек рашэннем Сената быў пазбаўлены дваранскай годнасці, узнагарод і чыноў і сасланы з сям’ёй у Сібір. Аб лёсе В.В. Пасека пісаў у рамане “Былое і думы” А.І. Герцэн. З Беларуссю была звязана дзейнасць раскрытага ў 1798 г. у Смаленскай губерні палітычнага гуртка, якім кіраваў стрыечны брат В.В. Пасека палкоўнік А. М. Кахоўскі, сын вядомага палкаводца кацярынінскіх часоў [14, с. 170-174].

Маюцца звесткі аб прагрэсіўных поглядах асобных чыноўнікаў у беларускіх губернях. Так, полацкі губернскі пагранічны камісар Борк у 1790 г. даслаў у Пецярбург у Вольнае эканамічнае таварыства свой твор “Аб стане земляробства ў Беларусі, прычынах беднасці сялянства і мерах барацьбы з гэтай з’явай”, дзе размова ішла аб неабходнасці карэннай змены становішча сялян, адмены прыгоннага права. У 1792 г. у рапарце ў Калегію замежных спраў “Аб колькасці прыходзячых з Польшчы” Борк прапаноўваў павялічыць яе запісам у непрыгонны стан. Аднак прапанова яго была адхілена. На светапогляд Борка зрабілі ўплыў выступленні А. Я. Паленава, Я.П. Казельскага і іншых рускіх асветнікаў з прапановамі скасаваць прыгоннае права [15, с. 58].

Развіваліся і культурныя сувязі з заходнімі краінамі. У пачатку 1786 г. у Крычаўскі маёнтак Р.А. Пацёмкіна па запрашэнню графа прыехаў вядомы англійскі філосаф, юрыст і эканаміст Іерамія Бентам, які дагэтуль веў перапіску з Пацёмкіным і знаходзіў у Англіі спецыялістаў для працы ў Крычаве (яго малодшы брат С. Бентам быў кіраўніком маёнтку і займаўся стварэннем тут прамысловага цэнтру). Уцілітарная тэорыя філосафа вымярала гістарычнае значэнне ўладара яго здольнасцю зрабіць шчаслівымі максімальную колькасць падданных. Жывучы больш года ў в. Задабрасць каля Крычавы, ён знаёміўся з ходам гаспадарчага будаўніцтва, працаваў над сваім “Кодэксам”, сводам грамадзянскага права, трактатам “Аб шкодзе ліхварства”, французскай версіяй

твора “Аб судовых доказах” і іншымі творамі. І. Бентам прагнуў сустрэцца са славытым Р. Пацёмкіным, чакаў, калі “святлейшы князь” наведзе маёнтак. Але князь, моцна заняты справамі ў Наварасіі, не змог прыехаць. Некаторыя гісторыкі сцвярджаюць, што Р. Пацёмкіні і І. Бентам вялі доўгія філасофскія дыспуты, але нішто не пацвярджае факт іх сустрэчы, бо, калі б яна адбылася, мысліцель не прамінуў бы яе апісаць [16].

Пачалося навуковае вывучэнне тэрыторыі Усходняй Беларусі Акадэміяй навук Расіі. 18 лютага 1773 г. камісія АН прыняла рашэнне накіраваць у далучаныя землі дзве экспедыцыі: астранамічную “для здымкі тапаграфічнай карты прасторы, якая знаходзіцца паміж вяршынямі Дзвіны, Волгі і Дняпра” на чале з ад’юнктам АН І.І. Ісленьевым і фізічную “для даследвання па гэтым месцам натуральных рэчаў...” на чале з акадэмікам І.І. Ляпёхіным. Вынікі экспедыцыі Ісленьева былі надрукаваны ў 1777 г. у акадэмічным выданні “Акта”. Што датычыць фізічнай экспедыцыі, дык матэрыялы яе, куды больш цікавыя, былі доўгі час невядомыя, пакуль не былі знойдзены ў 1933 г. у архіве АН некалькі рапартаў, прысланых Ляпёхіным з Беларусі. Па ім можна ўзнавіць некаторыя дэталі працы гэтай экспедыцыі. У склад яе, акрамя Ляпёхіна, уваходзілі 7 чалавек. Экспедыцыя правяла некалькі месяцаў у Беларусі і сабрала каштоўны матэрыял аб яе прыродных умовах і багаццях, занятках сельскага і гарадскога насельніцтва, гістарычных помніках. Так, да рапарту з Рыгі быў прыкладзены спіс раслін, сабраных каля Віцебска, які ўключаў 260 назваў [17].

Вывучэнне Беларусі вялося і ў час падарожжа ў 1780 г. Кацярыны II у Магілёў. У выніку яго з’явілася кніга-даведнік “Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее Императорского Величества в Белорусские наместничества”. Прырода Беларусі вывучалася ў час даследчых работ 1770-1780 гг. па злучэнню рэк Заходняй Дзвіны і Дняпра. Вялікая роля ў даследванні прыроды і эканомікі Беларусі належала генеральнаму межаванню. У Магілёўскай губерні яно было ажыццёўлена ў 1783 – 1784 гг., Полацкай – у 1784-1797 гг., прычым было расходавана больш за 86,5 тыс. рублёў [18, с. 105-106]. Асноўнымі матэрыяламі межавання, якія маюць гістарычную каштоўнасць, з’яўляюцца

“Эканамічныя заўвагі”. У канцы 70-пачатку 80-х гг. былі складзены тапаграфічныя апісанні губерняў і паветаў.

У 1802-1803 гг. Беларусь двойчы наведаў вядомы рускі мінеролаг Васіль Севяргін. Вынікі сваіх назіранняў ён выклаў у двух кнігах. Вучоны першы звярнуў увагу на вялікія запасы і добрую якасць тарфянікаў Беларусі. Двойчы ў 1799-1800 гг. пабываў у Беларусі паэт і дзяржаўны дзеяч Г.Р. Дзяржавін, які вывучаў становішча беларускага сялянства.

Значную ролю ў навуковым вывучэнні Усходняй Беларусі адыграла Вольнае эканамічнае таварыства (ВЭТ). Сярод яго членаў былі беларускія намеснікі З.Р. Чарнышоў і П.Б. Пасек (у 1796 – 1797 гг. прэзідэнт ВЭТ). Раней, у першай палове 1770-х гг., прэзідэнтам таварыства быў С.Г. Зорыч, які і пасля ад’езду ў Шклоў не парваў з ВЭТ сувязі: аб’яўляў задачы і ўстанаўліваў узнагароды для пераможцаў конкурсаў. Актыўны ўдзел у рабоце таварыства прымалі таксама полацкі губернатар А.М. Лунін, дырэктар Магілёўскай эканоміі А.І. Вяроўкін, кіраўнік дубровенскага маёнтка Пацёмкіна Шталь, полацкі медык А.Ф. Лефлер, падпаручык артылерыі Андрэй Меер, каталіцкі епіскап С. Богуш-Сестранцэвіч і інш. У “Працах” ВЭТ быў надрукаваны шэраг матэрыялаў аб Усходняй Беларусі [19]. Каштоўнай гістарычнай крыніцай з’яўляецца напісанае ў 1786 г. А. Меерам “Апісанне Крычаўскага графства, або былога староства”.

У цэлым пазітыўна ацэньваючы пашырэнне на Беларусі перадавых ідэй асветніцтва, навуковае вывучэнне края, арганізацыю рускіх вучылішчаў, разам з тым трэба падкрэсліць, што, на жаль, ніхто “не паклапаціўся аб тым, каб падобныя вучылішчы ствараліся з беларускай мовай навучання. – адзначае Л.М. Лыч. – Таму ў дадзенай сферы духоўнага жыцця ўплыў адразу ж прыняў аднабаковы характар, што не садзейнічала развіццю ні нацыянальнага, ні сапраўды інтэрнацыянальнага ў асвеце. У далейшым гэта з’ява набыла яшчэ больш пашырэння маштабы і, па сутнасці, пазбавіла пачатковую адукацыю беларускага народа ўсяго нацыянальнага” [22, с.109]. Акрамя таго, нягледзячы на ўсю настойлівасць імператрыцы Кацярыны II і адносна памяркоўнае стаўленне да пранікнення рускай культуры і мовы карэннага насельніцтва, на першых парах тут практычна ніколькі не

пахіснуліся пазіцыі польскага элементу. Шматвяковая надзея беларускага народа на выхад з палону польскага нацыянальна-культурнага ўціску на першым часе жыцця ў Расійскай імперыі не спраўдзілася. Палітыка паланізацыі, трохі прыпыненая ў час царавання Кацярыны II, пры Паўле I і Аляксандру Ізноў атрымала распаўсюджванне, а пасля паўстання 1830-1831 г. пачала актыўна праводзіцца палітыка русіфікацыі. І толькі ў перыяд беларусізацыі 1920-х гадоў вольна палілася беларуская мова, расквітнелі шматгранна беларуская навука і мастацтва.

Выкарыстаная літаратура

1. История Белорусской ССР. – Минск, 1961. – Т. I. – 653 с.
2. Лыч, Л.М. Гісторыя культуры Беларусі пад уладай Расійскай імперыі (канец XVIII стагоддзя-1917 г.) / Л.М. Лыч. – Віцебск, 2007. – 245 с.
3. Сборник материалов для истории просвещения в России. – СПб., 1893. – Т. I. – 896 с.
4. Жукович, П. Школьное дело в Западной России в царствование Екатерины II / П. Жукович // Журнал Министерстванародного просвещения. – 1915. – Отд. 2. – С. 206-344.
5. Пасэ, В. Рускія народныя школы ў Беларусі ў канцы XVIII ст. / В. Пасэ // Народная асвета. – 1962. – № 5. – С. 85-89.
6. Поссе, В.С. О влиянии передовой русской общественной мысли на развитие просвещения в Белоруссии в конце XVIII в. / В.С. Поссе // Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Серия общественных наук. – Минск, 1960. – С. 83-90.
7. Андрэева, Е.Г. Асвета на Беларусі ў 1772-1802 г.г.: вучэб. дапам. / Е.Г. Андрэева, Л.М. Лыч. – Мінск, 2001. – 128 с.
8. Мещерский, М.И. Зорич С.Г. / М. И. Мещерский // Русский архив. – 1879. – Кн. II. – № 5. – С. 37-65.
9. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Шклоўскага раёна. – Мінск, 1998. – 655 с.
10. Поссе, В.С. Школа в Белоруссии на рубеже XVIII-XIX вв. / В.С. Поссе // Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Обществ. науки. – Минск, 1962. – С. 123-130.

11. Болебрух, А. Процесс Пасека В.В. / А. Болебрух // Питание истории народов СССР. Болебрух – Вип XV. – Харьков, 1973. – С. 115-122.

12. Сивков, К.В. Читатели и распорядители «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в конце XVIII в. / К. В. Сивков // Исторические записки. – 1952. – Т.40. – С. 279-282.

13. Пасек, В. Отрывок жизни Василия Пасека, сочиненный им в Санкт-Петербургской градской тюрьме // Русский архив. – 1863. – С. 627-776.

14. Шторм, Г. Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»; изд.2-е / Г. Шторм. – М., 1968. – 463 с.

15. Маврдин, В.В. Крепостнический характер дворянского предпринимательства конца XVIII и начала XIX в.в. / В.В. Маврдин // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 4.

16. Дубовик, Е.А. Из истории российско-английских связей в 80-е годы XVIII в. (на примере Кричевского имения Г.А. Потемкина) / Е.А. Дубовик, С.В. Зенченко // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Международной научно-теоретической конференции. – Минск, 2008. – С. 76-78.

17. Таранович, В. П. Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. / В. П. Таранович // Труды Института истории науки и техники АН СССР. Сер. I. – Вып. V. – С. 545-548.

18. Иванов, П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России / П. Иванов. – М., 1846. – 163 с.

19. Продолжение Трудов ВЭО. – 1779. – Ч. I. – Приложение; 1784. – Ч. IV, V; 1793. – Ч. XVIII. – С. 326; Новое продолжение Трудов ВЭО. – 1796. – Ч. III.

20. Лыч, Л. М. Гісторыя культуры Беларусі / Л. М. Лыч, У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – 452 с.

Завершающий удар по врагу был нанесен в Беларуси (к 200-летию войны 1812 г.)

В.В. Шибалко, канд. ист. наук, доцент

2012 год – год двухсотлетия войны 1812 года – войны народов России против агрессии наполеоновской Франции. Для России эта война всегда была и остается Отечественной войной. Название «Отечественная война 1812 года» появилось в русской публицистике в 1813 г. с целью отличия и противопоставления национальной оборонительной войны 1812 г. зарубежным походам русской армии 1813-1814 гг. Это название стало общепринятым в русской исторической науке. После падения царизма в 1917 г. термин «Отечественная война 1812 года» не употреблялся до 1938 г., когда он был вновь введен и с 1941 г. окончательно утвердился в советской историографии. Если для российского общества это название остается неизменным, то сегодня в Беларуси отношение к данному определению некоторых ученых, историков, публицистов, политиков неоднозначное. В современной белорусской историографии ее все чаще называют «русско-французской», «франко-русской», «наполеоновской на территории Беларуси», «Беларусь и война 1812 года» и т.д. Авторы таких трактовок исходят из того, что население Беларуси в период войны оказалось по обе стороны воюющих стран и вследствие этого война 1812 г. приобрела черты гражданской войны. В тоже время остается и определение войны 1812 г., как войны «Отечественной». Такое название содержится в «Энциклапедыі гісторыі Беларусі» [1]. Я.И. Трещенок, автор учебного пособия по истории Беларуси, на рассуждения некоторых историков о якобы случившемся расколе белорусского народа в годы войны 1812 г. и о гражданской войне между сторонниками России и сторонниками Франции отвечает, что такие утверждения являются домыслами и не выдерживают испытания фактами. «Раскола нации не было, – подчеркивает автор, – были лишь патриотическое сопротивление врагу народа и измена оторвавшейся от него шляхты». И поэтому, считает он, война 1812 г. была и остается «Отечественной» [2, с.273]. Такой войну считает и автор учебника для школьников 9-го класса издания 2010 г. В. Кошелев.

Разные точки зрения на характер войны отражают мнения авторов, на которых зачастую влияют общественные взгляды, политические установки, позиции историко-философских школ. В связи с противоречивым характером войны, обусловленным участием различных социальных групп населения Беларуси в армиях противоборствующих сторон, в современной белорусской историографии в отношении военных событий большей частью закрепился нейтральный термин «война 1812 года». Его обоснование получило отражение в исследованиях белорусских специалистов, изучающих историю этого периода: В.В. Шведа, А.М. Лукашевича, А.В. Ерашевича, В.А. Лякина, Ю.И. Литвиновской. Данный термин закрепился в ряде учебников по истории для средней и высшей школ.

В канун 200-летия войны 1812 г. в Беларуси проводится ряд мероприятий, посвященных знаменательной дате: выставки литературы, пополнение музейных экспонатов, научные конференции, круглые столы, издаются новые научные, публицистические, документальные материалы. Заметным явлением в научном мире стала монография В.А. Лякина «Белорусские поля сражений 1812 года», изданная в 2009 г. [3] – первое историко-краеведческое издание, в котором подробно рассмотрены и проиллюстрированы все сражения и крупные бои, происходившие на белорусской земле в эту кампанию. На сегодняшний день это самое полное и систематизированное описание боев 1812 г. на белорусской земле. Монография актуальна, новационна, несомненно, полезна для научных работников и широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

Новизной в белорусской историографии стал сборник документов «Беларусь и война 1812 года». В сборнике представлены 135 ранее не публиковавшихся документов из национального исторического архива Беларуси. Такое специальное тематическое издание подготовлено в республике впервые. Оно состоит из следующих разделов: «Политическое положение Беларуси накануне войны 1812 года», «Подготовка территории Беларуси как вероятного театра военных действий», «Использование людских и материальных ресурсов Беларуси», «Беларусь в военное время», «Материальный ущерб, причиненный войной», специальный раздел посвящен учету воен-

нопленных и их судьбам [4]. Несомненно, издание такого сборника способствует дальнейшему более углубленному изучению событий 1812 г. и установлению истинного характера войны для белорусского народа.

Война 1812 г. между буржуазной Францией и феодальной Россией явилась одним из важнейших событий XIX в. В основу причин ее развязывания легли политические и экономические противоречия между этими странами. В ее преддверии обе стороны провели ряд подготовительных мероприятий военно-организационного, технического и дипломатического характера. В начале 1812 г. в России были сформированы три армии: 1-я Западная армия (около 120 тыс. личного состава, главнокомандующий – генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толи), 2-я Западная армия (49 тыс. личного состава, главнокомандующий – генерал от инфантерии П.И. Багратион), 3-я Обсервационная (Западная) армия (44 тыс. личного состава, главнокомандующий – генерал от кавалерии А.П. Тормасов [1].

За два предвоенных года на белорусских землях были проведены обширные топографические и коммуникационные работы, построены Дрисский укрепленный военный лагерь и Бобруйская крепость, началось строительство укреплений у Борисова и Мозыря, Полоцка и Салтановки.

В свою очередь, французский император занялся комплектацией своей «Великой армии», пополняя ее солдатами и офицерами из оккупированных им стран. В ходе войны в ее ряды влилась и армия только что воссозданного Великого княжества Литовского численностью примерно 23 тысячи человек, немногим более 70 тысяч было рекрутировано поляков [3, с. 5]. Общее число наполеоновской армии составляло около 600 тысяч человек. Одновременно по поручению Наполеона проводились топографические работы по изучению территории европейской части России и вскоре, к началу вторжения, у французского командования имелись подробные карты местности предстоящих боев.

Весной 1812 г. обе стороны достигли важных дипломатических успехов. Франция смогла аннулировать российско-прусский союз и подписала с Пруссией, несколько позже с Австрией, союзные договоры. Россия заключила союз с Швецией, Англией, Испанией, Бухарестский мирный договор с Турцией, что позволило высвободить

значительную часть войск и направить в помощь действующей против Наполеона армии.

Завершив подготовительные работы и считая свою армию готовой к походу на Россию, которая стояла на пути его гегемонистских устремлений к мировому господству, Наполеон 12 (24) июня 1812 г. начал переправу своих войск через пограничную реку Неман, тем самым развязав полномасштабную войну.

С самого начала войны Беларусь стала ареной военных действий. Русская армия, уступавшая троекратно французской численно, к тому же будучи разделенной на три части с разрывом в 100-200 км, вынуждена была с боями отступать вглубь страны. Боевые действия на территории Беларуси (в ее нынешних границах) велись на протяжении полугода, с 15 июня по 10 декабря 1812 г. За эти 179 дней здесь произошло 7 больших сражений, 26 крупных боев и более 200 боев и военных столкновений местного значения [3. с. 39]. Русские войска, отступая, упорно сопротивлялись, при этом достигая немалых успехов в отдельных сражениях. Наиболее жестокие бои произошли под Кобрином, Миром, Салтановкой, Полоцком, Витебском и другими городами и селами. Например, бой за город Кобрин, уездный в то время центр Гродненской губернии, состоялся 15 (27) июля 1812 г. между 1-й бригадой 22-й пехотной дивизии 7-го (саксонского) корпуса французской армии под командованием генерал-майора Г. Кленгеля и частью сил 3-й Обсервационной армии под командованием генерала от кавалерии А.П. Торماسова, закончившийся разгромом и пленением саксонских войск. В реляции генерала Торماسова Александру I об этом сражении говорилось: «...четыре знамя, кои я имел счастье повергнуть к стопам Вашим, 8 пушек и множество оружия сделались трофеями сей победы. В плен взяты командующий генерал-майор Кленгель, полковников 3, штаб-офицеров 6, офицеров 57, унтер-офицеров и рядовых 2234; убито на месте, как после боя открылось, более 2000 человек» [3, с. 93].

Сражение при деревне Салтановка Могилевского уезда Могилевской губернии 11 (23) июля 1812 г. между частью сил 1-го пехотного корпуса «Великой армии» под командованием маршала Л. Даву и 7-м пехотным корпусом 2-й Западной армии под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского длилось более 10 часов и отличалось крайним ожесточением. Впоследствии маршал Даву

признался, «...что никогда не видел пехотного дела столь упорного». Сходное мнение высказал и Раевский: «...здесь я узнал, как жестоки сражения против регулярных войск, и особенно против французской армии 1812 года». Участник боя лейтенант 111-го французского линейного полка вспоминал, что «...ожесточение было равным как с одной, так и с другой стороны... Ночь провели на поле боя, которое было сплошь покрыто мертвыми и ранеными» [3. с. 85]. Еще один свидетель, могилевский игумен Орест записал: «...началось сильное сражение 11 числа до восхода солнца, ...под деревнею Салтановкою, продолжалось чрез весь день непрерывно до самой ночи и виден был из Могилева над местом сражения от пушечных и ружейных выстрелов большой дым над Российской армиею, такой же и над французскою; и издалека казалось, будто лес горел» [3. с.85]. Далее он в своих записках отмечает: «...было привезено в Могилев раненых французов до пяти тысяч человек, и по сознанию самих французов, на том сражении убитых было до пяти же тысяч французской армии, столько же и российской армии раненых и убитых, как утверждали французы» [3. с.86].

В таких схватках обе стороны решали свои стратегические задачи. Наполеон стремился, используя количественное превосходство своей армии и разьединенность русских армий, быстрым маршем вклиниться в разрывы между ними, окружить их, разгромить и тем самым заставить Александра I заключить мир на выгодных для него условиях. Русское командование всех трех армий, видя невыгодность своего положения, приняло решение отступать вглубь страны с целью соединения и дачи в последующем генерального сражения. В соответствии с принятым решением каждая из трех армий осуществляла стоящие перед ней задачи. Так, 1-я Западная армия, отступая от Вильно и имея перед собой превосходящие силы противника (218 тысяч штыков и сабель под руководством самого Наполеона), 21 июня (3 июля) вступила на нынешнюю территорию Беларуси и к 29 июня (11 июля) сосредоточилась в Дрисском укрепленном лагере. Здесь на Военном совете было решено продолжить отступление до соединения с 2-й Западной армией. 2 (14) июля войска переправились через Западную Двину и двинулись к Витебску. Чтобы выиграть время до подхода 2-й Западной армии, И.Б. Барклай де Толли предпринял попытку задержать наступающе-

го противника арьергардными боями 13 (25) июля у Островно и 14 (26) июля у Кукавячино. Однако известие о том, что армия генерала П.И. Багратиона не смогла пробиться через Могилев и вынуждена отходить к Смоленску, изменило планы. 15 (27) июля русский арьергард связал боем передовые наполеоновские части, что позволило главным силам скрытно начать отход на Смоленск. На следующий день 1-я Западная армия покинула пределы Беларуси [3. с.46]. 2-я Западная армия имела предписание идти на соединение с 1-й Западной армией. В ходе отступления к ней присоединился казачий корпус М.И. Платова, который в боях 27-28 июня (9-10 июля) при Мире и 2 (14) июля при Романовке нанес поражение преследовавшим его войскам Жерома Бонапарта (брата Наполеона). Известие о занятии Минска частями маршала Л. Даву заставило П.И. Багратиона отходить на Бобруйск, его же попытка соединиться с 1-й Западной армией через Могилев привела к сражению с армией Даву 11 июля у Салтановки и успехом не увенчалась. Переправившись через Днепр у м. Новый Быхов, 2-я Западная армия двинулась на Смоленск и 19 (31) июля покинула белорусскую территорию [3. с.65]. 3-я Обсервационная (Западная) армия имела несколько иные задачи. Действуя в тылу «Великой армии», А.П. Тормасов 15 (27) июля одержал победу в Кобрине. 29 июля (10 августа) он дал бой при Пружанах и 31 июля (12 августа) – сражение при Городечино. Под натиском превосходящих сил противника русские войска, проведя 3 и 4 (15 и 16) августа арьергардный бой у Дивина, отошли на Волынь. В августе и сентябре 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля 3-й армии провел успешные бои у Пинска и Горбацевичей, деблокировал гарнизон Бобруйской крепости. В начале сентября на театр военных действий из Молдавии прибыла Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова. 18 сентября обе армии были объединены в 3-ю Западную армию под командованием П.В. Чичагова. Войска армии одержали победы 7 (19) октября у Слонима, 1 (13) ноября в Новом Свержене, 3 (15) ноября при Койданове. В дальнейшем армия принимала участие в Березинской операции и преследовании остатков «Великой армии» [3. с. 88]. 1-я и 2-я Западные армии, покинув территорию Беларуси, 22 июля (3 августа) соединились в Смоленске и уже 4-5 (16-17) августа ими было дано первое в истории войны 1812 г. генеральное сражение. В

двухдневной битве французы потеряли более 20 тысяч человек. В целом с начала войны армия Наполеона уменьшилась примерно на 150 тысяч человек. Ухудшилась дисциплина, снизилась боеспособность войск. Наполеон вынужден был оставлять значительные силы в тылу для борьбы с воинскими частями 3-й Западной армии и партизанскими отрядами.

Грабежи, мародерство, насилие чужаков вызвали гнев и ненависть населения. Крестьяне целыми семьями уходили в леса, увозили имущество, уводили скот, нападали на фуражиров, уничтожали склады с продовольствием. В историю мужественного сопротивления оккупантам вошли крестьяне деревни Тростянка Игуменского уезда Минской губернии; деревни Жарцы, крестьяне которой поголовно участвовали в 2-х сражениях совместно с русскими войсками за Полоцк. Такие случаи были не единичны. Партизанские отряды организовали также крестьяне деревень Староселье, Можаны, Есьмоны, Клевки Борисовского уезда Минской губернии. Широкий размах партизанское движение приняло в конце лета 1812 г. в окрестностях Витебска. Партизаны вели борьбу не только с оккупантами, но и с их пособниками – местными польскими и белорусскими помещиками. К примеру, крестьяне деревни Смолевичи сожгли имение князя Радзивилла, крестьяне деревни Тростянка разорили имение помещика Адама Глазко. Ненависть населения оккупированных территорий к захватчикам явилась сильнейшим ударом по военному могуществу Наполеона и способствовала в дальнейшем его поражению. Неизбежность такого исхода диктовалась всем ходом военных событий, как уже совершившихся, так и предстоящих.

После Смоленской битвы Наполеон, не дождавшись ответа от Александра I на его предложение о заключении мира, принял решение продолжить наступление на Москву и здесь уже продиктовать свои условия мира.

Российская сторона предприняла ряд мер по усилению своей мощи. Было объявлено о сборе народного ополчения, замене главного командования. Главнокомандующим русской армии был назначен М.И. Кутузов, к тому времени уже прославившийся как талантливый полководец. Им было принято решение дать французам генеральную битву 26 августа (7 сентября) 1812 г. у Бородино

(в 110 км на запад от Москвы). В этой битве обе стороны понесли самые значительные за всю военную компанию потери: русские около 46 тысяч человек, французы, очевидно, до 50 тысяч человек [1]. В этой битве самоотверженно сражались и уроженцы белорусских губерний. В частях русской армии их насчитывались несколько десятков тысяч. Несмотря на то, что российские солдаты проявили мужество и массовый героизм (что вызвало восхищение даже у Наполеона), верховным командованием было принято решение, в целях сохранения армии отступить и даже оставить Москву. 2 (14) сентября наполеоновские войска вступили в наполовину покинутую населением и горящую Москву.

Отступив от Москвы, Кутузов перевел армию на калужскую дорогу, где получил возможность пополнить войска людскими и материальными ресурсами. Состояние французских войск в сожженной и заблокированной Москве ухудшалось с каждым днем. Убедившись, что заключить мир с российским императором невозможно, поняв всю бесперспективность дальнейшего сидения в разоренном городе, Наполеон 7 (19) октября покинул Москву и решил отступать по калужской дороге через богатые и не тронутые войной украинские губернии. Однако после битвы под Малоярославцем 12 (24) октября Наполеон вынужден был отступать по опустошенной смоленской дороге. Русские армии преследовали врага, нанося им удар за ударом с флангов и тыла. Сражения, постоянно навязываемые преследующими русскими, голод и крепнущие морозы деморализовали французов, они уже не могли должным образом построить свои боевые порядки. Имея в строю около 70 тыс. человек при отступлении от Малоярославца, понеся потери в схватке под Вязьмой 22 октября (3 ноября), Наполеон 28 октября (9 ноября) вступил в Смоленск, однако это не изменило его тяжелого материального и морального положения. Несея потери при дальнейшем отступлении, авангард Наполеона 7 (19) ноября переправился через Днепр и вступил в Оршу [1]. Перешли в наступление и русские части, оставленные в свое время на территории Беларуси. Начался этап завершающих ударов по врагу. Войска Витгенштейна освободили Полоцк, Витебск, части армии П.В. Чичагова 8 (20) октября заняли Слоним, 4 (16) ноября – Минск, 9 (21) ноября – Борисов, от-

ряд генерала А.П. Ожеревского 12 (24) ноября выбил французов из Могилева [5. с. 239].

Черeda боев в ноябре 1812 г. привела французскую армию к расстроенному состоянию и беспорядочному отступлению в направлении Минска и в последующем, как планировал Наполеон, через Вильно в Польшу. Но его намерению несуждено было сбыться. Согласно разработанному в Санкт-Петербурге, при участии самого Александра I плану, отступающая «Великая армия» должна была быть окружена и уничтожена на рубеже реки Березина. Основные бои при реализации этого замысла произошли 9 (21) ноября у Борисова, 11 (23) ноября под Лошницей, 15 (27) ноября при Старом Борисове, 16 (28) ноября при Студенке, Брилях и Стахове [6. с.82,102,117]. Итоги Березинской операции для Наполеона были катастрофическими, потери составили около 20 тысяч солдат и офицеров. Под его командованием осталось не более 10 тыс. человек и боевого значения эта группа практически не имела [1]. Ее преследование русскими войсками (во главе их боевого порядка находилась армия адмирала Чичагова) напоминало характер не военных действий, а просто захвата пленных и трофеев. После Молодеченского боя 22-23 ноября (4-5 декабря) 1812 г. сопротивление французов фактически прекратилось. Голодные и замерзшие солдаты бросали оружие и неорганизованными толпами двигались на Запад. 23 ноября (5 декабря) в Сморгони Наполеон покинул армию и отбыл в Париж. На пути до Немана были уничтожены остатки бывшей «Великой армии» и она фактически перестала существовать.

Полный разгром центральной группировки Наполеона свидетельствует о том, что завершающий удар по врагу был нанесен в Беларуси.

Использованная литература

1. Антонаў В.В. Айчынная вайна 1812 г. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – Т.1 – С.73,76.

2. История Беларуси: учебное пособие для вузов; в 2-х ч. Ч. 1. Досоветский период / Я.И. Трещенок[и др.]; под ред. Я.И. Трещенка – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005 – 309 с.

3. Лякин В.А. Белорусские поля сражений 1812 года / В.А. Лякин. – Мозырь: КПУП «Колор», 2009 – 308 с.

4. Лукашевич А.М., Яцкевич Д.Л. Беларусь и война 1812 года: Документы /сост. А.М.Лукашевич, Д.Л. Яцкевич; редкол.: В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2011 – 559 с.

5. Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра / И.Н. Васильев. – М, 2001, – 289 с.

6. Харкевич В. 1812 г. Березина. Военно-историческое исследование / В. Харкевич. – СПб: Военная типография, 1893, – 209 с.

Несостоявшийся «Бобровский котел»

Д.Н. Хромченко, канд. ист. наук, доцент

Событиям войны 1812 г., двухсотлетие которой исполняется в 2012 г., посвящено немало научных публикаций и популярных изданий. Однако в них относительно поверхностно описываются события, происходившие на территории Беларуси, при этом в основном акцентируется внимание читателей на переправе Наполеона через реку Березину возле города Борисова.

В то же время из поля зрения исследователей фактически выпал замысел командования русскими войсками о проведении генерального сражения и полном разгроме войск Наполеона еще ранее, между населенными пунктами Борисов и Бобр. Концептуально этот план был разработан непосредственно российским императором Александром I. Император исходил из принципиального соображения, что армия Наполеона должна быть разгромлена в пределах Российской империи, иначе, в случае избежания поражения, Наполеон сможет собрать новую армию и продолжить военные действия. Первоначально театром разгрома французской армии намечалась территория в междуречье рек Березина, Западная Двина и Днепр. Впоследствии, в ходе конкретизации плана и в соответствии с разворачивающимися событиями, территория предполагаемого окружения наполеоновских войск значительно сузилась. Согласно плану, Дунайская армия, которую возглавил П.В. Чичагов, двигаясь с Украины через Брест, Минск, заняв Борисов, должна была форсировать реку Березину и продолжать наступление с запада навстречу

наполеоновским войскам. Главные силы русских войск, возглавляемые фельдмаршалом Кутузовым, были повернуты на юг и двигались южнее параллельно старой смоленской дороге, по которой отступала французская армия во главе с Наполеоном. Этим маневром Наполеону оставлялся только узкий коридор в направлении г. Борисова, поскольку с севера через Чашники и Сенно, тесня французские части генералов Сен-Сира и К. Виктора, наступали корпуса графа П.Х. Витгенштейна, а с востока, с тыла, французов теснили казаки атамана Платова и другие части. 9 ноября конница Платова стремительным налетом заняла г. Оршу, захватив часть французского обоза и 26 орудий. Одновременно между частями Витгенштейна, Платова и Кутузова действовали партизанские отряды Давыдова и Сеславина (слева от большой дороги), Фигнера и Бороздина (справа). Кольцо окружения должно было сомкнуться в районе Лошницы – Бобра. В случае успеха операции, причем расстановка сил была очень благоприятна для российских войск, для Наполеона совершенно не оставалось шансов вырваться на оперативный простор, его войска должны были бы полностью разгромлены и война на этом была бы закончена.

Одобрив замысел окружения и разгрома неприятеля еще до форсирования р. Березины, император Александр I 8 ноября отправил Чичагову рескрипт, в котором изложил план разгрома Наполеона в пределах Российской империи. «Вы понимаете, – подчеркнул император, – до какой степени важно Ваше соединение с графом Витгенштейном, чтобы спереди встретить войска Наполеона, тогда как большая армия их преследует. Предстоит Вашему соображению принять меры, которые наиболее способствовали бы к достижению цели – не выпускать Наполеона из наших границ и уничтожить его войска, поставив их между Вами, Кутузовым, Витгенштейном и Штейнгелем. Подумайте, каковы будут последствия, если Наполеон перейдет наши границы и составит новую армию» [1, с. 630]. Далее Чичагову четко предписывалось после занятия Борисова и форсирования р. Березина «укрепить сильный лагерь, занимая и далее лес и держась по дороге от Борисова до Бобра и укрепляя по всей дороге сей все способные к тому места, так, чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии, тут на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление» [2, с. 128]. Таким образом, по

плану императора, Чичагов должен был двигаться навстречу Наполеону, одновременно создавая на дороге Борисов-Бобр ряд укрепленных позиций. Преодоление их должно было задержать главные силы французской армии до подхода других частей русских войск и завершения окружения. По свидетельству В. Харкевича, Чичагов надеялся достигнуть Бобра ранее прибытия Наполеона и рассчитывал, что движение его, угрожая тылу Виктора, вынудит последнего к отступлению и даст ему возможность соединиться с Витгенштейном. [3, с. 100]

Исходя из принципиальных предпосылок плана, уже после оставления противником Смоленска, Кутузов 1 ноября писал Витгенштейну: "Я полагаю, что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною». Узнав, что Витгенштейн повернул с севера к старой смоленской дороге и о благоприятном для русских исходе боя под Чашниками на этом пути, Кутузов с одобрением писал Витгенштейну: «После сего удачного сражения вижу я, что ваши действия сообразны будут *общему плану, мною утверждённому...*». После разгрома французских войск под Красным Кутузов дал уже более конкретные тактические указания Чичагову и Витгенштейну по завершению окружения главных сил французской армии. 6 ноября он приказал Чичагову: «Поспешите к общему содействию и тогда гибель Наполеона неизбежна, весьма необходимо открыть сношение между Вашей и главной армией... Содействие всех наших сил может нанести неизбежную гибель Наполеону». Витгенштейну Кутузов 7 ноября также указывал на необходимость взаимодействия для совершения совместных действий по окружению противника и его разгрому: «Действия Ваши на правый фланг противника удобны и подкреплены будут генералом Платовым и генерал-адъютантом Кутузовым, коим даны нужные наставления» [4, с. 316-318]. Через несколько дней Кутузов повторяет свое указание Витгенштейну о значении взаимодействия всех объединенных сил для выполнения главной задачи – истребления всех войск захватчиков. Мысль полководца выражена в письме достаточно ясно: «Одна главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности и потому не могу я еще решиться отделить Вас с вверенным Вам корпусом от того театра войны, где решительные

удары неприятелю нанесены быть должны и от коих зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы».

10 ноября М.И. Кутузов в письме Чичагову еще раз потребовал активизации действий по окружению и разгрому Наполеона: «Генерал Платов идет по пятам неприятеля, главная армия сего числа переправилась при Копыси через Днепр. Главной армии авангард под командованием генерала Милорадовича, состоящий из 2-го и 7-го корпусов при 2 кавалерийских дивизиях и 4 казачьих полках, прошел на Толочин. Вследствие этого, если даже граф Витгенштейн и будет удержан Виктором и Сен-Сиром, то Вы, соединившись с генерал-лейтенантом Эртелем и генерал-майором Лидерсом, довольно сильны будете разбить неприятеля.» [5. с. 185].

По логике событий, да и в соответствии с планом Александра I и диспозиции фельдмаршала М.И. Кутузова, армия Наполеона должна была быть полностью разгромлена в районе населенных пунктов Бобр-Крупки (находящихся на старой Смоленской дороге на расстоянии 8 км между ними), куда она прибыла 11 ноября. Как отмечал А.И. Михайловский-Данилевский, здесь «образовался «мешок», в который русские войска и партизаны загоняли французскую армию, тесня ее с востока. Войска Наполеона были зажаты в треугольнике Толочин-Черей-Лошница. К вечеру 10 ноября главные силы французов находились в Толочине и авангард в Бобре, 10-тысячный авангард Удино – у Лошницы, корпус Виктора – в районе Черей. Французская армия оказалась окруженной со всех сторон. На следующий день кольцо окружения сжалось еще больше. Главные силы армии и Наполеон с гвардией находились в с. Бобр, Удино – возле м. Крупки. На расстоянии одного перехода от арьергарда французской армии находились войска Платова, Ермолова и Милорадовича. «Таким образом, – доносил Кутузов царю, – все сии значащие силы непременно должны поражать неприятеля еще до переправы через Березину. Были предусмотрены все случаи, которые могли бы способствовать тому, чтобы пресечь Наполеону путь к спасению. Платов, Ермолов и Милорадович должны были действовать в тылу его, граф Витгенштейн – на правом крыле, Чичагов с фронта, главная армия с левого фланга. Летучие отряды бы-

ли посланы, с одной стороны, для наблюдения за противником, с другой – для поддержки связи с Витгенштейном» [4, с. 451]

Действительно, в это время положение главных сил французских войск было критическим. Главные силы «Великой Армии» во главе с Наполеоном после Смоленска и пересечения границы современной Беларуси насчитывали не более 80 тыс. человек. Во время боя под Красным потери французов составили убитыми и пленными свыше 25 тыс. человек. Таким образом, в строю оставалось не более 50 тыс. солдат и офицеров, причем почти полностью деморализованных и превратившихся, пожалуй, только за исключением императорской гвардии, в «цыганский табор». По воспоминаниям современников, «вся дорога от Красного до Борисова ...покрыта изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудиями и ружьями, мертвыми лошадьми, убитыми или умершими от голода и ран и замерзшими французами. Между ними было много умирающих, вокруг которых бродили толпами или порознь оборванные, обросшие бородами, полузамерзшие, черные от дыма бивуачных костров, бросившие оружие несчастные воины великой армии. Они походили скорее на страшные призраки, нежели на живых людей. Только ужасное зловоние, распространяющееся от их гниющих ран, только звериная жадность, с которою бросались они на всякий съедобный предмет, обнаруживали в них присутствие жизни». По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевича, при подходе к Бобру армия Наполеона представляла собой «безоружные толпы пехоты и безлошадной конницы, с ничтожным остатком артиллерии, истомленные, обросшие бородами, покрытые рубищем и тряпьем, вместо обуви окутавшие ноги соломой и мешками... В холодный ноябрьский вечер, среди дремучих лесов неприятельская армия сходилась на ночлег вокруг Бобра. Не было правильного расположения лагеря, караулов, раздачи провианта. Каждый кидался на мерзлую землю, где и как хотел, питался чем мог, разъездов делать было некому; только при главной квартире Наполеона отправлялась служба его гвардией: пресловутая великая армия была доведена до подобия кочующих цыган» [4, с. 446].

На пути из Толочина к Бобру к Наполеону подошел офицер, присланный от маршала Удино, который с тремя дивизиями, не участвовавших в походе на Москву и поэтому сохранивших полную

боеспособность, двигался на соединение с главными силами и находился в это время возле м. Крупки, и доложил, что русская армия Чичагова заняла г. Борисов и все переправы через р. Березину. По словам очевидца, император отступил назад, бросил гневный взгляд на небо и, как бы угрожая, поднял вверх правую руку и произнес ужасное богохульство. Заметив стоящего рядом генерала Дода, император с ужасным выражением лица сказал ему «Они там!» [5, с. 393, 395]. Овладев собой, Наполеон тут же поручил связному офицеру передать приказ маршалу Удино немедленно двинуться на Борисов, нанести удар по войскам Чичагова, отбросить их за Березину, овладеть мостом в г. Борисове через реку и предмостными укреплениями. Одновременно маршалу Виктору было послано указание прикрыть главную дорогу с севера, внимательно следить за Витгенштейном и атаковать последнего в случае его движения против Удино.

Тем не менее, ввиду неясности положения, практически безвыходного, император в растерянности почти сутки 11 (23) ноября простоял с главными силами в м. Бобр. В отчаянии он приказал принести знамена полков и сжечь их, чтобы они не достались врагу. Тогда же император приказал также сжечь обозы, а лошадей передать в артиллерийские части, чтобы сохранить артиллерию. Все кавалеристы, у которых остались еще лошади, были сведены в один эскадрон, насчитывавший не более 500 единиц, командование над ним приняли генералы Груши и Себастьян. Остальные кавалеристы, оставшиеся без лошадей, были сведены в два пехотных батальона.

Эти дни, 10-13 ноября, могли бы стать последними для французской армии и для самого императора. Жалкие ее остатки практически были не в состоянии оказать сопротивление. Для русских же войск момент был самый благоприятный. 30-тысячная армия Чичагова заняла Борисов, преградив таким образом путь Наполеону на запад. Согласно рескрипту Александра 1, Чичагов должен был, как уже отмечалось выше, с главными силами, по пути создавая укрепления, двигаться навстречу Наполеону, перекрывая последнему этим самым движение вперед и стягивая узел окружения. Расстояние в 40-50 км от Борисова до Крупок или Бобра он мог преодолеть за день-два.

Корпус Витгенштейна, ранее защищавший петербургское направление, усиленный петербургским ополчением и прибывшими из-под Риги войсками Штейнгеля, представлял серьезную силу: 30 тыс. солдат и офицеров. С боями овладев Полоцком, Лепелем, войска Витгенштейна нанесли поражение корпусам французских маршалов Виктора и Удино у м. Чашники, отбросив к дороге Орша-Борисов, и к 9 ноября находились в 30 км севернее от м. Бобр, в районе Черей. Таким образом, Витгенштейн также мог в течение адного-двухдневных переходов подтянуть свои войска к Бобру или Крупкам.

Сзади армию Наполеона преследовали авангард генерала Милорадовича, состоящий из двух корпусов, одной кавалерийской дивизии и четырех казачьих полков, авангард генерала Ермолова из четырнадцати батальонов пехоты и двух полков кирасиров, четырнадцать казачьих полков и 12 батальонов пехоты под командованием генерала Платова, партизаны Давыдова, Сеславина, Ожаровского на левом фланге, отряд генерал-адъютанта Кутузова на правом фланге.

С юга в это время в районе м. Круглого двигались главные силы российской армии во главе с фельдмаршалом Кутузовым. К 11 ноября они также находились не далее, чем в 30 км от Бобра. Численность российских войск, включая партизан Давыдова и Сеславина, даже не учитывая главные силы российской армии, более чем в два раза превышала численность французской армии, причем практически небоеспособной. Оставалось только совершить последнее усилие, чтобы стянуть кольцо окружения вокруг Бобра, или, если Наполеон двинется вперед, в районе Крупок, и завершить разгром «Великой армии».

«Положение, в котором оказалась в это время французская армия, нельзя не признать критическим. Ей грозила опасность окружения силами, более чем вдвое превосходящими, и, казалось, единственная надежда ее на спасение заключалась в трудности установления связи и согласования действий отдельных русских армий...

В период от Красного до переправы через Березину французская армия переживала критические минуты и только ошибки исполнителей плана императора Александра и ряд счастливых случайностей дали ей возможность избежать гибели». – писал в своем историческом исследовании «Березина» историк XIX ст. В. Харкевич

[3, с. 90, 203].

Однако последовала цепь случайностей, возможно, ошибок со стороны русского командования, которая позволила французскому императору выйти из практически безнадежного положения, продолжить движение вперед, лично спастись, бросив в Сморгони свои войска, и затем на протяжении 2 лет, собрав новую армию, продолжать военные действия против антифранцузской коалиции.

Кутузов, который, двигаясь с главными силами российской армии параллельно старой смоленской дороге, форсировал 10 ноября р. Днепр возле м. Копысь Оршанского уезда и далее, вместо сближения с Витгенштейном и Чичаговым, наоборот, направился на Круглое – Смолевичи, постепенно отклоняясь от старой смоленской дороги, по которой двигались отступающие французы. Поэтому к месту решающих событий главные силы российской армии подошли поздно и практически не приняли участия в боевых действиях.

Выполняя распоряжение российского императора, Чичагов действительно переправился со своими войсками на противоположный берег р. Березина у г. Борисова, но далее он нарушил предписание и сам допустил тактическую ошибку. Считая, что французские части, находившиеся в Борисове, полностью разбиты, а Наполеон со своими войсками находится еще далеко, он остановился на месте и не стал двигаться дальше, более того, часть своих сил, около 3 тыс. человек, отправил в окрестные деревни для заготовок продовольствия и фуража. Кроме того, «9-го и 10-го не было назначено начальника авангарда на место раненого графа Ламберта, от чего действия авангардной службы прекратились. Двое суток не посылали разъездов, не отрядили никого для преследования Домбровского, выбитого из Борисова, и не принимали мер для получения сведений о неприятеле, хотя и должно было скоро ожидать прибытия Наполеона к Березине. 10-го ноября, поздно вечером, было велено генерал-майору графу Палену принять начальство над авангардом, состоявшим из полков: 4-х егерских, 3-х регулярной конницы, 5-и казачьих, и 3-х рот артиллерии, и выступить в 4 часа утра к Лошнице, по дороге к Бобру, куда вслед за ним хотел следовать Чичагов со всею армией»[4, с. 447]. Другими словами, Чичагов два дня провел в полном бездействии, хотя за это время он смог бы к 11 ноября со всей армией уже подойти к Бобру. Таким образом, были распылены

силы, потеряно время и упущена инициатива в боевых действиях. К этому следует добавить, что к 11 ноября армия Наполеона была практически не в состоянии оказать сопротивление, разобщена, свежие корпуса Виктора и Удино находились еще на расстоянии от нее. Однако нерешительность российских военачальников привела к потере времени и благоприятных возможностей для нанесения окончательного удара по противнику и позволила французам начать концентрировать свои силы. Именно в Бобре 11 ноября к главным силам Наполеона присоединились несколько полков маршала Виктора, таким образом, несколько повысив боеспособность «Великой Армии». Вскоре произошло соединение и с остальными частями маршалов Виктора и Удино.

Выполняя приказ Наполеона, маршал Удино у м. Крупки объединил свои войска с остатками разбитых войск генералов Домбровского и Брониковского, отступивших от Борисова и 10 ноября спешно двинул сводный отряд в направлении Борисова. У д. Лошница утром 11 ноября главные силы корпуса Удино вместе с остатками дивизии Домбровского численностью до 10 тысяч человек встретились с русским авангардом графа Палена, высланным на разведку Чичаговым. Завязался бой. От пленных Пален узнал, что главные силы армии Наполеона находятся лишь на расстоянии одного перехода, у м. Бобр и немедленно послал донесение Чичагову с просьбой прислать подкрепление. Чичагов же не придавал значение этому рапорту и решил, что Пален преувеличивает опасность и перед ним находятся лишь разбитые французские части. Вместо оказания помощи своему авангарду он продолжал стоять в бездействии с главными силами у Борисова. В этом была его вторая крупная стратегическая ошибка. На протяжении нескольких часов авангард Палена вел бой с превосходящими силами противника и, не получив подкреплений, к полудню 11 ноября был разбит. Часть его сил, в составе 3 егерских полков, отрезанная от основных сил, отступила к деревне Староселье, остальные в беспорядке начали отступать к Борисову или рассеялись по окрестным лесам. Не встретив дальнейшего сопротивления, французская конница через несколько часов достигла р. Березины. Для Чичагова это было полной неожиданностью. Его войска в беспорядке отступили по единственному

мосту на правый берег Березины, оставив неприятелю весь обоз. Потери составили около 1000 человек.

Наполеон, который находился в это время еще в м. Бобр, получил от курьера сведения о том, что путь впереди свободен и тут же отдал приказ спешным маршем двигаться к Борисову. Перед началом марша он отдал повторный приказ о сожжении обозов и велел всех освободившихся лошадей впрягать в орудийные повозки. Правда, как отмечал А.И. Михайловский-Данилевский, «повеления Наполеона об истреблении частных обозов не были исполнены в точности. Военные и нестроевые раздавали золото, склоняя жандармов не жечь повозки; подкуп был последним средством сохранить уцелевшие пожитки и выбраться из России».

Утром 12 ноября Наполеон с главными силами выступил из Бобра в направлении к Борисову. Поскольку Кутузов со своими войсками, значительно отстав и отклонившись в сторону, находился еще на безопасном расстоянии, непосредственная опасность представлялась со стороны войск графа Витгенштейна, к которым присоединился корпус генерала Берга. Но, заняв Черю, Витгенштейн, не имея сведений о действиях остальных частей российской армии, некоторое время в нерешительности простоял на месте, упустив этим самым время. Тем не менее, к 10 ноября главные силы его войск уже находились в районе Лукомля, на границе с современным Крупским районом, но в это время Витгенштейн совершил еще одну ошибку, не пошел к Бобру, до которого оставалось около 20 км, а резко повернул свои войска, двинувшись параллельно старой Смоленской дороге по направлению к Барани, в итоге авангард под командованием генерал-лейтенанта Е.И Власова (командир 14 пехотной дивизии) вышел к м. Холопеничи в 28 км от старой смоленской дороги на полпути от Бобра к Борисову, его же передовой отряд под командованием генерал-майора В.И. Гарпе (командир Нарвского пехотного полка) – к д. Батуры в 10 км от старой смоленской дороги. Этим самым, правда, перекрывался путь возможного отступления Наполеона в сторону Борисова, но в то же время еще оставалась реальная возможность выхода к главному пути отступления французской армии в районе Крупок и ее окружения [7, с. 216].

Генерал-лейтенант Властов объединил сводный гусарский и два казачьих полка под командованием полковника Гернгросса и поставил им задачу спешно двигаться к смоленской дороге. Его отряд к полудню 11 ноября достиг деревни Волковыск в 15 км от Крупок и 7 км от старой смоленской дороги и вступил в бой с французской дивизией, направленной маршалом Виктором в качестве заслона к Холопеничам. Отступив под натиском превосходящих сил противника, полковник Гернгросс возле д. Уznaцк соединился с частью сил генерал-лейтенанта Властова, усиленных несколькими орудиями, и вновь атаковал французов. Одновременно русская артиллерия удачными залпами остановила пехотную бригаду Бельера, которая спешила на помощь своим войскам. В ходе боя было убито и ранено 27 французских офицеров, около 300 солдат, взято в плен 1500 человек, однако прорваться к старой смоленской дороге русским войскам не удалось. К вечеру 11 ноября генерал-лейтенант Властов со своими частями возвратился к главным силам, остановившимся в Холопеничах. В итоге Наполеон избежал флангового удара и с основными силами 12 ноября прибыл к д. Лошница недалеко от Борисова [6, с. 243,244].

Маршал Виктор, которого теснил со стороны Черей граф Витгенштейн, со стороны Холопенич – генерал Властов, решил дать решающий бой возле д. Батуры между м. Холопеничи и д. Уznaцк. Однако его силы были ослаблены, поскольку Наполеон приказал часть войск срочно двинуть к Борисову, чтобы обеспечить переправу через Березину. Поэтому Виктор смог оставить в качестве заслона только одну дивизию. Утром 12 ноября возле д. Батуры возобновился бой между французскими и русскими войсками, который длился почти весь день. Последними командовали генералы Гарпе и Дибич, к вечеру туда же прибыл и генерал-лейтенант Властов, который принял на себя общее командование. Благодаря стойкости французских войск, выдержавших натиск превосходящих сил, основные силы армии Наполеона смогли оторваться от преследования и выйти к Борисову. Более того, войска Витгенштейна не успели своевременно выйти к Березине, что дало возможность корпусу Удино навести два моста возле д. Студенка, через которые и была произведена под шквальным огнем российских орудий переправа наиболее боеспособных французских частей.

Таким образом, еще одним фактором, который позволил Наполеону избежать полного поражения и личного пленения, стала стойкость сохранивших боеспособность французских частей Виктора, которые сумели перекрыть путь движения корпусов Витгенштейна и таким образом создать заслон для отступающей наполеоновской армии с севера.

В итоге Наполеон избежал полного поражения, смог впоследствии добраться до Франции и продолжить военные действия. Таким образом, днем «Х», т. е., днем разгрома Наполеона в «Бобровском котле», мог быть 11 ноября 1812 г. Однако этого не произошло вследствие ряда объективных и субъективных факторов.

Это прежде всего медлительность и нерешительность действий российских военачальников Чичагова, Витгенштейна, Кутузова, допущенные ими тактические ошибки: опоздание Чичагова с выступлением с Борисова, неправильная оценка действий противника, необоснованный отказ в помощи своему авангарду, нерешительность в проведении боевых действий; задержка Витгенштейна у м. Чашники и Черей, необоснованный поворот движения вверенных ему войск на восток, параллельно старой смоленской дороги, вместо того, чтобы перерезать ее; медлительность самого Кутузова, его нерешительность и необоснованное отклонение от старой смоленской дороги на юг с главными силами армии, исключив их из активных боевых действий. Как отмечал В. Харкевич, в этом был стиль руководства М.И. Кутузова: «избегая решительного боя и сохранив по возможности собственные войска от потерь, постепенно ослабить французскую армию и довести ее до полного разрушения... Он остается верен этой основной идее и после сражения под Красным, когда сильное расстройство французской армии стало для него уже совершившимся фактом. «Наши молодые и горячие головы, – говорил он принцу Евгению Виртембергскому, – сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели им кажется» [3, с.203].

Этот вывод В. Харкевича, пожалуй, объясняет одну из главных причин провала плана окружения и разгрома армии Наполеона. Кутузов принципиально расходился с императором Александром I в определении стратегии ведения войны: император считал необходимым полностью завершить разгром Наполеона, Кутузов же стре-

мился сохранить российскую армию и просто выгнать Наполеона за пределы Российской империи, не беспокоясь о дальнейшем развитии событий. Об этом прямо заявил в своем историческом исследовании Тарле, анализируя план императора Александра I: «Были разработаны и все подробности, и все выходило гладко и безошибочно. По крайней мере, в Зимнем дворце план оказывался великолепным... Кутузов же поступил в своем всегдашнем духе: он ничего не возразил по существу и направил соответствующие распоряжения Витгенштейну и Чичагову, но он не одобрял этот план, не желал его осуществления и не верил в его осуществление. Он сделал вид, будто принял план.

Однако царь очень хорошо понял натуру и отношение фельдмаршала к его царской особе. Царь не верил ни одному слову Кутузова и пустился на опаснейшее дело: за спиной и без ведома фельдмаршала он стал давать указания и советы, которые, исходя от царя, получали, конечно, значение повелений как Витгенштейну, так и Чичагову. Получалась путаница, выходил разнбой и двоевластие.

У Кутузова была определенная политическая цель, в которой он видел благо России, и эта цель заключалась в том, чтобы выгнать Наполеона из России, и ни шагу далее... Радикально противоположной была точка зрения царя: захватить в плен Наполеона и низвергнуть этим его с престола было важнее всего на свете. До царя уже доходило, как в Европе ждут именно этого решения» [8, с. 691].

Четкому выполнению намеченного плана препятствовало также отсутствие стабильной связи между разрозненными группами российской армии. Об этом, в частности, пишет П.А. Жилин: «Для того, чтобы осуществить окружение, требовалось организовать четкое взаимодействие и управление войсками. В то время это было довольно сложной проблемой: отсутствие технических средств связи было прямым тормозом в успешном ее решении. Основным средством связи тогда были курьеры. Неточность и несвоевременность получения сведений о положении своих же войск приводили иногда к несогласованным действиям армии» [9, с. 313].

К субъективным факторам можно отнести и личностные взаимоотношения между российскими военачальниками, в частности, между Чичаговым и Витгенштейном, препятствовавшие успешному соединению их войск. «Около 10-и часов вечера один из наших

партизан, полковник Сеславин, явился ко мне от лица графа Витгенштейна. – говорит адмирал (Чичагов–Д.Х.). – Он спрашивал меня, как я намерен действовать, таким образом, который мне ясно показал, что Витгенштейн считает себя совершенно независимым начальником и будет поступать так, как ему покажется удобным. И так...выступили мелкие притязания личного самолюбия и помешали придать необходимое единство, которого требовали наши действия!»[10, с.18].

В числе факторов, способствовавших избежанию Наполеоном окружения, следует отметить и действия французских войск, в частности, корпуса Виктора, который, втрое уступая по численности войскам Витгенштейна, смог остановить их у деревень Батуры и Волковыск и таким образом прикрыть главную дорогу, по которой смогли отступить главные силы Наполеона.

Использованная литература

1. Ниве П.А. Отечественная война 1812 года / П.А. Ниве. – СПб: Типография морского министерства в главном адмиралтействе, 1912. – 339 с.

2. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 2 т. /составитель генерал-майор М. Богданович. – СПб: императорская Российская академия, 1860. – Т.2. – 344 с.

3. Харкевич В. Березина. Военно-историческое исследование / В. Харкевич. – СПб:военная типография (в здании Главного Штаба), 1893. – 311 с.

4. Отечественная война. Описание войны 1812-1815 гг., составленное по сочинению А.И. Михайловского-Данилевского.– СПб:издание А.А. Каспари, 1899.– 420 с.

5. Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 года / А.П. Ермолов. – Лондон, 1863 г. – 266 с.

6. 1812 год. Очерки и рассказы из истории Отечественной войны / составитель Д.И. Троицкий. – СПб, 1900, 418 с.

7. Памятная книжка Минской губернии за 1912 г.– СПб, 1913.– 286 с.

8. Тарле Е.В. 1812 год / Е.В. Тарле. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1959. – 818 с.

9. Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. / А.П. Жилин. – М.: Наука, 1988. – 492 с.

10. Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. – СПб: Типография В.С. Балашова, 1877. – 269 с.

“Беларускі скарб” Напалеона: міф ці рэальнасць?

А.В. Лепеш, канд. гіст. навук, дацэнт

У 2012 г. святкуюцца 200-годдзе з нагоды перамогі Расійскай дзяржавы над Напалеонам у вайне 1812 г. Гэтай падзеі прысвечана шмат канферэнцый, “круглых сталоў”, экспазіцый ў музеях. Адна з найцікавейшых тэм вайны 1812 г. – тэма страчанага скарба Напалеона, якая і стала прадметам даследвання ў дадзеным артыкуле.

24 ліпеня 1812 г. «Вялікая армія» Напалеона пераправілася праз Нёман у ваколіцах Коўна (цяпер літоўскі Каўнас) на тэрыторыю Расійскай імперыі. Большая частка падзей вайны 1812 г. адбылася на беларускай зямлі, на абшарах паміж Дняпром і Заходнім Бугам, Паўночнай Дзвіной і Прыпяццю. Упартыя баі пад Мірам, Кобрынам, Астроўна, Полацкам, Гарадзечна, Чашнікамі, Бабруйскам, Смаленскам не перашкодзілі французам 14 верасня 1812 г. уступіць у Маскву, якая была пакінута без бою. Цікава адзначыць, што падзенне Масквы стала першым крокам да падзення самой напалеонаўскай Францыі. Нездарма ўсяго праз некалькі гадоў пасля свайго драматычнага паражэння, падчас ссылкі на востраў Святой Алены, былы імператар напіша ў сваім дзённіку: «Я павінен быў бы памёрці адразу ж пасля ўступлення ў Маскву...».

Усяго 34 дні прабылі французы ў Маскве, рабавалі яе, таму што Масква лічылася «ваенным трафеем». За месяц Масква была дашчэнтку спалена. З «Вялікай арміі» французскае войска хутка пачало ператварацца ў дрэнна кіруемую банду марадзёраў, рабаўнікоў і гвалтаўнікоў. Безумоўна, Напалеон бачыў разлажэнне сваёй некалі дысцыплінаванай арміі і хутка зразумеў, што страчвае кантроль над ёй. Таму 19 кастрычніка армія пакінула спаленую Маскву. Наперадзе ляжаў шлях дадому. Як і любая армія ў паходзе, войска Напалеона было абцяжарана шматлікімі абозамі, карэтамі,

драбінамі з нарабаваным дабром. Напалеон быў незадаволены, што армія вязе з сабой такую вялікую колькасць дарагіх, але непатрэбных для пахода каштоўнасцей. Па гэтаму французскія салдаты імкнуліся прыкрыць дываны, тканіны, залатыя і срэбраныя рэчы кошыкамі, мукой, іншымі рэчамі. Напалеон, безумоўна, бачыў гэтую маскіроўку, але ён спачатку не рашаўся загадаць пакінуць нарабаванае тут жа, у Маскве, і пазбавіць паўгалодных салдат суцяшальнага ўсведамлення, што яны з цягам часу хаця б чымсьці ўзнагародзяць сябе за ўсе свае пакуты. Яны тады яшчэ не ведалі, што большасці з іх прыдзецца пакінуць у Расіі не толькі маскоўскую здабычу, але і сваё жыццё [1, с. 653].

Што ж уяўляў сабой нарабаваны скарб Напалеона? На сённяшні дзень няма адзінадушша сярод даследчыкаў на гэты конт. Памеры нарабаваных каштоўнасцей называюцца розныя. Лічыцца, што «маскоўскія трафеі» Напалеона склалі 18 пудоў золата (амаль 300 кілаграмаў) і 325 пудоў серабра (5200 кг). Да гэтага неабходна дадаць багатае царкоўнае начынне, старажытную зброю, каштоўнае каменне, посуд. Наўрад ці гэтыя лічбы далёкія ад сапраўдных, бо добра вядома, што толькі з Архангельскага сабора было ўкрадзена больш за 120 пудоў серабра і каля 3 пудоў золата. Асабістыя абозы са здабычай мелі напалеонаўскія маршалы Багарнэ, Даву, Нэй, Марцье, Мюрат. Акрамя гэтага, французскія салдаты і афіцэры, якія пакідалі Маскву, таксама былі абцяжараны сваімі асабістымі трафеямі. Нават калі ўявіць, што кожны салдат стотысячнай арміі нёс ў сваім заплечніку хаця б паўкіло каштоўнасцяў (манеты, зліткі, ювелірныя вырабы і г.д.), то агульная вага нарабаванага, без уліку абознай паклажы, склала б каля пяцідзiesiąці тон. Вядома, што “пехацінцы знясілівалі пад цяжарам заплечнікаў” [2, с. 121]. Ад паўкіло, зразумела, ніхто знясілівацца не будзе. Значыць, нарабаванай здабычы было ў шмат разоў больш.

Абоз з нарабаванымі каштоўнасцямі налічваў 25 драбін, а самыя ўнікальныя з іх мясціліся на двух фурманках, якія знаходзіліся пад узмацненай аховай. Даследчыкі гэта назавуць «крамлёўскімі скарбамі Напалеона I» або «золатам Напалеона». Першы абоз адправіўся з Масквы з моцнай кавалерыйскай аховай у сярэдзіне кастрычніка, яшчэ да таго, як Напалеон пакінуў Маскву і пачаў адступець па Смаленскай дарозе. Прадугледжвалася, што ў выпадку

паспяховага прарыву арміі да Калугі гэты абоз далучыцца да галоўных сілаў арміі і далей будзе рухацца пад аховай частак корпуса Панятоўскага праз Вярэю і Бароўск. Другі абоз (французскія крыніцы называюць яго “трафейны”) неадлучна ішоў за імператарам да Малаяраслаўца, дзе адбыўся няўдалы для французай бой. Прарвацца да Калугі не ўдалося, і армія павярнула да Бароўска і Вярэі. 27 або 28 кастрычніка яна сустрэла ў раёне Вярэі першы “залаты абоз”. З гэтага моманту канвой з “маскоўскай здабычай” ішоў да самай Вільні адзіным транспартам, што паступова таяў па дарозе.

Армія Напалеона выйшла з Масквы 6 (19) кастрычніка. Ужо праз два дні на абочынах дарогі сталі з’яўляцца кінутыя абозныя вазы. Пасля бітвы пад Малаяраслаўцам імператар аддаў загад аб падрыхтоўцы арміі да хуткага маршу. Частка аблогаў было загадана кінуць. Але гэта не дапамагло: абцяжараная абозамі напалеонаўская армія марудна рухалася праз Бароўск і Вярэю да Мажайска, насуперак загаду Напалеона аб паскарэнні маршу. Так, 28 кастрычніка штаб імператара ўжо знаходзіўся каля Мажайска, у той час, як ар’ергардныя часткі Даву яшчэ цягнуліся дзесьці ў гразі пад Бароўскім. Па ўспамінах сяржанта Бурганье, падчас руху ад Малаяраслаўца да Мажайска французамі была пакінута значная частка нарабаванай здабычы: “Дарогі канчаткова сапсаваліся, калёсы, нагружаныя здабычай, цягнуліся цяжкасцю, многія з іх апынуліся зламанымі... Уся дарога была ўсеяна каштоўнымі прадметамі: карцінамі, кандэлябрамі, мноствам кніг...” [16, с. 22]. Дывізіі Жэрара, якая ішла ў ар’ергардзе арміі, было загадана знішчаць пакінутае дабро, скідваючы яго ў рэкі, азёры, балоты, запоўненыя вадой канавы. Часцей за ўсё заторы здараліся на мастах праз шматлікія рэкі і рачулки, і тады ў вадзі ляцелі цэлыя вазы са здабычай. Толькі на шляху ад Малаяраслаўца да Вярэі французам не менш за пяць разоў прыходзілася вяртацца д агэтай “працэдуры”.

На шляху ад Дарагабужа да Смаленска французская армія атрымала загад Напалеона: спаліць усе трафеі. І зноў у агонь паляцела толькі найменш каштоўнае і кампактнае: прадметы старыны, адзенне, антыкварыят... Але з золатам і срэбрам ніхто развітвацца не спяшаўся - пакуль 5 лістапада ў баі пад Чырвоным

лейб-гвардыі уланскі полк захапіў абоз 1-га корпуса маршала Даву з маскоўскімі трафеймі, сярод якіх была “залатая казна” – золата і срэбра на суму 31 тыс. рублёў асігнацыямі.

Гэтая здабыча стала здабыткам палка і паступіла ў палкавую арцель. У далейшым з гэтых сродкаў быў складзены так званы “Красненскі капітал”, і кожны салдат – удзельнік справы 5 лістапада, выбываючы з палка, ўзнагароджваўся пяццюдзесяццю рублямі з “Красненскага капіталу”. З гэтага моманту чуткі аб скарбе Напалеона пачынаюць лавінападобна нарастаць.

Доўгі час прэваліравала думка, што «напалеонаўскія трафеі» да Беларусі не даехалі і схаваны ў Семлеўскам возеры ў ваколіцах Вязьмы, недалёка ад старой Смаленскай дарогі [3]. На тое, што менавіта ў Семлеўскім возеры быў затоплены скарб Напалеона, указваў ад’ютант Напалеона — граф дэ Сегюр, які сцвярджаў, што французскі імператар «загадаў, каб маскоўская здабыча, старажытныя даспехі, гарматы і вялікі крыж з храма Івана Вялікага былі кінуты ў Семлеўскае возера як трафеі, якія яму не хацелася аддаваць назад і якія ён не меў магчымасці везці з сабой» [4, с. 43]. Возера не раз абшуквалі. У 1911 г. гісторык-археалаг Н.А. Скварцоў паведамляў, што тут летам праводзіліся чарговыя пошукі, у выніку якіх было знойдзена толькі некалькі тлелых ласкутоў зялёнай тканіны, дзве з паловай падковы [5, с. 216]. Усплеск «залатой ліхаманкі» вакол вадаёма зафіксаваны ў 1960-я гады, калі спецыялісты з Усесаюзнага НДІ гідрагеалогіі і інжынернай геалогіі ўстанавілі, што вада Семлеўскага возера мае павышанае ўтрыманне медзі, цынку і, што галоўнае, серабра. Вядома, што паламаны крыж са званнямі Івана Вялікага застаўся ляжаць ў Крамлі каля Успенскага сабора, і дэ Сегюр, відаць, сваімі ўспамінамі проста меў на мэце дэзінфармаваць шукальнікаў “золата Напалеона”. Пагэтану Семлеўскае возера наўрад ці можна назваць могільнікам знакамітага абоза з “залатымі крыжамі”. Даследчык вайны 1812 г., дырэктар Інстытута ваеннай гісторыі Міністэрства абароны СССР П.А. Жылін лічыў, што тапіць скарб у Семлеўскім возеры імператару не мела сэнсу, бо пасля Вязьмы яшчэ не наступіў крызіс у напалеонаўскай арміі і Напалеон разлічваў яшчэ ўзяць рэванш і пасля зімоўкі працягнуць вайну з Расіяй. Больш таго, французам не было патрэбы адхіляцца па дарозе Малаяраславец-

Вязьма да ляснога Семлеўскага возера, якое знаходзілася ў аддаленнасці [6, с. 398].

Навошта ж Напалеону і яго паплечнікам спатрэбілася распускаць чуткі аб вывазе крыжа з Масквы? Г.Ю. Мазінг і Л.Ф. Ерусалімчык лічуць, што, хутчэй за ўсё, для прэстыжу, бо Напалеон спадзяваўся, што пасля ўзрыву Крамля (ён быў ажыццяўлены пасля сыходу французаў з Масквы) там будзе цяжка што-небудзь выявіць [7, с. 82].

Як вядома, далей шлях адступлення напалеонаўскай арміі пралягаў праз Беларусь – гарады і мястэчкі Оршу, Коханаву, Талачын, Бобр, Барысаў, Зембін, Плешчаніцы, Маладзечна, Сморгонь (далей — на Вільню, Коўна, Варшаву). Руская армія праследала войскі Напалеона літаральна “па пятах”. Хутка прасоўвацца арміі Напалеона перашкаджалі асобы з нарабаным, пагэтану ўзнікала неабходнасць з ім развітацца. Па сведчанні напалеонаўскага маршала Берцье, толькі некалькі фурманак з казной дабраліся да Коўна. Астатняе бяследна знікла па дарозе. Большасць з даследчыкаў, якія займаліся і займаюцца таямніцай «напалеонаўскага скарбу», лічыць, што ён застаўся на беларускай зямлі. Самай жа папулярнай версіяй з’яўляецца затапленне скарбу на дне аднаго з азёраў або пад хвалямі той ці іншай ракі ў Беларусі. І азёраў, і рэк уздоўж гэтага маршрута безліч. Утапіць нарабананае Напалеон мог ў любым (ці любой) з іх. Народных паданняў пра тое, што «напалеонаўскае золата» ляжыць на дне канкрэтнага возера ці вось у гэтай рацэ, існуе нямала (гавораць пра азёры Стаячае, Лясное, Арэхаўскае, Святое). Нагадаем самыя папулярныя з іх.

У горад Орша, які стаіць на Дняпры, французы ўступілі 20 лістапада 1812 г., страціўшы перад гэтым каля 25 000 чалавек у баях каля Краснага. У Оршы Напалеон правёў два дні. Тут яму прынеслі вестку, што да горада набліжаюцца казакі атамана Мацвея Платава. Гэта прымусіла імператара даць загад на адступленне і ўтапіць у Дняпры «маскоўскія трафеі», у тым ліку знакамітае сярэбранае панікадзіла вагой у 112 пудоў, вывезенае французамі з Успенскага сабора Крамля [8, с. 198]. У паніцы французы спалілі і 60 пантонаў, пра адсутнасць якіх потым вельмі шкадавалі падчас пераправы цераз Бярэзіну. Па некаторых сведчаннях, дняпроўскія хвалі схавалі на дне ракі шыкоўныя падсвечнікі, дарагія царкоўны посуд,

сярэбраныя і залатыя аправы абразоў, старадаўніх кніг, упрыгожаных каштоўнымі каменнямі, вырабы з каляровага шкла, гарматы і іншую зброю. Пра Оршу, як месца затаплення каштоўнасцей, пісаў і ад’ютант М.І. Кутузава Аляксандр Міхайлоўскі-Данілеўскі: «Мноства скарбу, які абцяжарваў армію, загадана знішчыць... або ўтапіць у Дняпры так званыя трафеі, вывезеныя з Масквы» [3, с. 96]. У Оршы 21 лістапада 1812 г. па распараджэнню Даву з-за адсутнасці коней і фурманак увесь архіў напалеонаўскай арміі, які да той пары дбайна зберагаўся, быў спалены. Магчыма, у гэтым архіве ўтрымліваліся дакументы з дакладным рээстрам нарабаваных французамі каштоўнасцей.

У якасці месца, дзе захоўваецца нейкая частка французскіх скарбаў, называецца возера Стаячае паблізу мястэчка Крупкі Сенненскага павета Магілёўскай губерні. “Існуюць сведчання шматлікіх” ваенных асоб, “што ў гэтым возеры на дне захоўваецца трафеі 1812 г. і ўцёкаў французаў” – пісала ў 1911 г. газета “Новы час” [10, с. 221-222]. У гэтай мясцовасці, пачынаючы з 1870-х гадоў, загаварылі аб тым, што ў возеры французамі падчас уцёкаў былі затопленыя нарабаваныя скарбы маскоўскіх цэркваў. У 1870-х гадах адзін з мясцовых памешчыкаў заняўся вышукам легендарных скарбаў, прычым карыстаўся такім прымітыўным сродкам, як выграбанне вады. Зразумела, што з гэтай задумы нічога не выйшла, нягледзячы на тое, што ён рабіў неаднаразовыя спробы. Возера Стаячае не раз становілася аб’ектам для шукальнікаў скарбаў. Якраз яны і высветлілі, што ў возеры падвойнае дно: ад паверхні вады ідзе двухметровы слой густых водарасцей, пасля слой мутнай вады аж у дзевяць метраў і, нарэшце, дно з пяску і глею. Апошняя экспедыцыя па абследванні возера адбылася ў 1980 г. Працу прыйшлося праводзіць зімой, бо возера Стаячае адметна плаваючымі берагамі на падушках з торфу, таму падыйсці да вады можна толькі ў моцныя халады, калі непраходная дрыгва вакол возера цалкам прамярае. У ваду з нулявой тэмпературай вадалазы апускаліся ў ваенных гідракасіюмах з балонамі ад акваланга. Аказалася, што торф на дне згустнелы настолькі, што даводзілася ўжываць адмысловыя шчупальцы і прыборы для пошуку, а карані адмерлых раслін дасягалі даўжыні ў два метры і былі таўшчынёй з чалавечую нагу. Але ні срэбра, ні золата знайсці так і не ўдалося. Затое пробы

вады і грунта, узятыя з возера, былі накіраваныя ў Ташкенцкі НДІ гідралогіі і геахіміі. Вынікі паказалі на анамальна высокае ўтрыманне ў вадзе золата, серабра і плаціны. Нядзіўна, што мясцовыя жыхары лічылі гэтую ваду гаючай, а памешчыкі на гэтай вадзе выраблялі спірт і гарэлку на ўласных заводах. Вядома, што, калі захоўваць ваду ў сярэбраных ёмістасцях ці проста пакласці ў яе сярэбраныя прадметы, то іёны срэбра пераходзяць у раствор. Працэс гэты досыць доўгі. Падобныя працэсы магчымыя і з золатам, і з плацінай, аднак гэта патрабуе яшчэ больш працяглага перыяду ўздзеяння (у дадзеным выпадку – прыроднага) і асаблівых, спецыфічных умоў.

Але найбольш верагодным месцам затаплення нарабаваных французамі скарбаў лічыцца рака Бярэзіна паблізу ад вёскі Студзёнка (ваколіцы Барысава). Менавіта тут армія Напалеона была акружана рускімі войскамі, але французы ў неймаверна цяжкім, амаль бязвыхадным становішчы ўсё ж змаглі ажыццявіць пераправу, страціўшы пры гэтым 70 тыс. чалавек. Яны здолелі навесці цераз раку ўсяго дзве пераправы (60 пантонаў было спалена Напалеонам у Оршы). Напалеону зноў прыйшлося аддаваць загад: паліць афіцэрскія і генеральскія экіпажы, фурманкі з трафеемі. На правы бераг, да вёскі Брылі, пераправілі толькі асабісты абоз Банапарты, у якім было 715 запражаных і верхавых коней. Па чутках, многае з нарабаванага французы ў паніцы закапалі ў лясах вакол Студзёнка, утапілі ў Бярэзіне. Але ж ці існаваў час у французскіх салдат, шчыльна праследуемых рускай арміяй, знаходзячыхся ў стане бязладдзя і анархіі, усур'ёз займацца хаваннем скарбаў? Тым не менш, гістарычна вядома, што адразу пасля заканчэння вайны ў міністэрствы замежных спраў некаторых еўрапейскіх дзяржаў і пасольствы Расіі за мяжой сталі звяртацца асобы, якія ўдзельнічалі ў расійскай кампаніі Напалеона 1812 г., з просьбай дазволіць ім выехаць на тэрыторыю Расіі. Узнікае пытанне: навошта людзям, у якіх Расія павінна выклікаць жах і нялепшыя пачуцці, зноў сюды ехаць? Напэўна, сапраўды яны марылі знайсці захаваныя скарбы.

Пошукі ў Студзёнцы пачаліся адразу ж пасля заканчэння бітвы на абодвух берагах ракі. Вось што распавядае вядомы археолаг і гісторык граф Я.П. Тышкевіч у апісанні Барысаўскага павета,

выдадзеным у 1847 г. Пасля заканчэння бітвы пад Студзёнкай мясцовыя ўлады распарадзіліся расчысціць поле бітвы і раку. Сагналі сялян амаль з усяго павета. З лёду высякалі ўмёрзлыя экіпажы. З-пад снегу выцягвалі кінутую маёмасць. У навакольных лясах знаходзілі мноства замёрзлых французаў. Дзесяткі тысяч варожых трупаму былі закапаны ў велізарных ямах у ваколіцах Студзёнкі. Пры гэтым было сабрана нямала нарабаванага добра, якое французы цягнулі з Масквы: мармуровыя статуі, карціны, сервізы з найлепшага гатунку фарфору і крышталю, сталовае срэбра, дарагія адзенне і бялізну, залатыя прадметы. Пасылаючы сваіх прыгонных на працу ў Студзёнку, гаспадары патрабавалі ўсё знойдзенае аддаваць ім. Акрамя таго, мясцовыя памешчыкі карысталіся недасведчанасцю сялян і скуплялі ў іх каштоўнасці (залатыя гадзіннікі, ланцужкі, кольцы, сярэбраны посуд) за бясплатна. З мясцовых памешчыкаў больш за ўсіх стараўся барон Корсак, у сядзібе якога Напалеон начаваў на шляху да Студзёнкі. Корсак арганізаваў цэлую выставу экіпажаў, сёдлаў і зброі, дастаўленых яму слугамі. У сваім кабінце ён размясціў калекцыю каштоўных узораў зброі, а скрыні камода заваліў ордэнамі, медалямі і значкамі [7, с. 83].

Беларускія даследчыкі гісторыі вайны 1812 года Г.Ю. Мазінг і Л.Ф. Ерусалімчык лічуць, што галоўныя скарбы ў Студзёнцы былі знойдзены ў 1813 г., калі па распараджэнню ўрада пад Студзёнкай рабілася расчыстка рэчышча Бярэзіны [9, с. 84]. Аб знаходках у гэты час распавядае ў сваіх успамінах Генрых Роос. Ён пражыў у Барысаве каля года. Улетку 1813 г. ён здзейсніў падарожжа ў Студзёнку і потым напісаў: «На месцы пераправы сустрэў маёра сухапутных і водных войскаў яшчэ з адным афіцэрам і некалькімі салдатамі. Яму была даручана ачыстка ракі. Ён здабыў з ракі гарматы і ўсялякага роду экіпажы і ведаў пра месца, дзе іх яшчэ больш ляжыць у балоце і на дне ракі...У чамаданах, скрынях і т.п. ён знайшоў срэбра ў злітках і плітках значнай велічыні і вагі, золата, каштоўныя камяні і шмат прыгожых і карысных рэчаў. Шмат чаго з гэтага ён паказаў нам...Мне маёр падарыў шпагу, шаблю і ангельскае сядло» [11, с. 89].

Адзначаны выпадкі і дзяржаўнай увагі да пошукаў скарбаў. Цікавы дакумент захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі

Беларусь. Справа называецца «Аб пошуку грошай, закапаных французамі». З дакумента вынікае, што 18 ліпеня 1851 г. нейкі «дваранін Адам Шчалкоўскі данёс віленскаму ваеннаму губернатару, што яму вядомы некаторыя месцы ў Заходніх губернях, дзе французскія войскі, якія рэціраваліся ў 1812 г., закапалі ў зямлю скрыні з грашыма»... Паказанні Шчалкоўскага сталі вядомы шэфу корпуса жандараў, які, у сваю чаргу, далажыў аб гэтым імператару Мікалаю I. Мікалай I дазволіў Шчалкоўскаму пошукі скарба і нават выдзеліў яму ў дапамогу спецыяльнага чыноўніка з Вільні. Пошукі пачаліся 30 ліпеня 1851 г., а 2 жніўня былі спынены па прычыне адсутнасці якіх-небудзь каштоўнасцей [8, с. 205].

У 1895 г. на імя міністра земляробства паступіў ліст з Барысава. Нехта Рачкоўскі раскрываў сямейную таямніцу: калісьці адзін з удзельнікаў вайны 1812 г., салдат 14 егерскага палка перад смерцю казаў, што ў горадзе каля ракі Берэзіны закапаў багаты трафей – восем бочак золата. Міністэрства перадала ліст у Археалагічную камісію, аднак ліст застаўся па за ўвагай. Тады Рачкоўскі звярнуўся ў Міністэрства ўнутраных спраў, і яно дазволіла правесці раскопкі. Але ж па прычыне адсутнасці сродкаў праца была спынена [10, с. 229-230]. У 1910 г. пошукі ў Студзёнцы праводзіў барысаўскі землеўладальнік І.Х. Каладзееў. Ён знайшоў у рацэ асобныя прадметы ўзбраення і манеты. Падобныя рэчы захоўваюцца ў Барысаўскім кразнаўчым музеі.

Лёс выкрадзеных маскоўскіх трафейў быў канчаткова вырашаны толькі за Вільняй. Па сведчанням шматлікіх відавочцаў, рэшткі “залатога абозу” былі дашчэнтну разрабаваныя зусім страціўшымі чалавечым абліччамі садатамі і афіцэрамі “Вялікай арміі” 10 снежня 1812 г. на дарозе паміж Вільняй і Коўна, калі падводы бездапаможна спыніліся перад пакрытым лёдам уздымам на Панарскую гару. З-за галалёдзіцы на яе не мог заехаць ні адзін воз, і ні адзін экіпаж, не кажучы ўжо пра цяжка нагружаныя фургоны. Менавіта тут, ля падножжа гэтай гары, загінулі і “залаты абоз”, і ўся дзяржаўная казна [5, с. 216]. Відавочца Грыуа піша, што тут «усе трафеі, якія вёз імператар з Масквы, яго карэты, фургоны з золатам – усё было страчана або разрабавана казакамі і нават нашымі ўласнымі салдатамі, хоць, я думаю, вельмі нешматлікія з іх

привезлі сваю здабычу ў Францыю » [2, с. 327]. Іншы сведка, Штейнмюллер, так апісвае гэты эпізод: “... Мы на досвітку 10 снежня пакінулі горад (Вільня) і пайшлі па дарозе да Коўна. Гадзіны праз дзве мы прыйшлі да абледзянелай падэшвы пагорка, настолькі стромкага, што на яго немагчыма было ўзлезці. Вакол былі раскіданы рэшткі экіпажаў Напалеона, пакінуты ў Вільні пры адступленні абоз, паходная каса арміі і яшчэ шмат калёс з цяжкімі маскоўскімі трафейамі; яны не маглі падняцца ў гару ... Усе кінуліся да павозак: ўзламалі касы, у якіх было яшчэ каля пяці мільёнаў франкаў, грошы вынялі і падзялілі ... » [2, с. 331]. Тое ж самае пра абставіны гібелі абызу з нарабаванымі каштоўнасцямі кажуць Лабом, Кастэлана, граф Хохберг, Комб, Леманье, дэ Кастэлан і інш. [4, с. 310-312, 319, 323]. Па словах самога Напалеона, “у Вільні мае войскі разрабавалі дванаццаць мільёнаў” [10, с. 239]. Разгром “залатога абызу” давяршылі казакі Платава, якія адбілі частку “маскоўскай здабычы”. Частка трафейў, захопленых у Панарскай гары, была накіравана ў Новачаркаск.

Тым не менш, ацалелыя салдаты і афіцэры імператарскай гвардыі, усяго 400-500 чалавек, на чале з маршалам Бертэе выратавалі рэчы, якія асабіста належылі імператару – золата і сталовае срэбра. Але ж рабаванне фур з золатам працягвалася і пасля пераходу французамі Нёмана.

Такім чынам, частка казны “Вялікай арміі”, пераважна ў залатой і сярэбранай манеце, была вывезена з Расіі, іншая частка казны і “маскоўскай здабычы” была разрабавана салдатамі арміі Напалеона або адбіта рускімі авангарднымі часцямі. А вось лёс трэцяй часткі лёг у аснову легенд аб “маскоўскай здабычы” і “золаце французаў”. Няма ніякіх сумненняў у тым, што частка скарбаў засталася ляжаць на шляху адступлення “Вялікай арміі”, у тым ліку, і на беларускай зямлі.

Літаратура:

- 1.Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год / Е. В. Тарле; [послесловие В. Н. Балязина]. – Москва : Воениздат, 1992. – 303с.
2. Васютинский А.М. Французы в России / 1812 г. по воспоминаниямсовременниковиностранцев: Сборник, сост.

А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым и С.П. Мельгуновым / Историч. комис. Учеб. отд. ОРТЗ. – М.: Задруга, 1912. – 352 с.

3. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский – СПб.: Изд. А.А. Каспари 1899.– 720 с.

4. Де-Сегюр, Ф.П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона / Ф.П. Де-Сегюр. – М., 1911. – 156 с.

5. Белянчиков, Н.Н. Судьба сокровищ, похищенных Наполеоном в Москве / Н.Н. Белянчиков // Вопросы истории. – 1965. – № 4. – С. 215-217.

6. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года / АН СССР, Отделение истории. – М.: Наука, 1988. – 494 с.

7. Мазинг, Г.Ю. Березина, год 1812 / Г.Ю. Мазинг, Л.Ф. Ерусалимчик. – Минск: Полымя, 1991. – 127 с.

8. Асіноўскі, С.М. Што раньш было... / С.М. Асіноўскі. – Мінск: Беларусь, 2008. – 207 с.

9. Шашок, І. Загадка Стаячага возера / І. Шашок // Чырвоная змена. – 20 красавіка 1968 г.

10. Непомнящий, Н.Н. Тайны кладов / Н.Н. Непомнящий. – М.: Вече, 1999. – 409 с.

11. Роос, Г.У. С Наполеоном в Россию: Записки врача великой армии / Пер. с нем. под ред. И. Н. Бороздина. – М.: Сфинкс. Тип. Т/Д Худож. печать, 1912. – 334 с.

Конструирование национально-исторических мифов (на примере исторических трудов М. Довнар-Запольского)

С.А. Рогач, преподаватель

В силу исторических обстоятельств в последние несколько десятилетий в научной среде и в общественных кругах разных стран мира вновь обрели актуальность проблемы национального самоопределения. Отчасти это объясняется глобальными политическими и социальными трансформациями, а отсюда – сломом стереотипов, переоценкой ценностей, пересмотром многих, казавшихся до сих пор незыблемыми, концепций. Однако, несмотря на широкую разработку теорий по «национальной истории» в западных научных

школах, в регионе Восточной Европы эта тема пока остается недостаточно изученной. Это связано с замедленностью процессов национального строительства на постсоветском пространстве и, как следствие, с недостаточным критическим подходом к данной проблеме. Указанные недочеты могут играть негативную роль в развитии современного общества, поскольку незавершенность процесса национальной идентификации усиливает в нем степень подверженности идеологическим манипуляциям, в том числе путем мифологизации исторического прошлого.

Все это подчеркивает значимость расширения научно-теоретической базы истории, касающейся совершенствования национальных процессов в Восточной Европе и, в частности, в Беларуси.

Национальные исторические мифы, являясь смысловым ядром процесса формирования национальной идентичности, сыграли значительную роль в мобилизации этнонациональных движений. Важнейшими задачами этих движений были создание образа «гомогенного общества» и обозначение общей «линии развития» нации в прошлом, настоящем и будущем. Тем не менее, национал-центристские проекты изначально имели определенные элементы вымысла и, что более опасно, использовались для разных политических манипуляций. Поэтому критический анализ подобных идеологических конструкций с последующей трансляцией в СМИ и с изменением содержания образовательных программ может помочь снижению степени зависимости общества от негативного воздействия на них исторических мифологий.

Так называемая «национальная история» является фундаментом национальной идентичности и необходимым атрибутом национальных течений в политике. В свою очередь, национализм – как идеология и движение – нацелен на объединение людей по политическому принципу. Кратко его можно охарактеризовать как социально-политическое движение, участники которого пытаются обосновывать свои действия, опираясь на научные (или псевдонаучные) концепции, заключающиеся в представлении о социокультурном единстве и гомогенности широкой группы людей. Но далеко не всегда национализм является результатом заранее просчитанных манипуляций элит, он также зависит от нерациональных

восприятий и заблуждений людей, от особенностей их коллективной ментальности и от передающихся из поколения в поколение общих травматических воспоминаний.

Таким образом, при анализе специфики национальной истории необходимо учитывать, как минимум, два важных фактора: во-первых, особенность политического контекста, во-вторых, влияние (в большей или меньшей степени) различных идеологий, причем не только на мнения большинства, но также на научные позиции социо-гуманитарных исследователей (и, в первую очередь, на историков, являющихся авторами национально-исторических текстов).

Как справедливо отмечал американский критик А. Данто, ученым невозможно занимать конкретную научную позицию, не имея определенных пристрастий и предубеждений. А если учитывать эти аспекты при обращении к «национальной истории», любое воспоминание может оказаться искажением, но в то же время удачно вписываться в общую историческую картину (при условии, что «метанарратив» будет аргументированно построен и каузально связан [1, с. 40]).

На это же обращал внимание французский теоретик П. Бурдьё, подчеркивая, что попытки ученых создать фон «объективных» оценок реальности на самом деле не отражают реальность, а порождают ее эффекты (образы) [2, с. 39]. Последние выполняют функцию представления о «возвращении к своим корням», смягчая психологические травмы у тех, кто ощущает нехватку собственной идентичности [3]. Именно с этой целью «символические элиты» обращаются к романтизированным «мифологиям» этноса, наделяя их необходимым для насущных целей содержанием [4, с. 12].

По словам современного английского ученого Б. Андерсона, «нация» есть «политически воображенное» и политически сконструированное сообщество [5]. При этом под «воображенностью» подразумевается не абсолютная ложь или сказочность информации, собираемой и по-своему интерпретируемой историками, а ограниченность их доступа к исследуемому объекту. Отталкиваясь от данной концепции, нацию следует трактовать не как «самоочевидность», а как «особый культурный артефакт». Иными словами, нация есть социально-политический феномен конкретного времени, в частности, начавший оформляться и заключаться в определенные

рамки в XVI–XVII вв., а наибольший расцвет получивший в XIX – XX вв. [5].

Другой английский теоретик Э. Смит более приемлемым для анализа наций считает комплексное использование «конструктивистской» и «этно-символистской» позиций, подчеркивая значительную роль в процессе конструирования наций культурных элементов сообществ, имевших место и в доиндустриальный период их развития [6].

Гораздо ближе к раскрытию идеологических, моральных и политических коннотаций в национальных историографиях подошел французский философ П. Рикер. По его мнению, социально-политические и демографические изменения в мире в последние несколько столетий привели к росту в обществах ощущений угрозы столкновений с «другими» и, как следствие, к увеличению «претензий на идентичность» и на «публичные выражения памяти». В результате реальность еще в большей степени стала искажаться и маскироваться, а затем в новом «виде» легитимироваться властью (как государственной, так и научно-академической). Это же усиливало идеологизацию памяти, а базовыми элементами смоделированной национальной истории становились конкретные фигуры власти, «национальные герои», наиболее важные в жизни общества события (как драматические, так и победоносные) [7, с. 119-121].

Основные позиции, которые в этих случаях стали занимать историки – это либо восславление нации (через выделение и описание так называемого «золотого века» в истории народа), либо выделение наиболее трагичных, травмирующих воспоминание событий, однако также используемых в качестве «назидательного урока» потомкам [7, с. 126-127].

В то же время, как отметил российский исследователь В.А. Шнирельман, в любых научных версиях «национальной истории» имеет место мифологичность, проявляющаяся в наибольшей степени в этноцентристских схемах прошлого. Путем неоправданной выборочности и упрощения исторических данных специалисты по национальным версиям истории чаще всего апеллируют к «древним истокам» национальной идентификации и к современной государственности. Их текстам характерны свержангажированность, повышенная эмоциональность, изображение «своего народа» как

«монолитного органического единства», культивирование наиболее важных, с их точки зрения, событий в истории нации (способствовавших ее расцвету либо повлекших за собой катастрофу), убежденность в устойчивости и преемственности этнокультурных традиций, претензии на принадлежность значимых исторических деятелей исключительно к их нации, замалчивание о взаимовлиянии с другими народами либо конструирование образа «иноземного врага», а также игнорирование критических замечаний со стороны научных оппонентов [8].

Различные мифологемы, присутствующие в историографических текстах, используются историками для создания целостно слаженного комплекса «исторических фактов» [9, с. 269, 283.]. Они способствуют конструированию истории определенного сообщества в неподвижной, четко обозначенной форме, а также призваны давать опору для самоидентификации и уверенной ориентации людей в быстро меняющемся мире. В то же время, исторические мифы не являются полной ложью или сказкой. В них могут присутствовать реальные факты, хотя главной их функцией является усиление правдивости и значимости определенных событий в истории нации [9, с. 267].

В этом отношении «золотой век» как исторически-оценочная категория используется для наибольшей героизации национальной истории. Эта мифологема несет компенсаторную функцию, заполняя лакуны коллективной памяти, сглаживая травматические переживания (из-за ощущения утраты «прекрасного прошлого»), а также способствуя сплочению вокруг позитивных образов (национальных героев и победных событий народа).

Таким образом, опираясь на концепции разных современных специалистов по проблемам истории наций и национализма, можно сделать краткий вывод о том, что под понятием «нация» в исследованиях по «национальной истории» изначально нужно подразумевать «воображенную», искусственно созданную «гомогенную» группу людей, но одновременно учитывать влияние на полученную «конструкцию» реальных этнокультурных факторов. Это же дает возможность выявить особенности мифологем конкретных наций и специфику образов, относящихся к разным периодам их развития. Все указанные выше аспекты могут быть прослежены на примере

классических версий истории белорусской нации, разрабатывавшихся в конце XIX – начале XX вв.

Во-первых, для первого этапа становления белорусской национальной историографии был характерен этнографический уклон. Во-вторых, в исторических произведениях, написанных на территории Беларуси в начале XX в., в большей степени, чем в Западной Европе, наблюдалось смешение позитивистско-документального и национально-романтизированного жанра историографии, что демонстрировало высокую степень политизированности исследователей [10, с. 19]. В-третьих, базой для написания исторических текстов являлись «этногенетические» или «этноцентристские» подходы. Суть их заключалась в том, что история отдельного народа, имевшего якобы общие кровнородственные связи, язык и религию, рассматривалась сквозь призму традиций и представлялась в исследовании в качестве эталона. Большинству этих работ был характерен декларативно-дидактический стиль, когда на фоне столкновения позитивных и отрицательных мифологем выстраивались призывы к «возрождению древней нации» [10, с. 116].

Одним из ярких примеров проявления данного подхода могут стать работы белорусского историка начала XX в. М. Довнар-Запольского (1867-1934 гг.).

Для начала стоит упомянуть некоторые особенности его профессиональной биографии. Будучи родом из Минской губернии, М. Довнар-Запольский не мог получить высшее образование в Северо-Западном крае. Это было связано с влиянием политических событий, имевших место в предыдущие десятилетия: т.е. с восстаниями 1830-1831 и 1863-1864 гг., в результате которых высшие учебные заведения в Северо-Западном крае почти полностью были закрыты. Поэтому М. Довнар-Запольский был вынужден учиться на территории Малороссии – в Киевском университете, где в последующем получил и свой первый профессиональный опыт [11, с. 272-273].

Научные интересы М. Довнар-Запольского формировались под влиянием украинского ученого В. Антоновича, возглавлявшего в Киевском университете кафедру русской истории. Двойственность научной позиции В. Антоновича (в которой отражались и проимперские, и узко националистические взгляды) в последующем отра-

зились и во взглядах его учеников, включая и самого М. Довнар-Запольского. Более того, большой интерес В. Антоновича к истории Великого княжества Литовского в значительной степени сказался на том же пристрастии белорусского историка [11, с. 272-273].

В более поздние годы своей жизни М. Довнар-Запольскому не удалось избежать воздействия на его историографическую концепцию политических факторов. В частности, после событий 1917 г. и особенно после объявления независимости БНР он оказался включенным в сложную политическую игру, став в результате членом дипломатической миссии БНР в Киеве. Это же в последующем стало причиной запрета публикации одной из наиболее значимых его научных работ – «Истории Белоруссии» [11, с. 5,6]. Учитывая все отмеченные выше факторы, по-разному отразившиеся на формировании и изменении взглядов ученого, необходимо более подробно проанализировать его работы, специально выбранные в качестве предмета исследования.

В одной из первых своих статей под названием «Белорусское прошлое» [12, с. 317-345], опубликованной в 1888 г. (причем не в научном издании, а в газете «Минский листок»), М. Довнар-Запольский утверждал, что территориальные границы проживания «белорусского племени» остались теми же, какими были в IX-XII вв., а также то, что племена «русских племен» уже тогда «различались как по своим нравам и обычаям, так и по языку и степени образованности» [12, с. 318,319]. Более того, по его мнению, именно изначальное этнографическое различие племен не давало возможности для их слияния в единое целое [12, с. 320]. В той же статье он попытался дать определение понятию «народ», а также отдельную характеристику белорусов: «Группа людей, имеющая свои традиционные исторические начала, свои этнографические особенности и язык, такая группа людей составляет уже отдельную народность, племя, одним словом, народный организм» [12, с. 338].

Перечисляемые им далее «враждебные обстоятельства, клонившие к упадку древнерусскую жизнь», выступали в качестве алиби для самого народа, а роль «врагов» в данной работе получили «монголо-татары» и «литовцы», обвиненные историком в завоевании и подчинении себе русских племен [12, с. 323-324]. С другой стороны, рассказывая о последующих столетиях (XIV – XVI вв.),

М. Довнар-Запольский смягчил интерпретацию понятия «литовцы», поскольку, как он писал, очень много они «внесли в государственную и общественную жизнь современного русского общества» [12, с. 326]. Подчеркивая при этом важность «воинственного настроения» в ВКЛ, как характерного, по словам М. Довнар-Запольского, для всех народов той эпохи, тем самым он пытался оправдать насильственную форму власти, поскольку, в противном случае, у исторического образа «белорусского народа» исчезло бы доказательство его первенства в ВКЛ.

Так как для достижения наивысших точек в истории развития народа требуется наличие «героев», то и М. Довнар-Запольским такие были отмечены. По его мнению, ими являлись различные властители ВКЛ: «Так, период характеризуется всегда особенным воинственным воодушевлением народа, который устремляется с необыкновенной энергией к завоеваниям; в период этот появляются замечательные личности, становящиеся во главе народа. Нужно отдать полную справедливость, что первые литовские князья представляют собою замечательный пример мужества, стойкости ума и энергии в своих действиях, проникнутых истинным сознательным стремлением к народной пользе. Следуя централизационной политике, русско-литовские князья Витень, Гедемин, Ольгерд, Кейстут и Ягайло вскоре объединили под своею властью все собственно-литовские земли и часть западно-русских... На указанных основах взаимного сближения образовалось прочное соединение обоих племен» [12, с. 327-328].

Нарисовав таким образом картину «наилучшего» периода в истории белорусского народа, на следующих страницах своей статьи автор переходит к описанию «трагических событий», якобы помешавших «общей линии» развития белорусской нации. В итоге, начиная с описания унии 1387 г., образы «врагов» получают все католіки на территории ВКЛ (включая литовцев): «Но, однако, политические обстоятельства конца XIV и начала XV вв. стали на пути соединения... Посягательство на свободу православия было в то же время посягательством на русскую культуру и на русскую народность... Поляки постепенно старались сблизиться с литовцами и с теми русскими, которые принимали католичество. Теперь русскому народу приходится бороться с польскою культурой; влияние его на

католическую Литву постепенно падает; последняя, принимая польские порядки, заражается духом католической нетерпимости» [12, с. 328-329].

В отношении Люблинской унии (1569 г.), а также Брестской церковной унии (1596 г.) М. Довнар-Запольский делает вывод, что созданные союзы изначально готовили новое государство к гибели. Это объяснялось, по мнению историка, изначальной разнородностью народов Польши и ВКЛ: по их религиям, национальным особенностям, а также по разнице их географического расположения [12, с. 330]. Образ «спасителя» и «героя», в интерпретации М. Довнар-Запольского, получает Московское государство, якобы призванное вернуть единство «православных славян»: «Когда белоруссы, и малоруссы поняли, наконец, невозможность дальше претерпевать польско-католическое иго, они стали искать внешнюю точку опоры, внешнюю силу, которая поддержала бы их в предстоящей борьбе. Такой силой была Москва, единовенная и родственная, на которую и обратили свои взоры западно-руссы» [12, с. 331]. В то же время, сравнивая польскую и московскую власть, М. Довнар-Запольский приходит к выводу, что белорусам всегда было характерно стремление «к децентрализации жизни, федеративному устройству», чему, в конце концов, помешали и московская «боярская олигархия», и «польская шляхта», так как «то и другое государство совершенно исключали демос, тогда, как белорусский народ был прежде всего, по своим историческим и народно-бытовым традициям, в высшей степени демократичен» [12, с. 334-335].

Некоторую трансформацию данного подхода М. Довнар-Запольского можно проследить, сравнив уже упомянутую версию с представленными им в более поздние периоды деятельности.

В частности, в изданных в 1897 г. результатах его исследования (ставших в последующем основой его докторской диссертации) об истоках ВКЛ он писал следующее: «Основы единения Русской и Литовской народностей зиждились... на равноправности, взаимном понимании полезности союза и веротерпимости. Русские области во внутренней своей жизни не лишались своих прав и обычаев; кроме великого князя, в большинстве городов, как Новогрудок, Полоцк и др., были удельные князья, управление страной осуществлялось с

согласия веча; в отношении государственного устройства литовские князья следовали русским традициям. Преобладание в новом государстве русских культурных начал было особенно заметно. Даже литовским государственным языком был русский язык» [13].

Та же интерпретация, но с большим вниманием к политическим делам, была им предложена в более поздней работе – «История Белоруссии» [9, с. 26]. Несмотря на то, что из-за исторических и политических обстоятельств М. Довнар-Запольскому при жизни не удалось опубликовать этот объемный исторический труд, в нашем случае это произведение стоит учесть, поскольку оно является классическим примером создания «метанарратива».

Одним из ключевых пунктов «Истории Белоруссии» было утверждение автора о «чистоте белорусского типа» и «исконности» его проживания на той территории, которую имела Беларусь в момент написания М. Довнар-Запольским данного труда [13, с. 25-26, 31-32].

Другим важным тезисом его книги было обозначение «традиционных черт» белорусов как «в высшей степени демократичных». По мнению М. Довнар-Запольского, основы этому были заложены еще в период существования «Древней Руси», где центральным местом организации «демоса» являлся город (в отличие от последующих эпох, когда первенство перешло к фольваркам и к сельскому хозяйству). Однако наибольший расцвет белорусского общества, по его мнению, пришелся на период XIV-XVI вв. Это утверждение он обосновывал тем, что в указанное время происходило добровольное объединение людей в ВКЛ, а также были успешно разрешены конфликты, возникшие и накопившиеся в предыдущую эпоху [13].

Вместе с тем, сравнивая белорусов с литовцами, М. Довнар-Запольский пытался подчеркнуть их первенство по уровню развития и в культурной, и в политической областях: «Долгое время литовское племя живет в весьма первобытных условиях... Ни торговли, ни ремеслами литовцы не занимались и даже не имели поселений городского типа. Они жили в лесах, в бедных хижинах, занимались земледелием или бортничеством. Культурное их развитие стояло очень невысоко... Литовская религия отличалась такой же примитивностью, как и весь быт Литвы» [13, с. 54]. Переходя к вопросу о причинах появления ВКЛ, М. Довнар-Запольский про-

должал утверждать о главенствующей роли в этом процессе белорусов: «Миндовг колебался в выборе между крестоносцами и католичеством с их западной культурой и между русскими областями с их восточной культурой. Малочисленное литовское племя, притом малокультурное, в этом выборе значения не имеет. В конечном итоге Мендовг... на первый план выдвинул связи с белорусскими землями, чем определилась дальнейшая политика последующих князей» [13, с. 56]. Помимо этого, М. Довнар-Запольский по-прежнему подчеркивал, что ВКЛ формировалось не насильственным образом, а «с согласия населения, ввиду очевидной политической выгоды такого союза» [13, с. 57].

Однако, помимо образа «союзников», для подтверждения мощи народа или для нахождения «виновных», якобы мешавших главной линии его развития, требовалось наличие «врагов». По концепции М. Довнар-Запольского, антиподом белорусского народа становились, в зависимости от времени и ситуации, восточные или западные соседи, то есть, вся та же московская «олигархия бояр» или польская аристократия. Обе стороны, по его версии, исключали «демос» (то есть, «белорусский народ»). Более того, они оказывались главными обвиняемыми (особенно «польская шляхта») в трагедии «упадка» всего ВКЛ и белорусского общества, в частности. В то же время, при подобном описании белорусского этноса его социальная стратификация затушевывалась, а шляхетское сословие, наоборот, обозначалось как исключительно польское [13, с. 180-185].

В частности, М. Довнар-Запольский констатировал колоссальные потери белорусов после Ливонской войны, а также закрепощение крестьян после реформ с середины XVI в. В результате этот век получает у него название «чертовой (или золотой) вольности» [13, с. 184-185]. Как видится, этим он пытался подчеркнуть, что свободой и правами обладала только «польская шляхта», в то время, как «белорусский народ» находился под гнетом, что в последующем и привело к его «упадку» [13, с. 167-168]. В этом сюжете наиболее явно прослеживается выпячивание противоположных образов «героев» и «антигероев» в истории нации. Описываемые им реформы 1560-х гг., а также Статуты ВКЛ получают позитивную характеристику, когда речь идет о полученных для разных слоев

населения (включая мещан, волостных крестьян, представителей православного духовенства) возможностях обращаться в сейм со своими просьбами и ходатайствами или о языке («старобелорусском»), на котором издавались Статуты [13, с. 151]. Однако, когда данный период трактуется как эпоха «золотой вольности» в ВКЛ (XVI – XVIII вв.), тогда меняется и тон его характеристики: данный период начинает описываться как время «упадка» в сельском хозяйстве, следовательно, и во всей жизни белорусского народа.

Отдельное персональное восхваление у М. Довнар-Запольского в написанной им картине белорусской истории получил князь Витовт: «Великое княжение Витовта – важнейший период в создании Литовско-Русского государства. Великий князь отличался глубоким государственным умом, необыкновенной энергией и умел поставить свою политику в отношении областей так, что пользовался широкой популярностью среди населения. Это был выдающийся организатор вновь складывающегося государства, обладающий притом достоинством мудрого и храброго полководца. Основной целью его политики было создание самостоятельного Литовско-Русского государства и примирение двух господствовавших в нем национальностей» [13, с. 59]. В данном отрывке прослеживаются три ключевых момента. Во-первых, период правления Витовта трактуется как политический взлет ВКЛ. Во-вторых, его реализация оказывается зависимой от действий конкретной личности. В-третьих, идеалом для ВКЛ, по М. Довнар-Запольскому, была бы государственная независимость и внутреннее примирение.

Таким образом, вершиной политического развития ВКЛ (или иначе говоря, «золотым веком» в его истории) исследователю виделось время первых десятилетий XV в. Однако само выделение «золотого века» в политике делалось М. Довнар-Запольским в противовес большинству других описываемых им моментов из истории Беларуси как негативных или даже катастрофических (поскольку, в первую очередь, связанных с военными конфликтами). Образ удержания сплоченности народа под руководством авторитетной личности должен был выступать в качестве примера для «возрождения» идей единения нации и для их реализации в будущем. То есть, данная национально-историческая конструкция, по сути, не могла строиться без наличия в ней «героев».

С особым вниманием М. Довнар-Запольский подходит и к другим, неполитическим «героям» «золотого века» в истории Беларуси. Отдельную статью он посвятил деятельности Василия Тяпинского, «переводчика евангелия на белорусское наречие» [14, с. 232-256]. Как следует из высказываний самого М. Довнар-Запольского, его научный интерес объяснялся тем, что главной целью деятельности протестанта В. Тяпинского было распространение образования у славян [14, с. 240, 242]. Чтение Библии и религиозных трактатов на родном языке должно было способствовать сохранению «славянского языка», возрождению «древнерусской культуры», а также взаимопониманию и миролюбию людей. В то же время, для объяснения причин, помешавших реализации этих идей, цитируя самого В. Тяпинского, М. Довнар-Запольский указывает на социальные и религиозные препятствия в достижении этого проекта и, как следствие, «падение национального самосознания и образованности» в среде современников Тяпинского. В свою очередь, основной проблемой белорусского общества в XVI – XVII вв. М. Довнар-Запольскому видится «наступающее ополячивание» [14, с. 255]. Следуя этой логике, «золотой век» в культуре белорусов, не успев разрастись, очень быстро пошел на спад. И если в начале статьи описывались наилучшие черты «русского народа», то во второй ее части пересказываются только обвинения Тяпинского, направленные «на панов, высших церковных сановников и вообще на духовенство», приведших его к «материальной несостоятельности» из-за огромной растраты средств на типографию. Поэтому вместо похвал эпохи «золотого века» М. Довнар-Запольский завершает свою статью перечислением жалоб Тяпинского, а его призывы к «возрождению русской культуры», основанной «на школах и науках на русском языке», остаются всего лишь идеальными планами [14, с. 255-256]. То есть, в данной цепочке версий и доказательств, построенной М. Довнар-Запольским, снова прослеживается триединый комплекс мифологем «золотого века», «упадка» и «возрождения», среди которых первенство по красочности, широте описания и одновременно трагичности у него получает период «упадка».

На фоне столкновений позитивных и отрицательных мифологем выстраивались призывы к «возрождению древней нации», что вы-

глядело как обращенная в прошлое утопия. Однако в политической сфере это служило опорой для аргументации национальных проектов и действий. (В последующем имеется в виду государственная программа «белорусизации» БССР (1924 – 1929 гг.), отчасти совпавшая со временем написания М. Довнар-Запольским «Истории Белоруссии» [7, с. 116].

Для первых исследований М. Довнар-Запольского был характерен этнографический подход, позже военные и революционные события начала XX в. повлияли на изменение его концепции. В его работах стал заметен декларативно-дидактический стиль письма и наличие «единой линии» исторического развития белорусского этноса, что объясняется своеобразной попыткой обосновать государственный суверенитет нации.

В этом отношении особого внимания заслуживает его публицистический очерк «Основы государственности Белоруссии», отдельно изданный в Гродно в 1919 г. Учитывая время и место выхода буклета (т.е. уже после объявления нескольких деклараций о независимости – БНР, ЛитБел и БССР), можно объяснить и характер его пропагандистского стиля. В краткой форме (на четырнадцать страниц) М. Довнар-Запольский попытался изложить историю становления белорусского государства и таким образом доказать, что белорусы с давних времен имели независимость в форме Великого княжества Литовского: «Преобладание белорусов в этом государстве было и количественное, и качественное; в то время наши предки обладали уже высокой государственностью, литературой и вели широкие торговые сношения с немцами, тогда как литовцы до слияния с Русью не имели ни государства, ни письменности, не вели торговлю, вообще представляли собою народец, находившийся на весьма низкой ступени развития» [14, с. 2].

Сравнивая белорусский народ уже не с литовцами, а с южными соседями, М. Довнар-Запольский по-прежнему указывал на приоритет белорусов. По его мнению, из-за «сильного опустошения от татар» население южно-русских земель принимало «весьма слабое участие в общегосударственной жизни» ВКЛ, а после 1569 г. «только Белоруссия и Литва сохранили свою самостоятельность и заключили, как равные, договор Унии с Польшей» [14, с. 5].

В этой статье можно обнаружить и множество анахронизмов, использованных автором при описании государственной системы ВКЛ и Речи Посполитой. По его словам, «древнейший период истории Белоруссии характеризуется господством *демократических идей* в социальном и государственном укладе... Такой порядок вещей держался до начала XVI в... Однако каждое из трех образовавшихся сословий в своем новом устройстве сохранило черты *древнего народоправства*... Города представляли собою свободные общины, *демократическое равенство*... Высшее военно-служилое сословие выработало формы *конституции*, представлявшие этому классу широчайшее участие в государственных делах... Дворянское сословие... добилось наибольших успехов в развитии *парламентаризма*... Уложившийся строй Литовского-белорусского государства есть строй республиканский с избираемым пожизненным *президентом*, носившим наименование великого князя. Таким образом воскресла в иной форме традиция *древне-русского народоправства*»(курсив мой – С.Р.) [14, с. 9-10].

Та же пафосность риторики заметна и в его характеристике культуры ВКЛ: «Действительно, в культурном отношении белорусская национальность может с гордостью вспоминать о своем прошлом... В литовско-русскую эпоху мы наблюдаем блестящее развитие в области литературы и права... Не только практика, но и прямой закон признавали за белорусским языком его государственное общеобязательное значение... Статутовое законодательство ярким образом является в высокой мере законодательством национальным» [14, с. 11]. Если сравнить данный текст с его другими упомянутыми работами, то здесь, в отличие от предыдущих, на первое место выходит образ «золотого века», а не «упадка». Это можно объяснить кардинальной сменой политической обстановки, когда совсем недавно появившемуся государству требовалось историческое подтверждение его основ.

Таким образом, на основании приведенных в качестве примера работ М. Довнар-Запольского можно сделать вывод об изначальной двойственности и противоречивости его позиции в отношении истории белорусской нации. Во-первых, в его историографии наблюдается фактическое расщепление «золотого века» на две части: 1350-1430 гг. – как расцвет политического влияния государства, а

1517-1569 гг. – как период культурного взлета. В то же время и эти даты оказывались не строгими, а меняющимися, в зависимости от использования их для позитивной или негативной характеристики описываемых событий и «героев». Во-вторых, позиция историка менялась под влиянием исторических и политических факторов (революционные и военные события начала XX в., Первая мировая война, развал европейских империй, формирование новых независимых государств) – с постепенным смещением акцента от трагических неудач в истории белорусов к «наилучшим» и «уникальным» их достижениям.

В научных текстах М. Довнар-Запольского видится тесная взаимосвязь его научной и политической позиций. Образ ВКЛ стал у него ключевым для обозначения времени взлета нации, особенно в XIV – XVI вв. При этом постоянная двойственность данных образов была запрограммирована изначально – из-за акцента на политическую историю войн (с перечислением побед или проигрышей) и изложения истории народа как жертвы, но с одновременным подбором, для сравнения, убедительных сюжетов из «далекого прекрасного прошлого». Эти особенности можно объяснить, с одной стороны, началом актуализации в XIX в. проблемы идентичности, а с другой, отсутствием у большинства исследуемых на тот момент этносов государственной независимости (либо ее наличие, но пока еще в течение небольшого исторического времени).

Другими чертами исторических трудов М. Довнар-Запольского было использование образа «золотого века» как компенсаторной мифологемы, снижающей травматические эффекты от ощущения нехватки, неясности, незавершенности национальной идентичности. Отсутствие предыдущих историко-научных позиций об «истории нации» сказывалось на слабости данной концепции, на ее мифологизированности и некритичности.

Таким образом, сутью национальной идеи М. Довнар-Запольского было построение истории нации как обязательно нераздельной модели. Данная конструкция строилась по принципу нелогичного сцепления бинарных оппозиций: с одной стороны, «золотой век», «прекрасное прошлое», а с другой – «ужасное настоящее». Или то же самое «настоящее» демонстрировалось как анти-

под проекту «возвращения» якобы лучших моментов «прошлого». Другим обязательным блоком бинарных категорий выступали образы «героев» и «врагов». Однако, как и было отмечено выше, в этом наблюдаются изначально заложенные противоречия и слабая степень научности подобной концепции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что главной опасностью изложения «национальной истории» является наличие в ней мифологических образов, не подвергаемых научному анализу. Из-за серьезной политико-идеологической зависимости авторов подобных исследований в их позициях заметен отход от рационального научного дискурса и критического анализа к неотрефлексированной политической риторике.

Тем не менее, рост интереса в последние десятилетия к данной проблеме, а также появление новых форм интерпретации «национальной истории», скорее, подтверждает расшатывание национальных идентичностей и смещение акцента на другие варианты самоидентификации. В свою очередь, раскрытие мифологичности подобных концепций должно способствовать предотвращению конфронтаций на национальной почве.

Использованная литература

1. Данто, А. Аналитическая философия истории. Пер. с англ. А.Л. Никифоровой, О.В. Гавришиной; под ред. Л.Б. Макеевой / А. Данто. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
2. Бурдые, П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности. Пер. с фр. А Бикбова / П. Бурдые. – М.: Логос, 2003. – № 4. – С. 33-41.
3. Бурдые, П.; Шартье, Р. Люди с историями, люди без историй. Пер. с фр. О. Кирчик. // Новое литературное обозрение, 2003, № 60. Доступ через Интернет: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/shart.html>
4. Бурдые, П. Практический смысл. Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко / П. Бурдые. – СПб, 2001. – 562 с.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаева / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.

6. Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер.с англ. А. Смирнова / Э. Смит. Доступ через интернет [http // www-politizad.ru / fragment](http://www-politizad.ru/fragment).

7. Рикер, П. Память, история, забвение. Пер. с фр. И.И. Блауберг и др. / П. Рикер. –М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

8. Шнирельман, В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / В.А. Шнирельман. – В:Библиотека Гумер – гуманитарные науки .Доступ через Интернет:[http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/Article/schnir_nac_sim v.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_sim_v.php)

9. Барт, Р. Мифологии. Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 32 с.

10. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. / Р. Ліндэр. Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіч. Выд.2. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

11. Ліс, Арсень. Доўнар Запольскі / Арсень Ліс // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1996. – Т. 3. – С. 272-273.

12. Довнар-Запольский, М.В. Белорусское прошлое / М.В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – С. 317-345.

13. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии. 2-е изд. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск.: Беларусь, 2005. – 456 с.

14. Довнар-Запольский, М.В. Основы государственности Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Гродно: Редактор-Издатель М.О. Засецкий, 1919.– 16 с.

Рэфарматарская дзейнасць Паўла І

А.І. Багдановіч, канд.гіст.навук, дацэнт

Час праўлення Кацярыны II – гэта перыяд, калі Расійская імперыя дасягнула найбольшага аўтарытэту і ўплыву на

міжнароднай арэне. У гэты ж час унутры краіны было шмат нявырашаных праблем: самаўпраўства дваран, хабарніцтва, жудасная бюракратыя, якая спалучалася з невыкананнем загадаў і правалам нацыянальнай і канфесійнай палітыкі на тэрыторыях, далучаных да Расіі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Усё гэта патрабавала ад прыйшоўшага да ўлады пасля Кацярыны II імператара Паўла I расшчых дзеянняў, якія ён неадкладна і распачаў.

Рэформы Паўла I выклікалі пераважна адмоўную рэакцыю не толькі ў панаваўшага ў краіне дваранскага саслоўя, але і сярод многіх гісторыкаў. Першымі жорсткую крытыку яго дзейнасці распачалі прадстаўнікі дваранскай гістарыяграфіі (даследаванні І.Д. Бяляева, У.І. Семеўскага, С.Ф. Платонава і М.В. Клачкова) [1]. Яго асоба і дзейнасць атрымала пераважна негатыўную афарбоўку і нават асуджэнне ў абагульняючых працах савецкіх гісторыкаў (М.Н. Пакроўскага, А.В. Прадзецанскага, М.В. Нечкінай, Б.А. Рыбакова і іншых) [2]. Пра Паўла I склалі і працягваюць складаць вялікае мноства розных гісторый, баек і анекдотаў. Аднак у канцы XX пачатку XXI стст. з'яўляецца шэраг цікавых даследаванняў А.Б. Каменскага, М.І. Паўленкі, А.Г. Тартакоўскага і інш. [3], дзе палітыка і дзейнасць імператара Паўла I атрымала больш аб'ектыўную і пераважна станоўчую ацэнку.

У айчыннай гістарыяграфіі адносіны да Паўла I таксама неадназначныя, бо ў цэлым, не мянучы сутнасці вялікадзяржаўнай палітыкі Расійскай імперыі ў Беларусі, ён паспрыяў паслабленню націску праваслаўнага духавенства на ўніятаў і на пэўны час прыпыніў гвалтоўны іх перавод ў праваслаўе. Гэтым самым, лічаць Я. Анішчанка, С.В. Марозава і У. Сосна [4], Павел I паспрыяў больш чым соракагадоваму захаванню ўніяцкай царквы, якая ў значнай ступені садзейнічала развіццю беларускай мовы і нацыянальнай культуры. За гэта ж у дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі яго рэзка асуджалі П.С. Гаручка, М.В. Каяловіч і інш. [5]. У дадзеным артыкуле пастаўлена задача прааналізаваць характар рэформ Паўла I і вызначыць іх значэнне для далейшага развіцця Расійскай імперыі.

Прышоўшы да ўлады, Павел I ужо меў план развіцця дзяржавы, які быў складзены ў перыяд трынаццацігадовага

“гатчынскага сядзення” – гэта яго знакамітыя трактаты “Разважанні аб дзяржаве наогул...” і “Наказ” аб кіраванні Расіяй”, у якіх выкладзены погляды на дзяржаўнае кіраванне і вырашэнне актуальных для свайго часу праблем. У гэтых творах ён настойваў на неабходнасці заканадаўчага рэгулявання становішча прыгонных. “Чалавек, – пісаў ён, – найпершы скарб дзяржавы. ...Зберажэнне дзяржавы – зберажэнне людзей” [6, с. 733-734], “Сялянства ўтрымлівае сабою ўсе іншыя часткі грамадства і працай сваёю асаблівай павагі заслугоўвае і зацвярджэння стану, які не падвяргаўся б цяперашнім яго пераменам” [7, с. 316].

Менавіта, дзякуючы наяўнасці загадзя прадуманага плана дзяржаўных пераўтварэнняў, заканадаўчы працэс з прыходам новага імператара пайшоў такімі тэмпамі, якіх Расійская імперыя дагэтуль ніколі не ведала. За няпоўныя пяць гадоў кіравання дзяржавай ім было выдадзена 2179 заканадаўчых актаў, у сярэднім 42 у месяц. Для параўнання адзначым, што за значна больш доўгі перыяд праўлення вялікага рэфарматара Пятра I, 36 гадоў, іх было выдадзена 3296 [8, с. 45].

Кожны дзень выходзілі новыя і новыя ўказы, статуты, распараджэнні і ўдакладненні да іх. Усюды і ва ўсім уводзіліся новыя правілы. Усё гэта абавіралася на строгую дысцыпліну і беспярэчнае падпарадкаванне. За невыкананне сваіх распараджэнняў цар загадваў пазбаўляць чыноў і высылать павінных ў Сібір. Павел не лічыўся ні з высокімі чынамі, ні з ранейшымі заслугамі. “Закон адзін для ўсіх, і ўсё роўныя перад ім”, – не раз гаварыў ён. І вось у Сібір на адным возе едуць і генерал, і ўнтэр-афіцэр, і купец, і сенатар. Менавіта за гэта Павел I становіцца папулярным у народзе, а многія салдаты і сяляне называлі яго “наш бацечка”.

Народ склаў пра імператара велізарную колькасць розных гісторый і баек. Аднойчы, напрыклад, Паўлу Пятровічу выпадкова давялося назіраць такую карціну. Па вуліцы ганарліва крочыць афіцэр, а за ім ледзь цягнецца нагружаны яго футрам і шпагай салдат. Імператар падыходзіць да салдата і пытае: “Чыё гэта ты футра і шпага нясеш на сабе?”. “Дык вось афіцэра майго, што наперадзе ідзе”, – адказаў салдат. “Афіцэра? – перапытаў Павел са здзіўленнем, – дык што яму занадта цяжкай стала яго ноша, і,

відаць, шпага яму надакучыла. Апранай-ка ты, брат, футра на сябе, а яму аддай свой баганет з партупеяй. Так яно яму будзе значна лягчэй". Так імператар дараваў салдату афіцэрскі чын, а афіцэра аддаў у салдаты...[8, с. 46].

Па ўзыходжанні на прастол імператар перш за ўсё паспрабаваў паставіць на месца сваіх прыдворных, якія спачувалі Вялікай французскай рэвалюцыі. Яны не хацелі ўсвядоміць, што калі б у Расіі адбылася такая ж рэвалюцыя, як у Францыі, то першымі, з каго паздымалі б галовы, былі пецяўбургскія моднікі, якія насілі на сабе адзенне французскіх рэвалюцыянераў: круглыя капялюшыцыліндры і фракі. Шэф пецяўбургскай паліцыі генерал Архараў, пераведзены Паўлам I з Масквы ў Пецяўбург, аддаў распараджэнне паліцэйскім забіраць у пецяўбургскіх моднікаў капялюшыцыліндры і зрываць фракі і камізэлькі, якія яны насілі па "рэвалюцыйнай" парызскай модзе. У выніку на працягу некалькіх тыдняў тысячы сталічных дваран-лібералаў не раз крочылі дамоў напаяголымі. Менавіта адсюль вядзе сваё паходжанне папулярнае але маларазумелае ў наш час слова – "архараўцы", што значыць, паліцэйскія, падначаленыя Архараву, якія зрываюць з прахожых адзенне [9, с. 85-91]. У моду пры двары зноў увайшлі раялісцкае адзенне і мундзіры, якія імператар загадаў насіць не толькі ваенным і дзяржаўным служачым, але і дваранам, што не знаходзіліся на службе [10, с. 8].

Сам жа імператар быў чалавекам ашчадным, ад празмернасцяў у адзенні ўстрымліваўся. У той час, як фаварыт Кацярыны II князь Р. Пацёмкін губляў з адзення брыльянты, нават не заўважаючы гэтага, а князь А.Б. Куракін, быў празваны "брыльянтавым князем", таму што насіў камзолы, абсыпаныя каштоўнымі камянямі, імператар меў адзіную шынель, якую насіў і ўвосень, і ўзімку. У залежнасці ад надвор'я яе падшывалі ў дзень выезду то ватай, то футрам [11, с. 52].

У галіне саслоўнай палітыкі Павел I зрабіў шэраг крокаў па ліквідацыі "дваранскіх вольнасцяў", абвешчаных Кацярынай II. Яго асноўнай мэтай было ператварыць рускае дваранства ў дысцыплінаванае, служылае саслоўе. У 1797г. ім быў абвешчаны агляд усіх залічаных у палкі афіцэраў, пры гэтым тыя, хто не з'явіўся ў палкі, былі адпраўлены ў адстаўку. У гэтым жа годзе быў

уведзены новы парадак пераходу з ваеннай службы на грамадзянскую. Гэта можна было зрабіць толькі з дазволу Сената. Дваранам, якія не служылі дзяржаве, было забаронена ўдзельнічаць у дваранскіх выбарах і займаць выбарныя пасады. У адносінах да дваран зноў пачалі ўжывацца цялесныя пакаранні. У той жа час Павел I імкнуўся абмежаваць прыток у дваранскае саслоўе недваран.

Такой жа супярэчлівай была палітыка імператара ў адносінах да сялянства. Некалькі змяніўся статус прыгонных сялян. Уступіўшы на прастол, Павел загадаў усім сялянам прысягнуць яму (да гэтага такая практыка не існавала). Гэта было ўспрынята як крок да паслаблення прыгоннага права. Правільнасць такой здагадкі пацвярджаюць далейшыя пастановы.

Адным з найважнейшых падпісаных Паўлам I дакументаў па абмежаванню эксплуатацыі сялян памешчыкамі стаў выданы ў 1797 г. “Маніфест аб трохдзённай паншчыне”. “Маніфест” забараняў памешчыкам уводзіць паншчыну, большую за тры дні на тыдзень, што, на думку імператара, павінна было служыць гарантыяй заможнасці сялянскай гаспадаркі і яе плацежаздольнасці. Ён абмяжоўваў права ўласнасці памешчыкаў над сялянамі, перш за ўсё, права бязмежнай іх эксплуатацыі. Разам з тым, больш чым за чатыры гады праўлення Павел I раздарыў каля 600 тыс. прыгонных, у тым ліку каля 50 000 у Беларусі. Павел I быў шчыра перакананы ў тым, што за памешчыкамі сялянам будзе жыць лепш. У 1796 г. адбылося запрыгоньванне сялян у вобласці войска Данскога і ў Новарасіі, у 1798 г. адменена ўведзеная Пятром III забарона на куплю сялян уладальнікамі не з дваран. Адначасова з 1797г. было забаронена прадаваць дваровых і беззямельных сялян з малатка, а з 1798г. – украінскіх сялян без зямлі [11, с. 61].

Павел змяніў функцыі Сената, што было звязана з агульнай рэарганізацыяй цэнтральнага і мясцовага кіравання. Былі адноўлены некаторыя калегіі, скасаваныя Кацярынай II. Імператар лічыў неабходным ператвараць іх у міністэрствы, каб замяніць калектыўную адказнасць асабістай. Але прадметам асобай увагі Паўла быў гонар – гонар афіцэрскі, грамадзянскі, сямейны, службовы. Ледзь не палова ўсіх указаў і імянных наказаў імператара датычыліся пытанняў гонару. Галоўныя прычыны ўсёй

расійскай бязладзіцы ён бачыў у адсутнасці гонару і годнасці як у дзяржаўных служачых, так і ў простых абывацеляў. Ён лічыў, што дзёрзкая выхадка п'янага малодшага афіцэра і шматтысячнае хабарніцтва высокага дзяржаўнага чыноўніка роўна небяспечныя для грамадскай маральнасці і асноў расійскай дзяржаўнасці.

Вялікую ўвагу Павел I надаваў павышэнню боездольнасці войска. У першы ж дзень свайго валадарання ён расфарміраваў Генеральны штаб і на чацвёрты дзень сфарміраваў яго з новых асоб. Затым пачаўся перагляд каманднага складу ўсяго войска. За час праўлення ён адправіў у адстаўку 7 фельдмаршалаў, больш 300 генералаў і звыш 2000 штаб-афіцэраў і обер-афіцэраў. Масавое звальненне афіцэраў з войска тлумачыцца барацьбой Паўла I з парушэннямі вайскавой дысцыпліны, казнакрадствам, прыцягненнем салдатаў з палкоў у асабістае абслугоўванне і іншымі службовымі злачынствамі каманднага саставу.

Павел прымусіў афіцэраў многа і зацята працаваць, каб ўзняць боегатоўнасць войска на больш высокую прыступку. "Паўлаўская муштра, – прызнае А. Керсноўскі, – мела да некаторай ступені станоўчае значэнне. Яна моцна падцягнула бліскачае, але распушчанае войска, асабліва ж, гвардыю канца валадарання Кацярыны. Франтам і сібарытам, якія глядзелі на службу, як на прыемную сінекуру, было дадзена зразумець (і адчуць), што служба ёсць першым чынам служба... Парадак, выразнасць у аднастайнасці ўсюды былі наведзены ўзорныя"[12, с. 284].

Генерал Аракчэев, несправядліва абгавораны і асуджаны, як і Павел I, за быццам бы нікому непатрэбную муштру ў войску, у кароткі тэрмін ператварыў адсталую расійскую артылерыю ў грозную сілу. Досьць нагадаць, што прынцыпы арганізацыі артылерыі, закладзеныя Аракчэевым, праіснавалі да пачатку Першай сусветнай вайны. Строгая дысцыпліна, уведзеная ў войску і праследаванне асоб, парушаючых яе, праследаванне начальнікаў, якія ператваралі салдатаў у сваіх прыгонных, прывяло да таго, што дваране сталі выходзіць у адстаўку і паступаць у грамадзянскія ўстановы. Тады Павел I выдаў шэраг указаў, якія абмяжоўвалі дваранам магчымасць паступлення на грамадзянскую службу. У 1798 г. было забаронена выходзіць у адстаўку да атрымання першага афіцэрскага чыну. Дваран, якія не служылі ў войску і якія

ўхіляліся ад службы, Павел I загадаў аддаваць пад суд. 12 красавіка 1800 г. быў выдадзены ўказ, па якім дваране, якія выйшлі ў адстаўку з войска, былі пазбаўлены права паступаць на цывільную службу [13, с. 129].

Уступаючы на прастол, Павел I дэклараваў міралюбінасць і неўмяшанне ў еўрапейскія справы. Аднак, калі ў 1798 г. стала рэальнай магчымасць аднаўлення Напалеонам самастойнасці Рэчы Паспалітай, Расія прыняла актыўнейшы ўдзел у арганізацыі антыфранцузскай кааліцыі. У гэтым жа годзе праваслаўны Павел I усклаў на сябе абавязкі магістра каталіцкага Мальтыйскага ордэна. Гэтым самым ён кінуў выклік французскаму імператару, які захапіў Мальту. У 1798 – 1799 гг. рускія войскі пад камандаваннем А.В. Суворова паспяхова ваявалі ў Італіі, а рускі флот – на Міжземным моры. Гэта выклікала заклапочаннасць у Аўстрыі і Англіі. Адносіны з гэтымі краінамі канчаткова сапсаваліся, калі Павел I здрадзіў саюзнікам па кааліцыі, адклікаў свае войскі на радзіму і пачаў збліжэнне з Францыяй. Французы нават абмяркоўвалі з рускімі план сумеснага паходу на Індыю. Больш таго, не чакаючы падпісання адпаведнай дамовы, Павел I загадаў данскім казакам выступіць у паход на Індыю, які быў адменены ўжо пасля яго смерці новым імператарам Аляксандрам I [13, с. 321].

Палітыка Паўла I ў спалучэнні з яго дэспатычным характарам, непрадказальнасцю і эксцэнтрычнасцю паводзін, выклікала незадаволенасць у асяроддзі дваранства і ў войску. Неўзабаве пасля яго ўзыходжання на прастол супраць яго склалася змова, у якую ўвайшоў і яго старэйшы сын. У ноч на 11 сакавіка 1801 г. змоўшчыкі ўварваліся ў пакоі імператара ў Міхайлаўскім палацы з патрабаваннем адрчыся ад прастола. Калі ж імператар паспрабаваў запырэчыць, адзін з мяцежнікаў стаў душыць яго шалікам, а другі стукнуў у скронь масіўнай табакеркай. Раніцай народу было абвешчана, што Павел I сканаў ад апаплексічнага ўдару [12, с. 364].

За нядоўгі час свайго кіравання Павел I падпісаў тысячы законаў і ўказаў. Але з іх, на наш погляд, неабходна вылучыць два найбольш важных. Першы – аб абмежаванні паншчыны трыма днямі, які стаў першым крокам да абмежавання і адмены прыгоннага права, і другі – аб перадачы прастола ў спадчыну. З гэтага часу у мэтах пазбягання інтрыг і змоў, якія мелі месца ў гады

праўлення імператрыц, спадкаемцай прастола станавіўся старэйшы сын імператара, які правіць. Гэты закон пазбаўляў жанчын права знаходзіцца на расійскім прастоле.

Такім чынам, сваімі рэформамі імператар Павел I абзначыў асноўныя напрамкі рэфармавання расійскага грамадства, падрыхтаваў базу для рэформаў сваім сынам Аляксандру I, Мікалаю I і ў некаторай ступені нават унуку Аляксандру II. Далёка не ва ўсім Павел I атрымаў поспех, але яго палітыка не была безэсэнсоўнай. Расія выйшла з XVIII ст. магутнай дзяржавай, з якой лічыліся ва ўсім свеце, а пераемнікі Паўла заняліся, таксама з пераменным поспехам, уладкаваннем дзяржавы.

Выкарыстаная літаратура

1. Беляев, И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / Д. Беляев. – М.: Издатель А.Д. Ступин, 1903. – 302 с; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В.И. Семевский. Т. 1. — СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1888. – 456 с.; Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов — СПб., 2000. – 726 с. / Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I М.В. Клочков. – Пг.: 1916. – 530 с.

2. Покровский, М.Н. Русская история: в 2т. / М.Н. Покровский.— СПб., 2002. Т. 2. – 531 с. ;Покровский М.Н. Россия в конце XVIII века // История России в XIX веке. Дореформенная Россия / М.Н. Покровский. – М.: Дрофа, 2001. – 498 с.; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории первой четверти XIX века / А.В. Предтеченский. – М.; Л., 1957. – 458 с; История СССР. Т. 1. С древнейших времён до 1861 г. / Под ред. М. В. Нечкиной и Б. А. Рыбакова. – М.: Высшая школа, 1964. – 565 с.; История СССР с древнейших времён до наших дней: в 12 т. – М.: Мысль, 1967. Т. IV. – 586 с.; История СССР: в 2-х т. – Т. 1: С древнейших времён до 1861 г.: под ред. академика М.В. Нечкиной и академика Б.А. Рыбакова. М.: Высшая школа, 1964. С. 565.

3. Тартаковский, А. Г. Павел I // Романовы. Исторические портреты: в 2 кн. Кн. 2: Екатерина II-Николай I: под ред.

А.Н. Сахарова. – М.: АРМАДА, 1997. – 521с.; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 2001. – 498 с.; История России с древнейших времен до 1861 г.: под ред. Н.И. Павленко. – М.: Высшая школа, 1996. – 561с.; Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII-начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – СПб.: ЭСТ «Экслибрис», 1992. – 384с.

4. Анішчанка, Я. Перавод беларускіх уніятаў у праваслаўе ў 1781-1783 гг. // 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / Пад рэд. М.В. Біча і П.А. Лойкі. – Мінск: НКФ «Экаперспектыва», 1996. – С. 87-89; Морозова С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839). – Гродна:ГДЗУ, 2001 – 278 с.; Сосна У. Як спрабавалі «ўз’яднаць» сялян-уніятаў (з запісак Г. Дабрыніна) // Спадчына. – 1993.– № 2. – С. 78-81

5. Горючко, П.С. Из истории воссоединения униатов в Белоруссии 1795 – 1805 годов / П.С. Горючко. – Киев: Типогр. И. И. Горбунова, 1902.– 123 с.; Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 года) / М.О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1999. – 368с.

6. Павел Петрович. Рассуждение о государстве вообще и о количестве войск потребных для его обороны (философско-политический трактат) // Русская старина. – 1882. – Т. 33. – С. 743-744.

7. Павел Петрович. Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // Вестник Европы. – 1867. Март. Т. 1.

8. Карабан, Дмитрий "Киевский ТелеграфЪ" 22-28 января 2010. - № 3 (505) <http://www.c-cafe.ru/days/bio/45/paul.php>.

9. Булгарин, Ф.В. Воспоминания / Ф.В. Булгарин – М.: Захаров, 2001. – С. 85-91. /Memories/Texts/Bulgarin/Bulgarin_1_6.htm

10. Головатенко, Анастасия. Павел Первый: самодур или реформатор? <http://his.1september.ru/2002/26/2.htm>.

11. Сорокин, Ю.А. Павел I Биография. – Вопросы истории. 1989. – № 11. – С.46-69.

12. Эйдельман, Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII-начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – СПб.: ЭСТ «Экслибрис», 1992. – 384 с.

13 Шильдер, Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк/ Н.К. Шильдер. – М.: Чарли, 1996. – 544 с.

Ермаловіч М.І. – шукальнік праўды на шляху Беларусі

А.Ц. Арбузаў, канд. гіст. навук, дацэнт

Беларускі народ мае сваю слаўную шматвяковую гісторыю. Яе старонкі дапамагалі і дапамагаюць раскрываць, даносіць да шырокага кола чытачоў нямала летапісцаў, пісьменнікаў, грамадазнаўцаў. Сярод іх значнае месца займае гісторык, публіцыст Мікалай Іванавіч Ермаловіч. Дзякуючы сваёй арыгінальнай канцэпцыі гістарычнага развіцця беларускага народа, перш за ўсё дзяржаўнасці, ён вылучыўся ў нацыянальна-вызваленчым руху, які разгортваўся ў 90-я гг. XX ст.

М. І. Ермаловіч нарадзіўся 29 красавіка 1921 г. у сялянскай сям'і ў вёсцы Малыя Навасёлкі Дзяржынскага раёна Мінскай вобласці. Бацькі закончылі царкоўна-прыходскую школу, але сваіх дзяцей скіроўвалі на атрыманне сапраўдных ведаў. Перш за ўсё гэта адносілася да Міколы, які меў дрэнны зрок і не быў прыдатны да цяжкай сялянскай працы. Яго бацька Іван Іванавіч працаваў калгасным конюхам, у 1937 г. быў арыштаваны. Праз нейкі час з-за недарэчнасці са школы быў выключаны Мікола. Прышлося займацца адукацыяй самастойна і пазней у 1938 г. ён здаў экстрэмам адразу выпускныя экзамены ў Койданаўскай СШ і ўступныя ў Мінскі педагагічны інстытут імя М. Горкага на беларускае аддзяленне літаратурнага факультэта(1, с. 16).

У пачатку Вялікай Айчыннай вайны па стану здароўя, з-за дрэннага зроку, быў вызвалены ад прызыва ў Чырвоную Армію і эвакуіраваны ў вёску Лабаску Мардоўскай АССР, дзе працаваў выкладчыкам рускай мовы і літаратуры ў сярэдняй школе. Пасля вызвалення часткі тэрыторыі Беларусі ў канцы 1943 г. вярнуўся на Радзіму і працаваў інспектарам ў Суражскім раёне Віцебскай вобласці. Пасля канчатковага вызвалення Беларусі ў 1944 г. працаваў настаўнікам у Койданаўскай СШ Мінскай вобласці. У 1946 г. аднавіў вучобу ў педінстытуце.

У 1947-1948 гг. М.І. Ермаловіч вучыўся ў аспірантуры пры Мінскім педагагічным інстытуце імя А.М. Горкага. Пасля замены яго кандыдацкай дысертацыі “Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX стагоддзі” на іншую – “Вобраз Іосіфа Вісарыёнавіча Сталіна ў беларускай літаратуры і фальклору”, да якой у яго душа не ляжала, паколькі яго бацька быў рэпрэсіраваны, Мікалай Іванавіч кінуў аспірантуру і апынуўся ў Маладзечанскім настаўніцкім інстытуце, дзе сем гадоў выкладаў беларускую літаратуру. Пасля яго закрыцця з 1953 па 1957 гг. працаваў загадчыкам метадычнага кабінета Маладзечанскага інстытута ўдасканалвання настаўнікаў (2, с. 394).

Літаратурнай творчасцю М.І. Ермаловіч пачаў займацца яшчэ да вайны, будучы школьнікам Койданаўскай сярэдняй школы. Яго дэбют, вершаваны водгук на смерць Максіма Горкага, быў надрукаваны ў раённай газеце “Ударнік Дзяржыншчыны” 22 чэрвеня 1936 г. Пазней друкаваў свае гістарычныя і літаратурна-крытычныя творы ў Маладзечанскай абласной газеце “Сталінскі шлях”, альманаху “Нарач”, у часопісах “Нёман”, “Маладосць” і ў навуковых зборніках. Увогуле Мікалай Іванавіч Ермаловіч вядомы як паэт, літаратуразнаўца, крытык (3, с. 39) Яго пярэ належаць крытычныя артыкулы, прысвечаныя Ф. Багушэвічу, Я. Купалу, Я. Коласу, А. Гурыновічу, К. Каліноўскаму (1, с. 16,17). Як паэт, крытык і літаратуразнаўца, ён друкаваўся пад псеўданімай М. Ермолаў, Я. Мікалаеў, Мікола Наваселец, Сымон Беларус (3, с. 39,40).

Але шырокую вядомасць прынеслі Міколу Іванавічу не літаратурныя творы, а яго навуковыя гістарычныя даследаванні. Цікавасць да старажытнай беларускай мінуўшчыны ў М.І. Ермаловіча праявілася яшчэ ў 1944 г. На ўроку па гісторыі пры абмеркаванні тэмы “Татарскае нашэсце і літоўскае заваяванне” ён звярнуў увагу на тое, што татарскае нашэсце ў падручніку падаецца дэталёва, падрабязна, а пра заваяванні літоўцаў сказана сціпла, каратка. Пішуць, што князь Міндоўг заваяваў Наваградак, Ваўкавыск, Слонім і зрабіў Наваградак сталіцай Вялікага княства Літоўскага, а вось як утварылася ВКЛ, у падручніку нічога не было сказана (3, с. 136). Гэтая цікавасць да айчыннай гісторыі засталася ў яго на ўсё жыццё. Жаданне глыбей яе пазнаць прывяла к таму, што

Мікалай Іванавіч стаў пастаянным чытачом Дзяржаўнай бібліятэкі імя У.І. Леніна.

Ён не ставіў мэтай набыць вядомасць, славу, а шукаў праўду пра родную гісторыю, бо бачыў у ёй шмат “белых плям”, недарэчнасцей у афіцыйных тэорыях. Нягледзячы на матэрыяльныя цяжкасці, жыву на сціпую пенсію інваліда па зроку, ён ездзіў з Маладзечна ў Мінск, у дзяржаўную бібліятэку БССР, каб там працаваць над рэдкімі кнігамі, рукапісамі, летапісамі. Даследаваў пытанні засялення славянскімі плямёнамі Усходняй Еўропы, этнагенеза беларусаў, палітычнай гісторыі старажытных зямель Беларусі (Полацк, Тураў, Навагрудак і інш.), праблемы ўзнікнення Вялікага княства Літоўскага і інш. (2, с. 394).

Не маючы магчымасці друкаваць свае творы ў афіцыйных выданнях, М.І. Ермаловіч актыўна ўключыўся ў падрыхтоўку самвыдавецкага лістка “Гутаркі”, часопіса “Падснежнік”. Матэрыялы рыхтаваў у Мінску, друкаваў у Маладзечна, потым перадаваў беларускаму мастаку Я.С. Куліку для тыражыравання. Выйшла каля 50 нумароў часопіса. Творы былі рознага жанру, прасякнуты ідэяй незалежнасці, нацыянальнага адраджэння. Некаторыя з іх пазней былі апублікаваны ў часопісе “Польмя” (2001, № 9). “Гутаркі” выдаваліся Ермаловічам М.І. пад псеўданімам Сымон Беларус адзін раз у тыдзень, друкаваліся і перапісваліся ад рукі, распаўсюджваліся сярод беларускай інтэлігенцыі г. Мінска, Маладзечна і іншых гарадоў (3, с. 40). Ён верыў, што яго праца патрэбная і ніколі не здраджаў свайму прызначэнню гісторыка.

У супярэчнасць з афіцыйнай версіяй гісторыі Беларусі, выкладзенай, у прыватнасці, у 1969 г. у працы Л.С. Абецэдарскага “В свете неопровержимых фактов”, М.І. Ермаловіч выказаў свой погляд на старажытную гісторыю Беларусі, які знайшоў адлюстраванне у тым жа 1969 г. ў тэзісах даклада “Где была летописная Литва” на археалагічнай канферэнцыі. Затым ён падрыхтаваў рукапіс кнігі “Старажытная Беларусь”, надрукаваў яе ўпершыню часопіс “Польмя” у 1988-1989 гг.

Адным з галоўных твораў пісьменніка стала кніга “Па слядах аднаго міфа” з рэцэнзіяй-водгукам А. Грыцкевіча (4, с. 222). Яна была напісана ў 1966-1968 гг., фрагменты ў свой час знайшлі

адлюстраванне ў адным з акадэмічных выданняў па археалогіі, але поўнасьцю даследаванне было надрукавана толькі ў 1989 г. Праца адразу ж разышлася сярод чытачоў. Па выніках апытання, якое правёў часопіс “Крыніца”, у своеасаблівым хіт-парадзе “10 лепшых кніг года” яна заняла першае месца (1, с. 17). У 1991 г. выйшла другое выданне гэтага твора. У 1990 г. была выдадзена кніга Ермаловіча “Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды”, якая таксама хутка знікла з паліц кнігарань. Зацікаўленыя чытачы пачалі сачыць за з’яўленнем новых кніг, артыкулаў М.І. Ермаловіча. І ён на пад’ёме: піша рэцэнзіі, выступае з дакладамі, выказвае і адстойвае свае погляды на гістарычны шлях Беларусі, працягвае свае пошукі праўдзівай гісторыі, мінулага Бацькаўшчыны (1, с. 17). У 1994 г. выйшла з друку “Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд” (3, с. 39).

Значным укладам М.І. Ермаловіча ў гістарычную навуку з’яўляецца яго апошняя кніга накладам у 8500 паасобнікаў “Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае” (2000 г.). Вызвалены ад неабходнасці пісаць на “планавыя” тэмы, М.І. Ермаловіч пачаў вывучаць усю даступную літаратуру па гісторыі старажытнай Беларусі. Гэта, па-першае, летапісы, нямецкія хронікі, па-другое, кнігі, публікацыі часоў Расійскай імперыі, працы Тацішчава, Салаўёва, Ключоўскага і іншых выдатных гісторыкаў. Па-трэцяе, яму дапамаглі і працы сучасных рускіх гісторыкаў – Сядова, Аляксеева, беларускіх – Г. Штыхава і некаторых іншых вучоных (5, с. 39). Грунтоўны аналіз рускіх, беларуска-літоўскіх летапісаў, нямецкіх і польскіх гістарычных хронік даў магчымасць М.І. Ермаловічу старанна “прасеяць” гісторыю полацкай, тураўскай і іншых беларускіх зямель, выказаць свае меркаванні, здагадкі, заўвагі, абагульненні (3, с. 38).

Прасочваючы год за годам нашу гісторыю па летапісах і хроніках, карыстаючыся працамі гісторыкаў розных напрамкаў і школ, дасягненнямі археалогіі, антрапалогіі, этнаграфіі, тапанімікі і іншых навук, Ермаловіч М.І., па-першае, вярнуў, рэабілітаваў дасягненні гісторыкаў старой школы, па-другое, істотна іх абагаціўшы, выпрацаваў канцэпцыю станаўлення і развіцця беларускай народнасці, беларускай дзяржаўнасці. Ён паставіў пад сумненне афіцыйную тэорыю аб старажытнарускай народнасці, аб

літоўцах як вялікіх заваёўніках, спадкаемцах вялікай і магутнай дзяржавы – Вялікага княства Літоўскага. Ён даказваў, што беларусы большую частку сваёй гісторыі жылі самастойна, незалежна і не ведалі “шчырай” дапамогі суседзяў. Даследванні Ермаловіча М.І. пазбаўлялі ад комплекса нацыянальнай няпоўнакаштоўнасці, абуджалі ў беларусаў гонар за сваю слаўную мінуўшчыну, гісторыю свайго краю, сваёй Бацькаўшчыны. Ён пісаў у кнізе “Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае”: “Зразумела, не так лёгка пераадолець традыцыйную канцэпцыю ўтварэння і далейшай гісторыі ВКЛ, якая звыш чатырох стагоддзяў пануе ў гісторыяграфіі. Гэтую застарэлую версію ў мэтах падтрымання нацыянальнага гонару працягваюць сучасныя літоўскія даследчыкі. Каб упэўніцца ў тым, варта хоць бы прачытаць кнігу З. Кяўпа, Ю. Кяўпене і А. Кунцэвічуса “Гісторыя Літвы да 1795г.” (1995 г.). У ёй, як і раней, шляхам замоўчвання важных гістарычных сведчанняў ВКЛ паказваецца выключна як літоўская дзяржава” (6, с. 431).

Аналізуючы рознабаковыя матэрыялы, Ермаловіч М.І. сцвярджаў, што з IX ст. да сярэдзіны XIII ст. вядучую ролю ў гісторыі Беларусі выконваў горад Полацк, затым Навагародак (сучасны Навагрудак), і прыйшоў да высновы, што сучасная Літва не адпавядала летапіснай. Ён лічыў, што старажытная (летапісная) Літва знаходзілася ў Верхнім Панямонні ў Беларусі. Тэрыторыя мела межы “паміж Мінскам і Навагрудкам з усходу на захад і паміж гарадамі Маладзечна і Ляхавічамі з поўначы на поўдзень”.

Назва “Літва”, лічыў М.І. Ермаловіч, распаўсюджвалася не з тэрыторыі сучаснай Літвы на Беларусь, а, наадварот, з тэрыторыі заходняй Беларусі – на тэрыторыю сучаснай Літвы. Але летапісная Літва па-ранейшаму насіла сваю назву, так як і яе насельніцтва, асіміліраваўшыся ў беларусаў, называла сябе літвінамі (4, с. 228, 229). Гэта сведчыла аб беспадстаўнасці сцвярджэнняў аб заваяванні беларускіх земляў літоўскімі феодаламі. Назва “Літва” пайшла з беларускіх земляў, нашага краю. Пра гэта сведчаць шматлікія назвы вёсак: Літоўцы, Літва, Літвінкі, Літоўкі, Літоўск (4, с. 236). Больш таго, М.І. Ермаловіч знайшоў у Іпацьеўскім летапісу пад 1251 г. запіс: “ Міндоўг вражбою бе за ворожьство Літву зане.”, з чаго зрабіў вывад, што ў Навагародак Міндоўг быў запрошаны, прыняў

хрысціянства, каранаваўся і да Навагародскага княства далучыў летапісную Літву, пасля чаго княства пачало называцца “Вялікае Княства Літоўскае”.

Нараджэнне і станаўленне беларускай дзяржаўнасці М.І. Ермаловіч бачыў у гісторыі зямель Полацкага, Смаленскага, Тураўскага, Наваградскага княстваў, а з сярэдзіны XIII ст. – Вялікага княства Літоўскага (7, с. 52). У сваёй навуковай працы “Старажытная Беларусь” М.І. Ермаловіч упершыню ў беларускай гісторыяграфіі заявіў, што беларуская дзяржаўнасць пачынаецца са старажытнай гісторыі Полацкага і Тураўскага княстваў. Полацкая зямля, паводле канцэпцыі М.І. Ермаловіча, стала з прыходам крывічаў у V-VI стст. цэнтрам фарміравання тэрыторыі Беларусі, паколькі яна ўжо ў той час мела сваю багатую і арыгінальную культуру (3, с. 37). Гэтаму садзейнічала ўдалае геаграфічнае становішча Полацкай зямлі і знаходжанне яе на перакрываванні гандлёвага шляху “з варагаў у грэкі”.

Канкрэтнымі доказамі Ермаловіч М.І. пацвердзіў думку, якая выказвалася яшчэ ў XIX ст., што Вялікае княства Літоўскае, Рускае, Жамойцкае было славянскаю дзяржаваю. “Нават апанент Міколы Іванавіча прафесар Адам Залескі, які вучыў яго, як трэба пісаць пра старажытны Полацк, і той вымушаны быў публічна прызнаць, што ў Вялікім княстве Літоўскім беларусы мелі сваю дзяржаўнасць”. – адзначыў на старонках часопіса “Крыніца” А. Сідарэвіч (5, с. 39). Можна сказаць, што плеяда беларускіх гісторыкаў ранейшага часу накідала толькі эскізы, а карціну старажытнай Беларусі напісаў Мікола Іванавіч Ермаловіч (5, с. 39).

Раней расійскія альбо польскія даследчыкі адпаведна разглядалі Беларусь як “Северо-Западный край Российской империи” альбо як правінцыю былой польскай дзяржавы – “крэсы ўсходнія”. Даследаваўшы шмат крыніц, прааналізаваўшы мноства старадаўніх хронік, легенд, летапісаў, звестак тапанімікі, археалогіі, прац шматлікіх гісторыкаў мінулага і сучаснасці, Ермаловіч М.І. прыйшоў да высноў, якія не супадаюць з раней афіцыйна прызнанымі.

На думку М.І. Ермаловіча, Міндоўг быў запрошаны мясцовымі баярамі на княжанне ў славянскі Навагародак. З палітычнымі мэтамі, каб умацаваць свае пазіцыі, Міндоўг у 1246 г. ахрысціўся ў

праваслаўную веру. Амаль няспынная барацьба маладой дзяржавы з кааліцыяй Лівонскага ордэна, Галіцка-Валынскага княства, князеў балцкіх плямён прымусілі Міндоўга выкарыстаць рэлігію як сродак палітыкі. У 1251 г. князь быў ахрышчаны па каталіцкаму абраду, а ў 1253 г. каранаваны ў Навагародку каралеўскай каронай, прысланай ад імя Папы Рымскага. Аднак, калі саюз з Рымам не апраўдаў разлікаў караля, ён у 1261 г. адмовіўся ад хрысціянства. М. І. Ермаловіч лічыў, што і Літва Міндоўга, і Навагародскае княства былі на сучаснай тэрыторыі Беларусі. Крыху пазней Міндоўг далучыў да Навагародскага цэнтра Падляшша (Берасцейскую і Мельніцкую землі), пашырыў уплыў на Полаччыну і некаторыя мясцовасці Віцебскага і Смаленскага княстваў. Далей Міндоўг пачаў пашыраць сваю ўладу на Аўкштайцію і Жэмайцію – сучасныя літоўскія землі. Аднак па шэрагу прычын Міндоўг у 1263 г. быў забіты.

У працы “Па слядах аднаго міфа” М. І. Ермаловіч падкрэсліў, што стварэнне Вялікага княства Літоўскага са сталіцаю ў Навагародку найперш адпавядала інтарэсам беларускіх феадалаў. Вось чаму ў Вялікім княстве Літоўскім пануючае месца заняла беларуская культура і дзяржаўнай стала беларуская мова. На гэтую ж мову пераклаў Біблію ў 1517 г. Францыск Скарына. Трэба толькі дадаць, што, як адзначыў у пасляслоўі да кнігі “Па слядах аднаго міфа” А. Грыцкевіч, “беларускія гісторыкі 20-30-х гадоў больш слухна называлі гэтую дзяржаву беларуска-літоўскай”.

М. І. Ермаловіч прабыў за сваё жыццё працу, вартую калектыва цэлага даследчага інстытута. Да самых апошніх дзён ён працаваў над новай кнігай – “Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае”. Калі спачатку яго кнігі не маглі прабіцца да чытача і афіцыйная навука ігнаравала гісторыка, то пазней менавіта яго творы “узрвалі” многія канцэпцыі і догмы. Хоць у сталым узросце, але ён атрымаў прызнанне: у 1989 г. яго прынялі ў Саюз пісьменнікаў СССР, у 1992 г. атрымаў Дзяржаўную прэмію імя К. Каліноўскага, прэмію імя Уладзіміра Караткевіча, у 1993 г. – медаль Францыска Скарыны. У яго горадзе Маладзечна і ў горадзе Старыя Дарогі ўстаноўлены помнікі(3, с. 40).

Ермаловіч М. І. – гэта сапраўдны шукальнік гістарычнай праўды. Яго падыходы, актыўнасць і працавітасць, канцэпцыі, суб’ектыўнае

адчуванне праўды патрэбны нам і сёння. Яны даюць магчымасць гісторыкам больш поўна і разнабакова асвятляць старонкі падзей нашай далёкай мінуўшчыны.

Выкарыстаная літаратура

1. 75 год з дня нараджэння(1921 г.) М.І. Ермаловіча: Бібліяграфічны спіс // Дадатак да “Новых кніг”. – 1996. – № 2. – С. 16-18

2. Беларуская Энцыклапедыя: у 18 т. / Рэдкал: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск.: Беларуская Энцыклапедыя, 1993-2003. – Т.6. – 1998. – 576 с.

3. Валахановіч, А. Самабытны даследчык гісторыі старажытнай Беларусі. Да 85-годдзя з дня нараджэння Мікалая Іванавіча Ермаловіча / А. Валахановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 4. – С. 35-40.

4. Іпатава, В. У імя будучыні: Да 80-годдзя Міколы Ермаловіча / В. Іпатава // Польша. – 2001 – № 4. – С. 220-223.

5. Сідаровіч, А. Несістэмны гісторык (Ермаловіч М.) – / А. Сідаровіч // Крыніца. – 1991. – № 12.

6. Ермаловіч, М.І., Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.І. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 448с.

7. Летанісец Беларусі: Памяці Міколы Ермаловіча // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 2 – С. 52.

8. Ермаловіч, М.І. Па слядах аднаго міфа, / М.І. Ермаловіч, 4-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – 95 с.

9. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М.І. Ермаловіч. – Мінск: Выд. Цэнтр “Бацькаўшчына”; МП “Бесядзь”, 1994. – 90 с.

10. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды / М.І. Ермаловіч, 2-е выд. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – 366 с.

11. Целеш, Л. Зрабіў беларусаў відушчымі / Л. Целеш // Краязнаўчая газета. – 2011. – 18 красавіка. – С. 2.

12. Грыцкевіч, А.П. Яму ніхто не загадваў, што пісаць, яму толькі перашкаджалі / А.П. Грыцкевіч // Звязда. – 2010. – 25 лістапада. – С. 4.

Барыс Кіт – слауты сын беларускай зямлі

К.І. Баландзін, канд. гіст. навук, прафесар

А.Ц. Арбузаў, канд. гіст. навук, дацэнт

В.В. Шыбалка, канд. гіст. навук, дацэнт

У пошуках заробкаў і лепшай долі ў жыцці мільёны беларусаў у розныя гады пакінулі сваю Радзіму і працуюць на карысць іншых краін. Сярод перасяленцаў з Беларусі ёсць шмат навукоўцаў, найбольш вядомым з якіх з’яўляецца Барыс Кіт – “найпершы Беларус з беларусаў у свеце”. Ён акадэмік Міжнароднай акадэміі астранаўтыкі, старэйшы сябар Амерыканскага астранаўтычнага таварыства, віцэ-прэзідэнт Міжнароднай Акадэміі Еўразіі (1994 г.), ганаровы сябар Брытанскага міжпланетнага і Нямецкага астранаўтычнага таварыстваў, сябар Камітэта Міжнароднай акадэміі астранаўтыкі (Парыж), заслужаны прафесар Мэрылендскага ўніверсітэта (ЗША), залаты медаліст Нямецкага таварыства імя Германа Робэрта, доктар філасофскіх навук у галіне матэматыкі і гісторыі народа, ганаровы доктар Гродзенскага ўніверсітэта, ганаровы грамадзянін Навагрудка, матэматык, фізік, хімік. Яго біяграфія, звесткі пра навуковую дзейнасць змешчаны ў энцыклапедыі “Амерыканскія вучоныя“, у біяграфічным даведніку “Брытанская каралеўская блакітная кніга“, у кнізе “Беларусь. Энцыклапедычны даведнік“, у вядомым слоўніку “Хто ёсць хто ў касманаўтыцы” і многіх іншых даведніках краін свету. Бібліяграфія прац пра Б.У. Кіта складае 165 паасобнікаў на рускай і беларускай мовах і 35 – на англійскай (9, с. 435, 436). Біяграфія Б.Кіта разам з біяграфіямі іншых вучоных укладзена ў капсулу часу, якая знаходзіцца ў бібліятэцы Роберта Годарда ў Вашынгтоне (капсула будзе адкрыта праз 500 гадоў). Пра яго Л. Савік напісала кнігу, рэжысёр Р. Ясінскі зняў аб ім дакументальны фільм “Барыс Кіт”. У Беларускім тэхналагічным універсітэце створана партрэтная галерэя слаутых беларускіх вучоных, у ліку якіх ёсць і партрэт Б. Кіта. Яму прысвяцілі свае вершы Р. Барадулін, В. Іпатава. І гэта ўсё аб адным чалавеку, хаця хапіла б на многіх, слаутым вучоным, нашым зямляку Барысе Кіце. Хто ж ён такі!? Які яго лёс, які ўклад у

навуку? Чаму ж такі знакаміты вучоны да нядаўняга часу на Бацькаўшчыне быў малавядомы?

Б.У. Кіт з'яўляецца выхадцам з сялян. Яго дзяды і прадзеда спрадвеку займаліся сялянскай працай і паходзяць з вёскі Агароднікі (зараз вуліца Кастрычніцкая г. Карэлічы Гродзенскай вобласці). Усе крэйныя вучонага носяць прозвішча Кіта, у прозвішчы ж Барыса Уладзіміравіча апошняя літара “а” пры выпісванні пасведчання аб заканчэнні гімназіі была выкрэслена і ён стаў вядомы як Кіт. Дзед Барыса – Аляксандр Кіта з-за недахопу сродкаў для ўтрымання сям’і вымушаны быў шукаць дадатковага заробку ў маентку графа Храптовіча ў Шчорсах.

Бацька будучага акадэміка Уладзімір таксама, як і дзед, у пошуках шчасця і долі выехаў у Санкт-Пецярбург, дзе закончыў курсы сувязістаў і затым працаўладкаваўся ў Міністэрства пошт і тэлеграфу. Можна лічыць нейкім супадзеннем: яго сын Барыс, як і бацька, быў таксама часова сувязістам – налажваў сувязь з Месяцам, калі туды высажваліся амерыканскія астранаўты. У Пецярбургу Уладзімір ажаніўся і ў доме на Сувораўскім праспекце ў яго сям’і 24 сакавіка (6 красавіка) 1910 г. нарадзіўся сын-першынец Барыс. Хрышчэнне яго адбылося ў царкве Смольнага манастыра.

У Санкт-Пецярбургу Барыс Кіт быў сведкам падзей лютаўскай і кастрычніцкай рэвалюцый. У 1918 г., ратуючыся ад голаду, пераехаў разам з маці на бацькаўшчыну ў вёску Агароднікі, але яна вымушана была вярнуцца ў Пецярбург, пакінуўшы васьмігадовага сына па сямейных абставінах. Гэта быў вельмі цяжкі перыяд у жыцці будучага вучонага. Ён зведаў кайзераўскую і польскую акупацыі. Ад недаядання і дрэнных умоў для пражывання часта хварэў. Але ў хуткім часе маці з бацькам вярнуліся з Пецярбурга. Умовы пражывання сказаліся і на здароўі маці. Яна не вытрымала цяжкіх выпрабаванняў, якія выпалі на долю сям’і і былі абумоўлены рэвалюцыйнымі ўзрушэннямі, грамадзянскай вайной, і памёрла ў 1920 г. зусім маладой, у трыццацігадовым узросце. Бацька праз год ажаніўся ў другі раз з мясцовай жанчынай Алёнай Швед. Яна і стала другой маці асірацеламу падлетку. Неўзабаве ў Барыса з’явіліся брат і сястра(цяпер брат – Лявон Уладзіміравіч Кіт

стаў жыць ў Мінску, сястра – Ірына Уладзіміраўна Вярбіцкая – у Карэлічах) (1, с. 381).

Маючы невялікі надзел зямлі, сям'я Кіта шмат працавала, каб неяк зводзіць канцы з канцамі. Барыс дапамагаў бацькам усім, чым мог у свае гады : пасвіў статак, даглядаў за малодшымі дзецьмі, па дому і інш. Дзякуючы прыродным здольнасцям і бацьку, Б. Кіт вельмі хутка навучыўся чытаць і пісаць і ў 1924 г. адразу паступіў у 4 клас мясцовай польскай школы. Вучыўся выдатна і асабліва добра маляваў. Яго малюнкi нават выстаўляліся на мастацкай выставе ў Познані. Як таленавітаму вучню па маляванню дырэктар школы Дулемба абяцаў выклапатаць для Б. Кіта стыпендыю ў Акадэміі мастацтваў у Варшаве. Але гэтага не адбылося. За час летніх канікул з дапамогай настаўніка па матэматыцы Рамановіча Сцяпана ён добра падрыхтаваўся і ў восень 1926 г. паступіў у шосты клас беларускай гімназіі ў Новаградку (2, с. 46), дзе ў яго канчаткова праявіўся талент мастака – жывапісца, сфарміраваліся здольнасці будучага матэматыка, любоў да сусветнай класічнай літаратуры, прыгожага пісьменства, музыкі, схільнасць да вывучэння моў, гісторыі (1, с. 379).

Гады навучання ў Новаградскай гімназіі для Барыса Кіта пазначаны не толькі яго нястомным жаданнем спазнаць гісторыю бацькоўскага краю, выдатнай вучобай, але і актыўнай грамадскай дзейнасцю. Гэты перыяд (1926 -1928 гг.) наогул надзвычай цікавы ў гісторыі Беларусі. У Заходняй Беларусі шырока дзейнічала Беларуска-сялянска-работніцкая грамада, якая дэманстравала вялікі нацыянальны ўздых беларускага народа. Старшынёй яе быў вядомы беларускі грамадскі дзеяч Браніслаў Тарашкевіч. У БССР ажыццяўлялася палітыка культурнага адраджэння і насельніцтва Заходняй Беларусі, якое пакутвала ад польскага ўціску, з надзеямі пазірала на Савецкі Саюз. У 1928 г., атрымаўшы атэстат сталасці з добрымі і выдатнымі адзнакамі, Барыс Кіт адначасова пацвердзіў сваё права на паступленне ва ўніверсітэт, а беларускія гімназіі яшчэ раз даказалі грунтоўнасць праграм і метадаў навучання (1, с. 385).

У верасні 1928 г. Б. Кіт быў залічаны студэнтам фізіка-матэматычнага факультэта Віленскага ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя. З першых дзён навучання ён актыўна ўдзельнічаў ва ўніверсітэцкім жыцці, уступіў у студэнцкі саюз, наведваў сходы

“Таварыства беларускай школы” (ТБШ), кіраўнікамі і актыўнымі дзеячамі якой былі Б. Тарашкевіч, І. Дварчанін, П. Пестрак, Р. Шырма, С. Рак-Міхайлоўскі і інш. З Рыгорам Шырмай яму нават давалося разам адбываць пакаранне ў польскай турме (2, с. 68). Дарэчы, за рэвалюцыйную дзейнасць Б. Кіт двойчы арыштоўваўся польскімі ўладамі.

Малодосць і пачатак дзейнасці нашага славутага земляка прыпадаюць на 1920-я гады – перыяд беларускага адраджэння, калі ва ўсходняй Беларусі – БССР ажыццяўлялася дзяржаўная палітыка беларусізацыі, а ў заходняй Беларусі ў складзе Польшчы па ўсёй тэрыторыі “ усходніх крэсаў” лютавалі карныя экспедыцыі, якія займаліся “пацыфікацыяй” або “уціхамірваннем”. Пасля такіх экспедыцый жыхарам вёсак забаранялася запальваць свечкі па вечарам, збірацца групамі, хадзіць і выязджаць у іншыя месцы (3, с. 132). Польскі ўрад, які напачатку нібыта і даў пэўныя дэмакратычныя свабоды тром мільёнам этнічных беларусаў, вельмі хутка прыступіў да жорсткай паланізацыі. Была пастаўлена мэта зліквідаваць беларускія школы і гімназіі, ператварыць заходніх беларусаў у палякаў (1, с. 387).

Удзел Барыса Кіта ў беларускім грамадска-вызваленчым руху з самых маладых гадоў сведчыў аб тым, што ён адчуваў сябе сапраўдным беларусам, якому неабыхавы лёс народа, лёс яго Бацькаўшчыны. Яго захапіў беларускі адраджэнскі рух у Заходняй Беларусі і асабліва справы многіх грамадскіх дзеячоў, якія, забываючыся пра ўласныя праблемы, арганізавалі гурткі, хоры, ішлі да народа, уздымалі ягоную свядомасць, абуджалі прагу да нацыянальнага адраджэння, уз’яднання з БССР. Яны працавалі не дзеля славы і ўласнага дабрабыту, а дзеля велікароднай ідэі. Барыс Кіт разумее, што для таго, каб Беларусь стала аб’яднанай, незалежнай дзяржавай, трэба шмат працаваць, несці людзям веды, пашыраць асветніцкую справу, і пачынаць трэба са школьнай парты, выходзяць маладое пакаленне на аснове багатай гісторыі роднага краю, ідэямі беларускасці, свабодалюбства, адчування нацыянальнай годнасці і гонару. Гэтыя свае перакананні ён пачынаў увасабляць у практычныя, канкрэтныя справы. Яшчэ будучы студэнтам 3-га курса ўніверсітэта, ён пачаў працаваць выкладчыкам матэматыкі ў Віленскай беларускай гімназіі.

У 1933 г. Б.У. Кіт закончыў Віленскі ўніверсітэт і атрымаў дыплом магістра філасофіі ў галіне матэматыкі, а праз год – дыплом школьнага настаўніка. Працаваў настаўнікам, дырэктарам Віленскай, Наваградскай гімназій. У той час польскія ўлады не прызнавалі беларускаю нацыю і ставілі мэтай выкараніць нацыянальную свядомасць і апалячыць беларусаў. У 1934 г. была зачынена Наваградская беларуская гімназія. З 350 беларускіх школ у Заходняй Беларусі к 1938/39 навучальнаму году не засталася ні адной беларускай школы (3, с. 136). Таму гады настаўніцкай дзейнасці Б. Кіта ў гімназіі таксама пазначаны барацьбой з польскімі ўладамі за выжыванне беларускіх школ. Польскі ўрад аб’явіў яго нядобрадзейным і забараніў выязджаць за мяжу нават з прыватнай паездкай (2, с. 147). Ён дзейсна працаваў дзеля нацыянальнага адраджэння і асветніцтва, працягваў сваю пачэсную справу педагога.

У сваёй выкладчыцкай працы Барыс Кіт быў верны традыцыям, якія былі закладзены былымі настаўнікамі, дырэктарамі гімназій, якіх высока цанілі беларускія асветнікі і вясковая моладзь. Напрыклад, дырэктар віленскай гімназіі ксёндз Адам Станкевіч імкнуўся абараніць правы беларускага народа на сваю нацыянальную незалежнасць, абгрунтоўваючы іх, з аднаго боку, нацыянальнай прыродай беларуса, з другога – хрысціянскімі, агульначалавечымі ідэаламі. Ён стварыў, згодна з еўрапейскімі мадэлямі, канцэпцыю нацыянальнай культуры як найбольш дзейснага сродку развіцця нацыі, нацыянальнай ідэі.

А. Станкевіч паказаў небяспеку для беларускай нацыі дактрыны “культура нацыянальная па форме і сацыялістычная па зместу”, якая рабіла замах на нацыянальную самабытнасць культуры, уніфікавала і русіфікавала яе (2, с. 79, 80). Вось сярод такіх людзей і праходзіла жыццё Б. Кіта ў 30-я гг. XX ст. Ён быў адным з тых, хто на справе дапамагаў духоўнаму прагрэсу, станаўленню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Доказам гэтаму з’яўляюцца яго нястомныя намаганні на карысць асветніцтва, актыўная дзейнасць як сябра Таварыства беларускай школы, Беларускай сялянска-работніцкай грамады, паплечніка многіх беларускіх дзеячоў, выкладчыцкая работа, клопат пра дабрабыт вучняў і іншыя. Тым не менш, Б. Кіт ніколі не належаў ні да якіх

палітычных партый, аддаваў увесь свой час, сваю нястомную энергію і талент педагагічнай, навуковай і нацыянальна-асветніцкай дзейнасці.

Ён, як і многія іншыя настаўнікі беларускамоўных школ Заходняй Беларусі, прывіваў любоў да пакрыўджанага шматпакутнага беларуса – гаспадара сваёй зямлі, і, як сапраўды культурны чалавек, з павагай адносіўся да нацыянальных і рэлігійных святыняў, песень, мастацтва. “Побач тая ж, дагэтуль невядомая гісторыя Беларусі, раскрывала і выстаўляла бясспрэчнымі фактычнымі доказамі жажлівае махлярства, суцэльную хлусню і варварства суседзяў, што заўсёды пад лозунгамі хрысціянства і панславянзму, падпёртага колішнім місіянізмам, пасля камунізмам і ці мала яшчэ якімі крывадушнымі ізмамі, кривавілі, выбівалі стагоддзямі, паланілі некалі вялікі і міралюбівы народ, падсякалі ягонае жывое карэнне” (2, с. 56).

Уз’яднанне заходняй Беларусі з усходняй давала надзеі, што, нарэшце, беларусы змогуць адчуваць сябе гаспадарамі на ўласнай зямлі. У верасні 1939 г. польская школьная адміністрацыя спыніла сваю дзейнасць і дырэктарам Віленскай беларускай гімназіі быў прызначаны Барыс Кіт. Але калі віленскі край савецкія ўлады перадалі Літве, беларускія гімназісты г.Вільні разам з дырэктарам пераехалі ў Новаградск у зноў адчыненную ўжо на савецкай тэрыторыі гімназію, цяпер ужо школу. Б. Кіт дабіўся там вяртання беларусам будынка і арганізаваў навучальны працэс. Арганізатарскія здольнасці дырэктара былі заўважаны савецкімі ўладамі і Барыс Кіт быў прызначаны акруговым інспектарам Баранавіцкай акругі, у склад якой увайшлі ўсе школы Баранавіцкага, Наваградскага, Слонімскага, Валожынскага і Ваўкавыскага раёнаў (2, с. 84). Адначасова з гэтай дзейнасцю ён працаваў яшчэ і выкладчыкам матэматыкі ў Баранавіцкім настаўніцкім інстытуце, дзе карыстаўся таксама вялікай пашанай і аўтарытэтам. Тут Барыс Кіт пазнаёміўся са сваёй будучай жонкай Нінай Корсак. У 1941 г. у іх нарадзіўся першы сын – Уладзімір (1, с. 390).

Калейдаскоп гістарычных і асабістых падзей непазбежна выводзіў таленавітага матэматыка на шлях вялікай навукі. Але здзяйсненню яго планаў перашкодзіла Вялікая Айчынная вайна,

якая прынесла безліч страт, жахаў і пакут. У першыя месяцы вайны Б. Кіт хаваўся ад нацыстаў, пераехаў жыць у вёску, а потым зноў пачаў дзейнічаць на карысьць Беларусі (4, с. 10). Вайна перайначвала, а то і скоўвала беларускую асветніцкую дзейнасць. Людзі шукалі выхад, што рабіць: ці змагацца за беларускую душу легальнымі сродкамі, ці пакінуць гітлераўцам, каб рабілі з дзецьмі тое, што яны палічаць патрэбным? Кіт Б.У. выбраў першае, імкнуўся, каб дзіцячыя душы не запаўняліся жорсткасцю, гвалтам, разбурэннем маральных нормаў, сцвярджаннем прынцыпаў моцнага, хто валодае зброяй.

У гады Вялікай Айчыннай вайны ён працягваў нацыянальна-асветніцкую дзейнасць, за што неаднаразова меў сутыкненні з нямецкімі акупацыйнымі ўладамі. Б. Кіт арганізаваў і праводзіў настаўніцкія семінары ў Маладзечна і Паставах, у горадзе Маладзечна без іх дазволу заснаваў Адміністрацыйна-гандлёвы інстытут, за што ледзьве не паплаціўся арыштам. Ён з'ехаў у Мінск, дзе атрымаў прызначэнне дырэктарам семінары ў Паставах, і тым самым пазбавіўся арышту.

У час вайны ён не ўваходзіў ні ў якую нямецкую ці беларускую арганізацыю, працаваў толькі дзеля беларускага школьніцтва. Безумоўна, акупацыйныя ўлады не давалі ўстановам асветы магчымасці нармальнай працы. Былі безупынныя канфлікты з немцамі, якія кіраваліся нацыскай філасофіяй – асвета не для жыхароў нізшай расы. Акупанты спынілі дзейнасць і настаўніцкіх семінараў, і Адміністрацыйна-гандлёвага інстытута. Самога ж арганізатара гэтых устаноў Барыса Кіта арыштавала гестапа. Б.У. Кіт быў западазроны ў сувязях з партызанамі і ва ўсялякай іншай антынацысцкай дзейнасці. Трыццаць дзён яго трымалі ў Глубоцкай турме і два тыдні ў Вілейцы. Чакаючы вырашэння свайго лёсу, ён перажыў усе жахі гестапаўскіх допытаў і растрэлаў. Выратавацца яму дапамог былы вучань з Віленскай беларускай гімназіі Канстанцін Касяк, які лічыўся беларускім упаўнаважаным у Вілейцы. На жаль, Касяк пазней быў растраляны фашыстамі па даносу палякаў, якія імкнуліся вынішчаць беларускую інтэлігенцыю нямецкімі рукамі (1, с. 392).

У час вызвалення Беларусі ад акупантаў, Б. Кіт, асцерагаючыся, што яго дзейнасць будзе падведзена пад артыкул супрацоўніцтва з

ворагам і адпаведна падвергнута пакаранню, прыняў рашэнне выехаць разам з сям’ёй у Заходнюю Германію. Спачатку ён з жонкай і сынам трапіў у Баварыю, у горад Офенбах –Ліндаў, а пазней у Мюнхен. Выкладаў матэматыку ў эмігранцкіх гімназіях, адначасова ў 1945-1948 гг. вучыўся і сам на факультэце медыцыны Мюнхенскага ўніверсітэта. І вельмі дарэчы цяпер стала веданне нямецкай мовы, якую ён вывучаў яшчэ ў Віленскім універсітэце.

Аднак трэба было клапаціцца аб пастаянным месцы пражывання. Б. Кіт прыняў рашэнне пераехаць у ЗША. Але вырвацца з эмігранцкіх лагераў у Германіі было няпроста. Дапамаглі дакументы аб нямецкіх праследваннях падчас ягонаў дзейнасці ў беларускім школьніцтве і спонсарская арганізацыя “Сусветная помач царквы”, у выніку яму з сям’ёй удалося пры такой падтрымцы ажыццявіць свае намеры.

У канцы 1948 г. Барыс Кіт зрабіў першыя крокі на амерыканскай зямлі. Пасля знаходжання на працягу двух тыдняў ў Нью-Йорку ён даведаўся, што ў суседнім гарадку Саўт-Рывер пражываюць некалькі сем’яў з вёскі Лебедзева Маладзечненскага раёна. Барыс Уладзіміравіч з сям’ёй пераехаў у Саўт-Рывер, дзе ў хуткім часе працаўладкаваўся ў фармацэўтычную фірму, спачатку ў аддзел прадукцыі, а затым у лабараторыю хімікам. Ён быў шчаслівы ад усвядамлення, што змог выехаць з Еўропы, ад пасляваенных разбурэнняў і матэрыяльнай неўладкаванасці. Аднак думкі аб многіх суродзічах, якія засталіся ў Германіі, не пакідалі Б. Кіта. Ён пачынае шукаць шляхі, усялякія магчымасці, каб садзейнічаць іх пераезду ў Амерыку. Нечаканая дапамога прыйшла зверху: прэзідэнт Г.Трумэн выдаў загад аб перасяленні 200 тыс. эмігрантаў з лагераў перамешчаных асоб з Германіі.

Як адзначае Вітаўт Кіпель у сваёй кнізе “Беларусы ў ЗША”, “Барыс Кіт, які неўзабаве прыбыў у ЗША пасля вайны, арганізаваў дзейнае кола людзей, якія маглі падрыхтаваць неабходныя паперы эмігрантам, а таксама заснавалі першыя пасляваенныя арганізацыі ў беларускім асяродку” (5, с. 163). Дзейнасць Б. Кіта ў гэтым напрамку прыняла як бы ланцуговую рэакцыю. Тыя, хто прыбывалі крыху пазней, знаходзілі спонсараў-суайчыннікаў і арганізацыі, якія аблягчалі пераезд у Амерыку новым беларускім эмігрантам, напрыклад, “Беларуска-Амерыканскі Дапамогавы Камітэт”, які

працягвае сваю дзейнасць і сёння. Спачатку Камітэт шукаў спонсараў для імігрантаў і вёў актыўную кампанію ў справе гуртавання новапрыбыўшых суродзічаў, затым пачаў ажыццяўляць сацыяльную, культурную і палітычную дзейнасць. Праводзіліся літаратурныя вечарыны, лекцыі па англійскай мове, аказвалася дапамога ў працаўладкаванні. Пачаў выходзіць перыядычны друк : часопісы “ Беларус у Амерыцы” , “Беларускае слова ў Амерыцы “ і газета “ Беларуская трыбуна “ . Б. Кіт з 1960 г. дапамагаў выхаду ў друк перыядычнага выдання “ Беларуская думка” (1, с. 400).

Барыс Кіт, як сапраўдны патрыёт , аддаваў шмат сіл і часу арганізацыі беларускіх зямляцтваў у ЗША. Але не гэтая дзейнасць для яго становіцца галоўнай. Перыяд жыцця ў Саут-Рыверы стаў своеасаблівым трамплінам для яго ўзыходжання на вяршыні навуковай кар’еры. У 1950 г ён пераязджае ў Лос-Анжэлес, дзе прыродны талент, веды, адукацыя, атрыманыя на Радзіме, сталі для яго моцным, надзейным фундаментам – стартавай пляцоўкай для ўзлету на вяршыні славы. Першыя гады ў Лос-Анжэлесе ён працаваў хімікам у розных фірмах і быў шчаслівым: у 1950 г у яго нарадзіўся другі сын – Віктар. Калі старэйшы сын Уладзімір у сваіх прыхільнасцях пайшоў па слядах бацькі і таксама захапляўся космасам, працаваў у касмічным цэнтры ў Вашынгтоне, то Віктар скончыў Марылендскі ўніверсітэт, займаўся мікрабіялогіяй і стаў выдатным хірургам.

У Лос-Анжэлесе, калі ён уладкаваўся на працу ў славетную фірму па стварэнню касмічных праектаў, і пачынаецца касмічная эра ў навуковай дзейнасці Барыса Кіта. Трэба адзначыць, што гэтая фірма мела адзел аэранаўтыкі, у якім распрацоўваліся праекты рэактыўных самалётаў. Сам горад Лос-Анжэлес і сёння з’яўляецца цэнтрам ракетнай прамысловасці ЗША. Б. Кіт адразу трапіў у сапраўдную навуковую атмасферу і застаўся там працаваць на працягу 25 год. У якасці матэматыка і сістэмнага аналітыка ён удзельнічаў у некалькіх важнейшых праграмах развіцця міжкантынентальных ракетных сістэм. Як хімік, у дадатак да прафесійнай адукацыі матэматыка і фізіка, Б. Кіт даследваў магчымасць ужывання вадкага вадарода ў якасці паліва касмічных ракетных сістэм. На аснове вялікай колькасці аналізаў і доследаў ён напісаў рэферат, які выклікаў рэзананс і зацікаўленасць у

навукоўцаў. Акрылены навуковымі поспехамі, ён затым напісаў першы ў гісторыі навукі падручнік аб усіх магчымых палівах для ракетных сістэм. Кніга выйшла з друку ў 1960 г., мела шырокае распаўсюджванне і шмат станоўчых рэцэнзій.

У 1963 г. Б.У.Кіт стаў дарадчыкам прэзідэнта Міжнароднай карпарацыі тэлефоннай і тэлеграфнай сувязі, якая займалася даследваннем метадаў сувязі з Месяцам, калі амерыканцы рыхтаваліся да падарожжа на яго паверхню. Яму была даручана матэматычная распрацоўка сродкаў сувязі ў гэтым праекце. Увогуле прымяненне матэматыкі для павышэння эфектыўнасці аперацый у кожнай галіне чалавечай дзейнасці – гэта новая навука, якая зарадзілася ў Англіі падчас зрыву ваеннай аперацыі гітлераўскай Германіі “Марскі леў” (устаноўка радарных станцый).

У 1964 г. Барыс Кіт у сааўтарстве з Фрэдэрыкам Ордвеем напісаў сваю другую кнігу “Гісторыя і сучасны стан савецкай астранаўтыкі”. Кніга адразу стала дапаможнікам для тых, хто займаўся касмічнымі даследваннямі. Штуршком для з’яўлення яго прац і ўвогуле навуковай дзейнасці Б.У.Кіта з’явіўся запуск Савецкім Саюзам першага спадарожніка зямлі. Амерыканцы, ўраджаныя тым, што не яны ў кастрычніку 1957 г. запусцілі першымі спадарожнік, на ўсіх узроўнях актывізавалі сваю дзейнасць у гэтым напрамку, каб апярэдзіць савецкіх вучоных у касмічных даследваннях. У 1958 г. Б. Кіт быў выкліканы з Лос-Анжэlesa ў Вашынгтон і пачаў працаваць у Міністэрстве паветраных сіл ЗША, у адзеле касманаўтыкі, у дадатак на маладога на той час, перспектыўнага вучонага былі ўскладзены абавязкі дзяржаўнага дарадчыка, эксперта па развіццю міжнароднай касманаўтыкі, і ў першую чаргу савецкай.

Як сапраўдны беларус, Б.У. Кіт пачаў выконваць ускладзеныя на яго абавязкі з уласцівай яму памяркоўнасцю, добразычлівым станаўленнем да людзей, тым больш, што валодаў дадатнымі якасцямі характару – камунікабельнасцю, цяроплівацю, дыпламатычнасцю. Адначасова ён не адчуваў аніякай варожасці да сваёй былой краіны, захоўваў у сэрцы нягасную любоў і гонар за сваю Радзіму. З усёй упэўненасцю можна сказаць, што наш савецкі спадарожнік дапамог Барысу Кіту выйсці на арбіту сусветна вядомага вучонага. Ён рабіў аповеды аб поспехах у касманаўтыцы

іншых краін, пісаў рэфераты, пачаў ездзіць на міжнародныя сімпозіумы, кангрэсы, выступаць з дакладамі ў Міжнароднай акадэміі астранаўтыкі і іншых установах, удзельнічаў у першых міжнародных перамовах паміж ЗША і СССР па супрацоўніцтву ў галіне касманаўтыкі, пазней ён быў нязменным удзельнікам, дарадчыкам навуковых перамоў і сустрэч.

Матэматычная практыка спатрэбілася Б. Кіту, калі ён выйшаў з сферы астранаўтыкі і пачаў займацца даследваннем метадаў павышэння эфектыўнасці адміністрацыйнай дзейнасці ў розных установах: нацыянальным бюро стандартызацыі, міністэрстве камерцыі, штаб-кватэры арміі, у міністэрстве камунікацый. Барыс Кіт быў заўсёды на стрыжні часу, навукова-тэхнічнага прагрэсу. Як усебаковы вучоны, ён заўсёды знаходзіў прымяненне сваім ведам у жыцці, ніколі не замыкаўся ў вузка тэарэтычнай сферы.

У 1972 г. Б.У. Кіт стаў пенсіянерам і пераехаў жыць бліжэй да сваёй радзімы – у Германію, дзе па-ранейшаму чытаў лекцыі ў Гейдэльберскім універсітэце, філіяле Мерылендскага ўніверсітэта ў горадзе Вісбадэн. Увесь перыяд жыцця ў Германіі, нягледзячы на занятасць выкладчыскай справай, напісаннем дысертацыі, Барыс Кіт працягваў актыўна займацца навуковай дзейнасцю, быў членам усіх міжнародных астранаўтычных кангрэсаў, выступаў з дакладамі і паведамленнямі, друкаваў у часопісах Амерыкі і Германіі свае навуковыя артыкулы.

У 1973 г. Б.У. Кіт падрыхтаваў і абараніў доктарскую дысертацыю на тэму “Антоні Зыгмунд. Яго жыццё і яго ўклад у развіццё матэматыкі ХХ стагоддзя”. Дысертацыйная работа ў 1982 г. была прызнана найлепшай працай матэматычнага факультэта Рэгенсбургскага ўніверсітэта. У ёй дысертант раскрыў жыццё і дзейнасць выдатнага матэматыка і вучонага. Пад кіраўніцтвам А. Зыгмунда абаранілася каля 100 дысертантаў, у тым ліку 38 доктароў навук. Яго вучнямі з’яўляліся такія вядомыя матэматыкі, як Й. Марцінкевіч, М.Б. Вэйс, Р.Ж. Коэн, А. Кальдерон і іншыя. Напрыклад, тэарэмы Й. Марцінкевіча і Рысса-Торына сталі асноватворнымі вынікамі тэорыі інтэрпаляцыі аператараў (2, с. 167). Нажаль, лёс Й. Марцінкевіча, таленавітага віленскага матэматыка, быў трагічны. Ва ўзросце 30 гадоў ён загінуў, магчыма, ў Катыні (6, с. 450).

У кастрычніку 1978 г. на астранаўтычным кангрэсе ў Мюнхене Б. Кіт сустракаўся з славутымі беларускімі касманаўтамі У. Кавалёнкам і П. Клімуком. У чэрвені 1992 г. Б.У. Кіт наведаў Бацькаўшчыну, дзе ён правёў найлепшую частку свайго жыцця – маладыя гады. У час наведвання Беларусі ён сказаў: “Я веру: пройдзе нейкі час, і наша Беларусь разаў’ецца ў паўнацэнную, культурную, эканамічна моцную, незалежную дзяржаву, якая займе пачэснае месца сярод народаў свету” (2, с. 19). Аб незалежнасці Рэспублікі Беларусь ён дадаў: “Для мяне гэта галоўная падзея XX стагоддзя. Нарэшце пасля тысячы гадоў змагання, цяплення, няволі, усялякіх акупацый наш народ атрымаў сваю незалежнасць, поўную суверэннасць, прызнаную ўсімі іншымі народамі. Такога яшчэ не было ў нашай гісторыі” (2, с. 179).

Яго прыезд на Радзіму выклікаў хвалю публікацый, успамінаў, сустрэч з жыхарамі г. Маладзечна і былымі вучнямі Адміністрацыйна-гандлёвага інстытута часоў Вялікай Айчыннай вайны. У 1994 г. Б.У. Кіт наведаў Мінск, Мір, Карэлічы, Навагрудак. На сустрэчах многіх прысутных цікавіла пытанне, як ён стаў сусветна вядомым вучоным? На гэта ён сціпла адказаў, што яго навуковая кар’ера – звычайная з’ява ў вольным свеце і што яму проста пашанцавала ў жыцці (2, с. 181). Аднак не цяжка было зразумець, што для таго, каб трапіць у вышэйшую амерыканскую навуковую эліту, неабходны прыроджаны талент, нястомная праца, вялікія грунтоўныя веды, бясконцае самаўдасканаленне. Як адзначаў сам Б.У. Кіт, “маё жыццё праходзіла ў пэўную гістарычную беларускую эпоху. Трэба было змагацца за існаванне, вучыцца ў цяжкіх умовах, шукаць працу, каб зарабіць і ўтрымаць сябе і сваю сям’ю, змяняць месца жыхарства з краіны ў краіну, мяняць кантыненты, шукаць для сябе і сваёй сям’і больш бяспечнага ад палітычных і ваенных трывог месца пражывання...” (2, с. 25).

Прысутныя на сустрэчы ў Мінскім інстытуце культуры гаварылі не толькі аб вялікім укладзе ў навуку нашага знакамітага земляка, але і падкрэслівалі, што сёння, як ніколі раней, ёсць магчымасць для плённага супрацоўніцтва беларусаў, незалежна ад таго, дзе яны жывуць. Барыс Кіт быў таксама цёпла сустрэты ў калектыве Беларускай Энцыклапедыі, у прыватнасці, яго кіраўніком

М.А. Ткачовым, які з вялікай павагай і прыязню адносіўся да яго і прысвяціў у кнізе “Вялікае майстэрства артылерыі” наступныя словы: “На небасхіле беларускай нацыянальнай навукі нямала зорак першай велічыні. Адна з іх зьяе сваім нягасным святлом вось ужо больш 300 гадоў. Гэта Казімір Семяновіч, ураджэнец беларускай зямлі, выдатны вучоны ў галіне артылерыі і піратэхнікі. Яго геній выкарыстоўваем мы сёння, пасылаючы да Месяца, Сатурна, Марса і іншых планет касмічныя апараты з дапамогай шматступенчатых ракет. Прататып, будову і стабілізатары гэтых складаных ракет ён распрацаваў яшчэ ў сярэдзіне XVII ст. Сімвалічна, што цяпер ужо цэлы шэраг нашых суайчыннікаў займаюцца праблемамі ракетнай тэхнікі. Тут пальму першынства мусім аддаць ураджэнцу Наваградчыны, сыну простага селяніна з вёскі Агароднікі Барысу Кіту. І сёння, гаворачы пра стваральнікаў ракетнай тэхнікі, мы павінны ўсведамляць, што сярод выдатных ракетчыкаў і інжынераў побач з беларусам К. Семяновічам, англічанінам У. Кангрэвам, французам Р. Эно-Пельтры, амерыканцам Р. Годардам, немцам Г. Обэртам і фон Браўнам, рускімі К. Цыялкоўскім і С. Каралёвым назаўсёды прапісалася імя Барыса Кіта“ (2. с. 191, 192).

Так склаўся лёс гэтага чалавека-патрыёта, які большую частку свайго жыцця ё пражыў у замежжы і сваім талентам узбагачаў навукі ў тых краінах, дзе жыў. Гэтым ён праслаўляў і беларускую нацыю, якая дала свету шмат навукоўцаў і вядомых людзей у розныя часы сваёй гісторыі. Некаторыя з іх сёння жывуць за мяжой, але цікавяцца і дапамагаюць суайчыннікам, дапамагаюць адраджэнню нашай Бацькаўшчыны. Іх падтрымка, як маральная, так і матэрыяльная, вельмі патрэбна нам, асабліва ў гады сусветнага эканамічнага крызісу, які закрануў і Беларусь.

Сёння можна смела сказаць, яго мары ажыццявіліся – Беларусь самая адкрытая для ўсіх шчырых людзей дзяржава. Б.У. Кіт можа ганарыцца і быць шчаслівым таму, што яго імя і добрыя справы вяртаюцца на Радзіму. Ён па-ранейшаму захаваў лепшыя рысы “беларускага характару – бескарыслівага, шчырага, цяроплівага, адкрытага, заўсёды гатовага рабіць людзям дабро...” (2, с. 22). Ён аб’ехаў і пабачыў усе кантыненты, пабываў у большасці краін свету, ведаў знакамітых вучоных – нямецкіх, амерыканскіх, рускіх, англійскіх, французскіх, кітайскіх, якія стваралі касмічныя караблі і

ракеты, матэматыкаў, хімікаў, фізікаў з сусветнымі імёнамі таму, што сам прысвяціў гэтым навукам сваё жыццё, хаця не меншы талент меў у жывапісе, гісторыі, захапляўся класічнай музыкай і літаратурай. Дасканала валодаючы асноўнымі міжнароднымі мовамі, Б.У. Кіт з кожным чалавекам мог знайсці ўзаемапаразуме, адчуваючы сябе лёгка і вольна. Ён захаваў сваю беларускасць, народную сялянскую разважлівасць, цярпімасць да розных канфесій, палітычных поглядаў, што існуюць у адраджэнскім руху, вернасць нацыянальнаму духу, любімай Радзіме.

Б. Кіт меў немалыя гуманітарныя здольнасці – захапляўся не толькі класічнай музыкай, літаратурай, гісторыяй, жывапісам, але і сам добра маляваў, разбіраўся ў архітэктурных стылях і напрамках, вывучаў гісторыю еўрапейскіх краін, гарадоў, музеяў. У сям’і з жонкай Тамарай дабіўся сапраўднай гармоніі ва ўзаемаадносінах. Яны выдатна дапаўняюць адзін аднаго. Тамара заўжды суправаджае Барыса Уладзіміравіча на міжнародныя форумы, універсітэцкія выпускі, сустрэчы з вядомымі вучонымі свету. Яе валоданне рознымі замежнымі мовамі, эрудыцыя, стрыманасць, камунікабельнасць, свабода паводзін з рознымі людзьмі садзейнічаюць прэстыжу Б. Кіта, напаўняюць яго гонарам і шчасцем мець такую жонку. Яна стала як бы яго ангелам-захавальнікам у поўным сэнсе гэтага слова, змагла атуліць Барыса Уладзіміравіча не толькі ў нялёгкі перыяд яго жыцця, але і зараз нязгасным сямейным цяплом і разуменнем, якое рэдка сустранеш у сучасных маладых людзей (2, с. 173, 176, 177).

У маі 1971 г. Барыс Кіт атрымаў дыплом, які сведчыць аб тым, што ён абраны ў лік “Двух тысяч асоб выдатных дасягненняў у свеце”. (2, с. 428). Рашэннем 18 сесіі Навагрудскага гарадскога Савета дэпутатаў 21 склікання ад 16 чэрвеня 1994 года ўраджэнцу Навагрудчыны сусветна вядомаму вучонаму ў галіне астранаўтыкі, доктару філасофіі, прафесару Барысу Уладзіміравічу Кіту прысвоена званне Ганаровы грамадзянін горада Навагрудка (2, с. 429). Барыс Кіт з’яўляецца Ганаровым сябрам Згуртавання беларусаў свету “Бацькаўшчына” (быў абраны на Другім з’ездзе беларусаў свету 27 ліпеня 1997 г.).

Сын селяніна Барыс Кіт – класічны ўзор, кім і чым можа стаць беларус. І, нягледзячы на тое, што ён ведае шэсць народных моваў і з’яўляецца сусветна вядомым вучоным, високаадукаваным інтэлігентам, падсвядома здзіўляешся гэтаму. Але ўсё гэта перабівае пачуццё гонару, гонару за таленавіты беларускі народ, за сына сваёй Бацькаўшчыны, які пераадолеў усе перашкоды і выпрабаванні, што можа паслаць лёс чалавеку і сёння папаўняе сабою нашу скарбонку (5, с. 305) – тую, якую будуць адчыняць нашы нашчадкі і ганарыцца сваёй Беларуссю...(2, с. 326). І можа не толькі Амерыка, але і Беларусь прызнае яго сваім Грамадзянінам.

Выкарыстаная літаратура

1.Лецка, Я. Беларус – акадэмік астранаўтыкі / Я. Лецка // Літаратура і мастацтва. – 1991. – 13 снежня.

2.Анішчык, А. Такім я ведаў Барыса Кіта / А. Анішчык // Новае жыццё. – 1994.– 16 чэрвеня.

3.Анішчык, А. Наваградская гімназія / А. Анішчык, – Мінск: Беларусь. – 1995.– 114 с.

4.Астроўскі Ю.М., Майсёнак А.Г. Барыс Кіт // Памяць. Карэліцкі раён”. – Мінск: Ураджай, 2000 – 578 с.

5.Вяршынская, Т. Архіў Барыса Кіта ў фондах музея / Т. Вяршынская // Наваградскія чытанні, кн.3. – Мінск, 1993.– 148 с.

6.Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Энцыклапедыкс, 1993.– 311 с.

7.Кіт, Б.У. Успаміны з майго жыцця / Наваградскія чытанні, кн. 2. – Мінск, 1993.– 148 с.

8.Лецка, Я. Я. Барыс Кіт – беларус з Наваградчыны / Я.Я. Лецка // Беларусь. –1993. – № 6.– С. 16-18.

9.Савік, Л.Космас беларуса. Жыццяпіс Барыса Уладзіміравача Кіта, асветніка, вучонага, патрыёта / Л. Савік – 2-е выд., дап. – Мінск: ДПІ Мін. Друк. Ф-ка, 1998. – 198 с.

10.Патава, В. Постаць Барыса Кіта вачамі яго сучаснікаў: паводле лістоў з архіваў Наваградскага краязнаўчага музея / В. Патава // Полымя. – 2000. – № 4. – С. 174-193.

11.Баландзін, К.І. Зоркі беларускай тэхнічнай навукі: Вучэб. метад. дапаможнік па курсу “Гісторыя культуры Беларусі / К.І. Баландзін. –БГПА, ТБМ. – 1996. – 27 с.

12.Карлюкевіч, А. Беларуская сцежка у космас: (Пра вучонага ў галіне астранаўтыкі ў Парыжы.) / А. Карлюкевіч // Беларуская думка. – 1999. – № 4, с. 131-133.

Хранитель музыки народа (к 120-летию со дня рождения Г.Р. Ширмы)

С.А. Киселева, ст. преподаватель

Есть много имен в белорусской культуре, которые принадлежат не только прошлому, но и будущему. К ним относится и имя Г. Ширмы. Читая его многочисленные статьи и публикации, проникая в историю его жизни и творчества, очень четко осознаешь, что оно ценно и для XXI в.

Конечно, он-человек своей эпохи. В его работах есть дань идеологии и политике того сложного времени. Ряд высказываний относится к конкретным событиям и судьбам. Однако, главным остается его страсть, безграничная преданность и увлеченность тем делом, которому Г. Ширма посвятил свою жизнь: изучению народной белорусской музыки, ее пропаганде всеми доступными в начале XX в. способами. Ширма расширил круг тем, так или иначе связанных с белорусской культурой. Многие из сказанного им до сих пор актуально, современно и полезно для тех, кто считает себя его преемником, кого беспокоит судьба белорусской культуры.

Г.Р. Ширма родился в 1892 г. в семье белорусского крестьянина. Окончил Пружанское городское училище с отличием. Уже в это время он путешествует, собирая и записывая белорусские песни. Г. Ширма преподает в школах, заканчивает педагогический институт. После 1917 г. он занимается организацией школ, библиотек в Воронежской области. В 1922 г. возвращается в Беларусь. С того времени и до последних дней своей жизни (умер в 1978 г.) Г. Ширма занимался делом своей жизни – белорусской музыкой.

Г. Ширма активно пропагандировал белорусскую музыку, будучи с 1927 по 1937 гг. секретарем управы Товарищества белорусской школы (ТБШ). В свое время это была очень известная на территории Западной Беларуси культурно-просветительская

организация. Ее деятельность развивалась в духе возрождения интереса к народной культуре белорусов, ее музыкальным истокам.

Однако деятельность этой организации, основанной в 1921 г., была весьма разнопланова. Очень важной частью ее работы Г. Ширма считал обучение детей белорусскому языку и литературе. Во многом благодаря его организаторским способностям к 1928 г. было создано более 500 кружков по изучению языка. Он писал: “ У мове адухаўляецца ўвесь народ і ўся яго краіна, у мове творчаю сілаю народнага духу ператвараецца ў думку і вобраз неба Бацькаўшчыны, яе паветра, яе фізічныя з’явы, яе клімат, яе палі і даліны, яе лясы і рэкі, увесь той глыбокі; поўны думкі і пачуцця голас роднай прыроды” [1, с. 45].

Организация ТБШ выполнила свою особую миссию. В условиях тех сложных лет (20-30 гг. XX в.) ее представители боролись за формирование нового взгляда на образование и культуру, разрабатывали специальную литературу, учебники, создавали библиотеки, избы-читальни, проводили музыкальные вечера, организовывали концерты.

В программу своих журналов Г. Ширма включил информацию о деятельности ТБШ, которое имело свои традиции, историю, опыт. Он призывал всех своих коллег, молодежь к сотрудничеству, поддержке своей инициативы и начинаниям. Время, в котором осуществлялась деятельность Г. Ширмы и его единомышленников, было весьма сложным: упадок культуры, высокомерие и непонимание властей, фактический запрет на исполнение белорусских песен на радио и т.п. Именно в этой сложной ситуации белорусский народ черпал истоки, свое вдохновение в собственной, веками хранимой культуре: сказках, баснях, песнях, обычаях, обрядах и одежде. Такая же тесная взаимосвязь сохранилась у народа с культурно-просветительскими организациями. Таким было и ТБШ. Это одна из причин, по которой власти Польши в течении нескольких лет закрыли десятки филиалов ТБШ, изъяли литературу, музыкальные инструменты, помещения.

Даже в таких условиях, когда организовывались, по требованию властей, суды над Президиумом ТБШ, белорусское население на территории Польши выступало против полонизации белорусского языка и запрета на белорусскую культуру. Безусловной проблемой

для ТБШ был сбор средств для проведения мероприятий. Это осуществлялось различными средствами. Использовали пожертвования, взносы, доходы от лекций и концертов и т.п.

Григорий Ширма совершил своеобразное паломничество по Беларуси, собирая, изучая, сохраняя наследие музыкальной культуры белорусского народа. Более того, во время своих этнографических экспедиций он прочитал сотни лекций, посвященных музыке, литературе и истории. В них звучали такие слова: “Найлепшы мастак не раскажа так аб нашых культурных балячках, як аб гэтым крычыць само жыцце. Не маючы даплыву свежага культурнага паветра, вёска памалу апускаецца, дзічае, асабліва гэта адбываецца на маладым пакаленні” [2, с. 124]. Известная часть работы Г. Ширмы и возглавляемой им организации связана с издательством ряда популярных журналов “Беларускі летапіс”, “Летапіс Таварыства беларускай школы”. Он также писал предисловия к творческим публикациям, сборникам стихов и музыкальным сборникам своих коллег.

В своей социально-политической деятельности Г. Ширма выступал как против полонизации, так и против русификации белорусской культуры, отстаивая равноправие и ценность каждой культуры, право народа на ее развитие, хранение. Важнейшей частью пропаганды белорусской культуры Г. Ширма считал недопустимость критики, негативной оценки иных культур: украинской, польской и других, т.е. запрет на распространение национальных идей. Взгляды Г. Ширмы и его активная деятельность служили для властей как Польши, так и России основанием для судебных преследований и политических репрессий. В военных условиях власти Польши отчетливо осознавали тот авторитет, который приобрело в обществе ТБШ, не будучи партийной организацией. Много раз арестовывались номера журнала “Беларускі летапіс” и его руководитель.

После очередного освобождения из заключения Г. Ширма стал создателем и руководителем ансамбля песни и танца, деятельность которого начинается с 1940 г. История этого коллектива прошла путь реформирования и реорганизации от ансамбля до государственного хора БССР, хоровой капеллы БССР. Начиная с 1939 г., Г. Ширма свою деятельность направил на популяризацию музы-

кальной культуры, обработку народных песен, их издание, создание специальных музыкальных сборников для народных коллективов. Увлекаясь театральным искусством, он организовал в различных больших и малых городах представления на белорусском языке. Его деятельность также связана с Виленским университетом, где Г.Р. Ширма был руководителем университетского хора.

Путешествуя по Беларуси, Г. Ширма прослушивал мелодии, переводил их на ноты, записывал народные обычаи и обряды. Он отмечал, что соседство с песнями других народов – украинцев, русских, поляков не смогло нивелировать уникальный, узнаваемый характер белорусских мелодий.

Г. Ширма считал, что оценить белорусскую песенную культуру будет возможно лишь тогда, когда будет проведена подробная подготовительная работа и опубликованы собранные материалы. Это может стать началом научного анализа. Собранные материалы необходимо обязательно переводить в ноты, поскольку лишь так возможно сохранить мелодии для будущего.

Следует так же обратить внимание на исследование уже собранного ранее в сборниках материала, привести его в систему, использовать, поскольку много оказалось невостребованным. В его публикациях нашлось место изучению истоков песенного творчества белорусов. В них он отмечал, что во времена язычества песни были частью религиозного культа. Известно, что существует множество разных по жанру песен: казацкие, колыбельные, свадебные, обрядовые и другие. В своих исследованиях Г. Ширма обращал внимание на негативное, иногда открыто-враждебное отношение к таким песням со стороны церкви.

В песнях народа отражаются настроения и переживания, ее особые интервалы и ритмы разнообразных сфер деятельности на селе, календарные циклы, периоды перехода от весны к лету, от зазывания весны к Купалью. Изучая белорусские народные песни, Г. Ширма осуществлял их классификацию. Среди обрядовых песен им были выделены 3 главных цикла. К первому из них принадлежат наиболее древние пласты. Он отражает непосредственно сельскохозяйственный цикл с начала и до завершения работ. Главные его герои – Купала и Юрий (ключник божий). Особое внимание уделялось песням дожинковского цикла.

Второй цикл посвящен зимнему периоду. Это колядные песни. Третий цикл связан с главными событиями в жизни каждого человека – свадьбой, крещением и др. Но существуют еще большие группы песен, содержание которых значительно шире, чем указано выше. Какие стороны жизни отражают эти песни, говорит их содержание: любовные, танцевальные, игровые и многие другие. Народная песня охватывает все этапы жизни сельской общины, ее будни и праздники. Именно поэтому специалисты стремились изучать и сохранять музыку и песню, как ценную часть белорусской культуры.

Г.Р Ширма считал, что важной частью такой работы будет создание в Виленской гимназии хора белорусских учеников. Получив возможность организовать такой хор, он увлекся этой работой. К этому времени существовали подобные школьные хоры у поляков, русских, евреев, а так же хор Виленского университета. Для руководителей таких творческих коллективов весьма важно и полезно обмениваться опытом, оценивать различные аспекты своей деятельности, найти новые песни для своего репертуара. Не менее существенным Г. Ширма считал проведение ежегодных песенных фестивалей, способных вывести белорусскую песню на новый уровень. По его мнению, чтобы сохранить интерес молодежи к народной музыке, следует проводить в школах лекции-концерты, вечера музыки, знакомства с творчеством знаменитых композиторов. Тем более, эти мероприятия важны, поскольку: «...песні, запісы іх на плытах будуць мець сваю вартасць для музычнага ўзгадавання шырокай публікі, музычнае пачуццё якой цяпер асабліва прыглушана і сапсавана рознымі так званымі “шлягерамі” кабарэтавай музыкі і песні» [3, с. 20].

Ведя активную пропаганду белорусской культуры, Г. Ширма обращал внимание и на проблемы белорусского языка и литературы, связанные с работой ТБШ. Он оставил много статей, в которых отмечал, что именно в музыке воплощена память народа, его мысли, история духовной жизни, отношение к природе. Это происходит из поколения в поколение: “Мова ёсць самая жывая, самая моцная сувязь, якая ўсе пакаленні, якія аджылі, жывуць і некалі будуць, злучае ў адно гістарычнае жывое цэлае” [4, с. 72].

Исследуя вопрос о состоянии дел по изучению белорусского языка в школах Западной Беларуси, Г. Ширма обратился к опыту других европейских народов. Он пришел к выводу, что в условиях реальной жизни существовали два пути отстаивания своей самобытности: национальный кризис или упорная борьба за свой язык. Основу для второго пути дает национальная идея. В 1928 г. Г. Ширма с коллективом единомышленников обратился к руководству польского радио в г. Вильно с предложением о пропаганде белорусской песни и выступлениях народного хора. Только в 1935 г. эти предложения стали востребованы и реализованы, однако с существенными ограничениями. В этот период белорусские песни преподносились как «региональные». Поэтому Г. Ширма всегда ратовал за особые формы культурной деятельности польского народа, чтобы давать художественно-культурное представление о музыкальном творчестве белорусов. В этом направлении следовало организовать работу газет и журналов.

Потребности в создании редакций белорусских журналов и расширении круга публикаций Г. Ширма объяснял интересом к такой литературе народа. Главной задачей он считал объединение разрозненных на территории Беларуси организаций, объединений и кружков, которые интересовались белорусской культурой, стремились хранить и изучать ее. В работе над народной белорусской песней Г. Ширма обращался и к современной песне. Он интересовался и изучал творчество Г. Пукста, А. Богатырева, Вл. Аловникова, Е. Тикоцкого и других. Он замечал недостатки репертуаров концертов и считал, что композиторам следует активней использовать стихи классиков литературы – Я. Купалы, Я. Колоса и более молодых поэтов. Г. Ширма отмечал, что пока композитор не заглянет в историю народного творчества, не будет вслушиваться в музыку народного языка и не узнает в подробностях литературу, этнографию своего народа, до этого будут скрыты ценности его творчества. «Адставанне беларускай музыкі ў галіне песеннай творчасці тлумачыцца адорванасцю кампазітараў ад жыцця, ад крыніц народнай творчасці. Адсутнасць нацыянальнай формы, асабліва ў масавых песнях, папросту зводзіць песні да музычнага штампу» [2, с. 52].

Недостатки в сфере профессиональной музыки Г. Ширма относил также к отсутствию взаимосвязи между композиторами и средствами массовой информации. Это привело практически к тому, что на страницах газет и журналов очень мало затрагивались вопросы музыки.

Что интересовало в их произведениях Григория Ширму? В первую очередь, это особая гражданская деятельность как, например, у Льва Толстого. В статье, посвященной 20-летию смерти этого русского писателя, Ширма отмечал связь интересов Л. Толстого с проблемами крестьянства, конфликт его с черносотенной реакцией. Г. Ширма видел важность авторитета Л. Толстого, его отношения к происходившим в России событиям для белорусов, живших в начале XX в. границах Российской империи. Национальное освобождение, положение крестьян, уважение к личности, свобода слова и религиозная терпимость, реформирование власти, взаимосвязь национальных культур – все это интересовало Г. Ширму. Он стремился в своих статьях рассказать о Л.Н. Толстом как человеке, близким с ним по духу и убеждениям. Об этом он считал важным говорить со своими читателями, изучая работы белорусских «песняров».

Рассматривая творчество Янки Купалы и Якуба Колоса, Ширма называл их двумя поэтами, которые «стаяць над крыніцамі навейшае беларускай літаратуры». Они были проповедниками свободной жизни, важной частью исследовательской работы Г. Ширма считал анализ взаимосвязи поэзии Я. Колоса и процессов национального возрождения. «Колос закрасаваў на беларускай ніве ў самую раніцу народнага адраджэння. Ен прынес нам высокія ідэі, ен паказаў нам вялікую мудрасць красы і праўды, знайшоў крыніцы той жывой вады, якая робіць нас вольнымі» [2. с. 35]. Тема крестьянской доли, борьбы за свое будущее стала для Григория Ширмы объектом анализа в творчестве еще одного белорусского поэта – Максима Танка. Самое характерное – это взаимосвязь стихии природы и богатой стихии народной. «Поэт не даказвае, а паказвае, што жыцце сялянскае ... патрабуе напавы, радыкальнай змены».

Еще одна личность, творчество которой имеет связь с народом, стала объектом статей и очерков Григория Ширмы. Это – Алек-

сандр Сергеевич Пушкин. Ширму интересуют факты и причины, которые способствовали особому интересу поэта к народным истокам культуры. “Усе глыбей уваходзіць паэт у народную стыхію, вывучае народную мову, пераапранаецца мешчанінам, ходзіць на кірмашы”. Его сила в сатире, драме, эпиграммах. Он боролся так, как только мог – силой слова, таланта. И вновь Ширма обращается к тому вопросу, который всегда вызывал в нем интерес: связь поэта и народа, профессиональное творчество и народная культура.

В статьях Григория Ширмы нашлось место и для певицы Л.К. Александровской, песни которой были известными далеко за пределами Беларуси. С 1927 г. на своих концертах она пропагандировала белорусскую народную музыку. Именно ей посвятил Ширма свои статьи в печати, отмечая ее удивительный дар. В ее исполнении талантливо «гучаць беларускія народныя песні і напаўняюць сэрца слухачоў нейкай нязведанай радасцю, шчыраю праўдай жыцця ўліваюцца і расказваюць, што і тут, на заходніх землях краіны, збыліся залатыя словы паэта: мы з гордасцю будзем “людзьмі звацца” [4, с. 62].

К столетию со дня рождения Николая Чуркина Григорий Ширма пишет статью, которая сохраняет память об этом человеке. Его называют одним из основателей белорусской профессиональной музыки. Творчество этого композитора возродило интерес общества к национальной белорусской музыке, одно это могло бы уже стать причиной сохранения памяти о Николае Чуркине: «За час сваей даследчай працы ен захапіў каля трох тысяч беларускіх народных песень. Яго кампазітарскі почырк набывае асаблівыя адзнакі народнасці, любоўнае абыходжанне з беларускаю песняю накладвае на яго творы нацыянальны беларускі каларыт [5, с. 25].

Учитывая важность решения вопроса об отношении профессиональных композиторов к музыке, их уважении к народной танцевальной и музыкальной культуре белорусов, Григорий Ширма обратил внимание на творчество еще одного белорусского композитора. К юбилею Евгения Тикоцкого была написана статья, в которой Ширма раскрыл жизненный путь композитора и его заслуги в развитии белорусской национальной культуры. Ширма заканчивает ее, казалось бы, формальными, но, по сути, такими словами, которые можно сказать о многих представителях белорусской культуры:

«Усё творчае жыццё кампазітара цесна звязана з лёсам беларускага народа» [5, с. 12].

Исследовательскую статью Григорий Ширма написал также о певце, которого он называл нашим “баяном-песняром, выйшаўшым з нізоў народных”, – Михаи́ле Забейда-Сумицким. По воле сложных событий он за свою жизнь побывал в Харбине, Милане. В Италии талантливый певец получил возможность работать в оперном театре “Ла Скала”. Но истинное предназначение певца, по мнению Г.Р. Ширмы, проявилось в его культурной и духовной миссии – прославить красоту народных белорусских песен. Ширма подробно исследовал то влияние, которое оказала на публику уникальная манера исполнения, где бы не выступал певец. “Культурна-нацыянальнае значэнне Забейды для нас аграмаднае. Сваім талентам ен паказаў красу нашай песні і нам, і чужым ...Беларускія песні вандруюць далёка за межай бацькаўшчыны да нашых братоў-эмігрантаў – у Францыю, Амерыку, Аргентыну, пояць іх там сваей жыватворчай сілай, драгім вадгалоскам далёкай роднай зямлі” [6, с. 250].

Еще одна статья, написанная Григорием Ширмой, открыла новое имя в его исследованиях. Речь идет о Геннадии Ивановиче Титовиче. Что привлекло к его личности? Жизненная позиция – борьба против политики властей Польши, связанной с полонизацией и латинизацией белорусского населения. Титович не только изучал фольклор в университете г. Вильно, но и сделал много для его изучения и сохранения. Известно, что за свою жизнь он собрал и обработал более 1,5 тыс. белорусских песен, создал специальную фонотеку. Научный уровень изучения фольклорного материала позволил Г.И. Титовичу обобщить его в этнографическом сборнике «Народная песня ў сучасным быцце беларусаў». Ширма обращает внимание еще на один важный аспект. “Першыństwo належыць Цітовічу таксама ў даследах і навуковым раскрыцці ўзаемных сувязяў беларускага песеннага фальклору з рускім і украінскім” [6, с. 20].

Очень важным считал Г. Ширма и выбор материала для создания стихов. Не мелкие события или детали, а высокие чувства, глубокие переживания – вот что способно сделать песню известной, интересной, сохранить ее для будущего. Иные песни – это песни «на час». Ценность песен – в словах, проникающих в душу. Стихи,

которые имеют свой сюжет, способны дать композитору большие возможности для творчества.

Он говорил, что «текст – это содержание, а музыка – это настроение песни». Если композитор не требователен к текстам, это может стать его творческой неудачей. Работая над созданием песен, считал Г. Ширма, надо изучать народную песенную культуру и учиться у народа таланту творческого процесса. Следует уметь отвечать на вопрос: почему песни, насчитывающие сотни лет, до сих пор любимы, почему их хранят и до сих пор исполняют. Следует так же изучать опыт тех профессиональных композиторов, произведения которых народ признал своими.

Важной частью публицистической работы Григорий Ширма считал изучение творчества тех композиторов и поэтов, деятельность которых была связана с белорусской музыкой. В своих многочисленных публикациях он упоминает имена А. Гречанинова, Я. Колоса, М. Танка, М. Забейды-Сумицкого, Г. Титовича и других. Каждому из них посвящены отдельные статьи в его журналах. Однако особенное внимание Г. Ширма уделял творчеству А. Гречанинова, считал его одним из первых пропагандистов белорусской музыки.

Вплоть до начала 1914 г. белорусская песня не была объектом серьезного научного изучения. Вследствие этого она не входила в круг профессионального интереса исполнителей песен и композиторов. Однако пришло время и серьезное внимание ей уделил музыкант А. Гречанинов, ставший ее поклонником, популяризатором. Он понимал, что хоровое исполнение требует особой обработки, аранжировки. Частично его работы были опубликованы в Минске. После профессиональной переработки А. Гречанинов оставлял и содержание, и название этих белорусских песен.

А. Гречанинов получил образование в Москве и Петербурге. В течение 45 лет он работал в различных жанрах музыкальной культуры. Увлечшись белорусской народной музыкой, А. Гречанинов написал «Белорусскую рапсодию», популярные песни для соло и фортепиано, для хорового исполнения. Именно его работы, по мнению Г. Ширмы, вновь вызвали интерес к музыкальной культуре белорусов.

Г. Ширма дал анализ состояния музыкальной культуры Беларуси в 30-60-е гг. XX в. Он считал, что это время было весьма продуктивным. Первая белорусская опера «Освобождение труда» М. Чуркина, первая симфония Е. Тикоцкого, фортепианный концерт М. Аладова открыли период профессионального интереса к белорусской музыке.

В это время были открыты театр оперы и балета, консерватория. Многие факторы способствовали возникновению новых музыкальных форм белорусской музыки: увертюры, симфонической поэмы, фантазии, симфоньеты и др. Вкладом в развитие культуры Беларуси, по мнению Г. Ширмы, стали оперы А. Туренкова «Цветок счастья», А. Богатырева «В пущах Полесья». В годы войны почти все композиторы включились в борьбу за Отечество. В 60-е годы серьезное внимание в публицистике Г. Ширмы уделялось симфонической музыке (Г. Вагнер, Е. Глебов), инструментальному концерту. Кроме того, Г. Ширма считал весьма важной работу исследователей в сфере музыки. В эти годы опубликованы «Очерки по истории белорусской музыки» И. Нисневича, «Онтология белорусской песни» Г. Титовича. Сам Г. Ширма закончил работу над четырьмя томами «Белорусских народных песен».

В 1940 г. Г. Ширма создал Белорусский Государственный ансамбль песни и танца. Перед ним сразу же встали существенные задачи: как организовать работу хора, какое направление в его деятельности следует избрать. Началась сложная работа по изучению средств музыкальной выразительности, средств колорита, которые возможно передать голосом. Мечтой Г. Ширмы в эти годы было создание хоровой капеллы Беларуси. Особую заботу он проявлял о пополнении музыкальных коллективов новыми кадрами. Это так же оставалось проблемой, поскольку средние школы очень мало внимания уделяли вопросам музыкальной подготовки. Ширма отмечал, что Министерство образования пустило эту работу «на самотек». Его предложения были таковы: ввести преподавание теории музыки; обязательные уроки музыки в школах; разработать специальную программу обучения в Минской консерватории; профессиональным композиторам создавать песни в духе народа, считать это важной сферой их творчества.

Г. Ширма отмечал, что обработка народной песни – это не просто «идеологический заказ», а дань уважения своему народу, его прошлому, его истории, его таланту. Он отмечал: «Ёсць моманты, калі голымі разважаньнямі не заўсёды можна пераканаць іншых. Тады для дабра ідзі народнага адраджэння неабходна ў авангардзе пусціць паэта, музыку, мастака. За імі лягчэй пойдзе палітык, грамадскі дзеяч, якія знайдучь прыгатаваны сваімі папарэднікамі грунт для працы» [6, с. 84]. В 1949 г. ансамбль песни и танца Г. Ширмы очень активно гастролировал. Он принимал участие в Декадах белорусской культуры в Москве. Здесь было дано по радио 10 концертов, записано 52 музыкальных номера. Большие надежды в 50-е гг. Ширма возлагал на расширение состава как хора, так и танцевальной группы.

В 1950 г. постановлением Совета Министров БССР этот коллектив был преобразован в Государственный хор БССР. Его история и песни отразили все значимые события, происходившие в стране: война, коллективизация, дружба славянских народов. Среди множества высказываний, Г. Ширмы, имеющих отношение к музыкальной культуре, очень емким по содержанию звучит следующее: «Беларускія народныя песні – бездонная крыніца прыгажосці, хто хоць раз з яе напіўся – адарвацца не можа.» Эти слова можно считать основным лейтмотивом всей жизни Г. Ширмы.

Использованная литература:

1. Капилов, А.Л., Ахвердова, Е.И. Музыкальная культура Беларуси XIX-начала XX веков / А.Л. Капилов, Е.И. Ахвердова. – Минск: Ин-т совр. знаний, 2000. – 142 с.

2. Шырма, Рыгор Беларускія народныя песні для хораў. Сабраў і ўпарад. Р. Шырма; Т.1-2 – Мінск: Беларусь, 1971 – Т. 1– 328 с; Т.2 – 456 с.

3. Смольскі, Б.С. Беларуская музыка за 40 год. / Б.С. Смольскі; пад рэд.нар.артыста БССР Г.І. Цітовіча. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1957. – 44 с.

4. Песня на ўсё жыццё: Успаміны пра Р.Р. Шырму /склад. В.А. Сізко /. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1983 – 350 с.

5. Нискевич, И.Г. Григорий Романович Ширма. Очерк жизни и творчества / И.Г. Нискевич. Изд. 2-е. – Л.: Музыка, 1971. – 80 с.

6. Шырmanoўскія чытанні. Фалькларыстычныя даследванні. Зборнік артыкулаў. Вып. 5; пад навук. рэд. Р.М.Кавалевай. – Мінск: Бестпрынт, 2008. – 287с.

Механізмы ўлады в педагогічным дыскурсе высшай школы: гендерны аспект

Е.Н. Млечко, прафесар

Уладзь в гуманітарным веанні ХХ в. (начынаючы з творчасці Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, а в далейшым в работах М. Фуко, Ю. Хабермаса, Э. Гідденса, П. Бурдьё, Ж. Бодрыяра і др.) расматрываецца в тэрмінах абезлічэннасці, невіднасці і неасознаннасці, прызнаецца сіла яе ўплыва на аадельнага чалавека і сацыум в цэлым. Глубокаю тэарэтычаскую разраотку даннага феномена палучылі в іследваннях М. Фуко. Он расматрываў ўладзь как «сложную сетць взыаемоўнашеняй, множаественнасць аўнашеняй сілы»; «ўладзь – ато не некаіа інсшытуа ілі структура, не какаа-ао аадределенная сіла, кааорой некто бьыл бы наделен: ато імя, кааорое даюа сложной сшырагеаіческой сшытуаааі в данном аааществе» [1, с. 193]. В канцепааі М. Фуко аказалась взыаанымі воедино ўладзь і прааесс праызвааства значеняй. В рааоте «Ісшыора сексуальнасці» філаосаф расматрел прааему пола і яе аршыкулаааю в дыскурсах, паказав тесные взыаемоўнашеняа ўладзі, веаняа і гендера. Яго разраотка аказалась востребаванымі тэарэаікамі гендерных іследваняай: ізуаение властных аўнашеняй пазволяло павновому взыагнуаь на прааессы формывааняа совреанного гендерного параадка. Былі сдлааны выводы о том, ато функааанываанне властных аўнашеняй напярямую взыаану с праызвааством гендерных консшыраактав (маскуліннасці і феаміннасці) і гендерных ідентыааасцей, а тааже о том, ато главную ролю в ааом прааессе іграюа ваажнейшыа інсшытуааы сааааілааааааааа: семья, сшысша ааааааанывааняа. Несмоаоря на ааевядную взыаь двух феноменав, в раамаах гендерных іследваняай в сшыре аааааанывааняа, на взыаад аавора аааааааааааааа, не уделяецца должного взыааняаняа прааеме ўладзі, ато пазволяло бы прааналыааывааь ааааааааанываань прааесс і выявльаь новыа асабеннасшы ааааааанывааняа і сшыпен взыааняа на формываань

мирование гендерных конструкторов и идентичностей, возможности и роль в процессе создания и сохранения гендерного порядка.

Цель работы – анализ властных отношений в педагогическом дискурсе вуза, что подразумевает выявление властных механизмов и особенности их реализации в прецедентных текстах дискурса. Эмпирическую базу исследования составили учебники и учебные пособия для студентов вузов по предметам социально-гуманитарного цикла: история Беларуси, основы идеологии белорусского государства, экономическая теория, политология, социология, философия, психология и педагогика [2]. При отборе изданий учитывались следующие критерии: место издания учебных пособий; наличие грифа (рекомендации); объем учебных пособий; их наличие и количество в вузовских библиотеках г. Минска. Отобранные источники отвечают заявленным критериям, поскольку наиболее полно отражают необходимые студентам знания по изучаемым дисциплинам и представлены в библиотеках в достаточном количестве. Специфика объекта и предмета исследования обусловила использование различных методов: деконструкции, контент-анализа и лингвистического анализа.

Изучение педагогического дискурса является частью общей теории дискурса. По мнению многих исследователей, наиболее полным можно считать следующее определение понятия «дискурс»: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами...; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3, с. 136, 137]. Формирование теории дискурса исследователи связывают с возникновением и развитием структурной лингвистики, прежде всего, с работами Ф. де Соссюра. Он сделал вывод о процессе овладения языком, который неподконтролен индивиду и сводится к усвоению и воспроизведению готовых форм. В дальнейшем основной идеей становится мысль о влиянии языка на сознание и жизнедеятельность человека: язык сам обладает определенным мировоззрением и навязывает его своим носителям. Наиболее полно эту мысль выразил представитель американского языкознания Э Сепир. Он называет язык «мощным фактором социализации, может быть, самым мощным из существующих» [4, с. 231].

М. Фуко в своем понимании дискурса основывался на представлениях о нем как о совокупности текстов, речевых практик, объединенных общей темой, однако рассматривал его, безусловно, с философских позиций. Для М. Фуко дискурс является той сферой, где предстают в тесной взаимосвязи власть и производство значений; это практика, которая «систематически формирует объекты, о которых они [дискурсы] говорят» [5, с. 50]. Это позволяет утверждать, что социальное знание о мужчинах и женщинах является продуктом дискурса: «То, как сама языковая система представляет определенные точки зрения (не являясь “нейтральной”), ярко проявляется в анализе того, как представлены, воспринимаются, сохраняются и передаются в языке мужские и женские роли» [6, с. 92], поэтому гендерный порядок и гендерная идентичность также являются продуктами дискурса.

Учитывая тесную связь власти, языка и производства значений, можно утверждать, что главную роль в формировании гендерного порядка играют властные отношения. Их анализ можно осуществить путем рассмотрения определенных механизмов. Определяющим, на взгляд автора статьи, является «бинарная структуризация знания». Анализ и критика бинарных оппозиций стали возможными благодаря деконструкции (она рассматривается как расчленение (деструкция) и дальнейшая реконструкция текста) [7, с. 55]. В данном случае деконструкция понимается как разложение структуры властных отношений. Ее применение обусловлено стремлением выяснить способы противопоставления мужского и женского в культуре, что предполагает выявление в прецедентных текстах бинарных оппозиций и анализ тех аргументов, которые обеспечивают «истинность» утверждений. Современное мышление организовано вокруг основных дихотомий (качество/количество, разум / интуиция и т.д.), которые воспроизводят социальные оппозиции между группами, в частности, между доминирующими и подчиненными. Эти оппозиции работают как классифицирующие схемы, как категории восприятия и оценивания. Многие из дихотомий нейтральны, однако часть из них построена таким образом, что термины ассоциируются с позитивным и / или негативным. Явления и понятия имеют гендерную окраску – позитивный термин каждой из оппозиции атрибутируется с мужественностью, а негативный – с жен-

ственностью. В социальном и культурно-символическом аспектах пола содержатся установки, маркирующие все «мужское» позитивным и доминирующим, а «женское» – негативным и субординируемым. При этом многие, не связанные с полом, понятия отождествляются с «мужским» или «женским»: в результате создается соподчинение, иерархия внутри этих пар. Говоря о бинарных оппозициях, П. Бурдьё утверждает, что решающую роль в производстве и воспроизводстве оппозиций и организации разума играет система среднего и высшего образования. Это происходит путем классификации и иерархизации факультетов, дисциплин, преподаваемых знаний. Примерами таких оппозиций может служить противопоставление гуманитарных и естественных наук, методов (количественных и качественных, дедукции и индукции; логики и интерпретации). Оппозиции, которые отсылаются в замаскированной форме к противопоставлению «мужской/женский», Бурдьё называет «бессознательными категориями мышления», организующими «одновременно систему образования и восприятие ее индивидами» [8, с. 19].

На первом этапе анализа в текстах были выявлены бинарные оппозиции, взятые в контекст, которые в дальнейшем были разделены на две части: дихотомии, контекстуально не связанные с гендером, и гендерно маркированные оппозиции. Затем сами оппозиции и аргументы, которые обеспечивают их истинность, были подвергнуты анализу. Автор статьи приводит здесь сокращенный список оппозиций, разделенный на две группы: 1) руководители / подчиненные, старший / младший, властвующие / подвластные, победители / побежденные, позитивный / негативный, сильный / слабый, идеал / реальность, рациональный / иррациональный, активный / пассивный, интеллектуальный / физический, истина / ложь, положительный / отрицательный, субъект / объект, красота / безобразие, добро / зло, объективный / субъективный, небо / земля, теоретический / практический, рациональное / чувственное; 2) ян / инь, муж / жена, мужское начало / женское начало, мужчина / женщина, патриархат / матриархат, выше / ниже (о мужчине и женщине).

Первая группа оппозиций ни контекстуально, ни семантически с полом не соотносятся: на первый взгляд, они гендерно нейтральны. Тем не менее, они организованы по принципу «хорошо / плохо»,

что ставит один из концептов в привилегированное положение, а другой – в зависимое, например, «процесс оценивания факторов, определение их значимости...обычно происходит по схеме «польза / вред», «добро / зло», «справедливое / несправедливое», «приемлемое / неприемлемое» и т.д.». [9, с. 174]. Оппозиции «делят» общество на «богатых / бедных», «лидеров / аутсайдеров», «победителей / побежденных», «властвующих / подвластных» и т.д. Несмотря на кажущуюся гендерную нейтральность, они устанавливают иерархию и оценку, в замаскированной форме отсылают к противостоянию «мужской / женский». Именно негативному термину в оппозициях приписываются качества женского. По словам П. Бурдьё, «когда вы слышите «теоретический / практический», вы не думаете «буржуазный / народный» или «господствующий / подчиненный», вы не думаете «мужской / женский», а речь идет именно об этом» [8, с. 16].

Вторая группа оппозиций также представляет собой разделение явлений и характеристик в тексте, но уже по принципу явного противопоставления «мужское/женское». Часть оппозиций представляет собой окончательную утвержденность этого противопоставления, не требующую подтверждения и аргументации («так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая – находится в подчинении» (Аристотель) [10, с. 361]. Остальные же оппозиции в этой группе появляются в тексте в сопровождении других пар понятий, которые призваны раскрыть смысл основных дихотомий: к примеру, «разделение неба и земли, олицетворяющих мужское и женское начала» [11, с. 51]. Это противопоставление для всего «женского» всегда предусматривает «друговость», отличие от доминирующего термина в пределах бинарной оппозиции и рассматривается исследователями как отклонение от нормы (от «мужского»), как своего рода вторичность и субординированность [12, с. 5].

В отношении женского и мужского женское рассматривается как оборотная сторона культуры, лежащая в основе существующего порядка. Рассмотрение бинарных оппозиций позволяет сделать вывод о том, что противопоставление женских и мужских характеристик и тех явлений, которые с ними связаны, сформировано культурой и является результатом действия отношений власти, процесса

формирования определенных значений в языке. Это разделение навязано искусственно, так как природные и культурные факторы на самом деле имеют гораздо больше общего, чем различного и представляют собой, по сути, взаимосвязанные стороны одного явления. Бинарная структурация знания подчеркивает неравнозначность членов оппозиций: раз за разом происходит центрирование одного термина и маргинализация другого: «эти универсально применяемые схемы мышления, казалось бы, всегда фиксируют различия, вписанные в саму природу вещей (это справедливо и для различий между полами), и постоянно подтверждаются самим ходом вещей, и особенно биологическими и космическими циклами, а также согласием тех, в чьи представления они вписаны» [13, с. 294].

Бинарная структурация знания формирует основные принципы организации мышления и сознания: классификацию, иерархизацию, оценивание. Она, очевидно, является основным принципом функционирования властных отношений и производит три механизма власти: отражение опыта женщин и мужчин; андроцентризм языка; стереотипизацию. Их рассмотрение представляет собой второй этап анализа прецедентных текстов, который был основан на использовании таких методов, как качественный контент-анализ (единицы анализа выписывались в контексте, категоризовались и подвергались дальнейшему изучению) и лингвистический анализ текстов (во-первых, исследовались языковые средства, при помощи которых представлены маскулинность и фемининность; во-вторых, проводился анализ структур языка с позиций гендерного подхода). Категориями контент-анализа выступили следующие основания гендерных конструктов: публичная сфера деятельности (профессия, общественный статус); участие женщин и мужчин в интеллектуальной деятельности; приобщение или отчуждение от властных структур; ценность мужчин и женщин как представителей человеческого рода; активность женщин и мужчин, их действия (в том числе по отношению друг к другу); семейное положение; продолжение рода (материнство и отцовство); внешность; поведение. Лингвистический анализ был проведен, основываясь на работах таких теоретиков гендерной лингвистики, как А.В. Кирилина, Е.И. Горошко, В.И. Коваль, Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и др. В качестве категорий анализа использовались признаки андроцентризма языка,

указанные в работах перечисленных исследователей. Кроме того, в процессе анализа автором были выявлены категории, которые не рассматривались в научной литературе: механизм «исключения» и патрилинейность.

Первый механизм властных отношений – отражение опыта женщин и мужчин – рассматривался на основе следующих категорий: публичная сфера деятельности (профессия, общественный статус); участие женщин и мужчин в интеллектуальной деятельности; приобщение или отчуждение их от властных структур; ценность мужчин и женщин как представителей человеческого рода; активность женщин и мужчин, их действия (в том числе по отношению друг к другу); семейное положение; продолжение рода (материнство и отцовство). Первый механизм властных отношений осуществляется путем отражения в дискурсе опыта только одной из групп и замалчивания заслуг другой. Это связано с разделением сфер общественной жизни на публичную и частную, и дальше – на профессиональную и семейную с соответствующей оценкой степени вклада женщин и мужчин в каждую из сфер, насколько он представлен в текстах педагогического дискурса. Анализ показал существенную разницу в объемах отраженного в текстах мужского и женского опыта (рассмотренные области человеческой деятельности отражают мужской опыт и мужское видение мира); в дискурсе не представлен женский опыт в публичной сфере (профессия и общественный статус), и, кроме того, женский опыт не отражен и в семейной сфере – женщина оказывается «исключенной» из нее, не имеет влияния не только в качестве жены, но и матери [14, с. 107].

Второй механизм – андроцентризм языка. Это понятие возникло в рамках гендерной лингвистики. Под андроцентризмом понимается проявление асимметрий в системе языка, направленных против женщин. Категориями анализа стали следующие признаки.

1. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Этот признак можно продемонстрировать на примерах названий профессий и рода занятий, тесно связанных с властью, деньгами и собственностью: все слова, обозначающие статус, влияние и богатство, в дискурсе имеют формы мужского рода, например, феодал,

магнат, император, король, царь, царевич, государь, князь, герцог, президент, фюрер, фараон, шах, владелец, помещик и т.д.

2. Отождествление понятий «человек» и «мужчина», которые в европейских языках обозначаются одним словом. В русском и белорусском языках они взаимосвязаны, но не равнозначны («мужчина» и «человек» (мужчина и женщина)), их отождествление происходит благодаря механизму «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола и применяет слова мужского рода всякий раз, когда речь заходит о человеке или о людях вообще, без указания принадлежности, то есть слова мужского рода употребляются неспецифицированно.

3. Механизм власти, ранее не рассматриваемый в литературе, можно назвать «исключением» женщины из числа людей, жителей и т.д.: – разделение населения на взрослых самостоятельных мужчин и самостоятельных женщин, детей и стариков: «отчаянно сопротивлялось все население, включая женщин и детей» [15, с. 98]; «различные слои населения – пенсионеры, молодежь, дети, женщины» [16, с. 206]. Это символический «отказ в существовании» мужчинам и намеренное подчеркивание женского присутствия (в совокупности с игнорированием женщины и ее опыта, о чем было сказано ранее) обусловлен, на взгляд автора, стремлением выразить связь между группами «женщины», «старика», «дети», которая выражается в социальной незащищенности каждой из них и в необходимости женской заботы о детях и пожилых людях.

4. Одним из механизмов гендерной асимметрии языка является патрилинейность. Она проявляется, во-первых, в системе родства по отцовской линии: упоминание только отца, отцовской фамилии и отчества, во-вторых, в наследовании власти и имущества отца сыновьями и другими родственниками мужского пола.

Третий механизм властных отношений, продуцируемый бинарной структуризацией, – *стереотипизация*. В данном случае под стереотипизацией подразумевается перенесение индивидуальных негативных характеристик на гендерную группу в целом. Гендерная стереотипизация возникает в результате формирования неравнозначных статусов женских и мужских ролей в культуре: один термин в бинарных оппозициях противопоставляется другому.

Это противостояние создает иерархию, в силу чего термины наделяются различными по ценности и легитимности качествами, что позволяет патриархатному дискурсу применять стереотипные характеристики по отношению к менее “защищенному” термину оппозиций. Иерархия выражается в наличии недвусмысленных сравнений, неблагоприятных характеристик и т.д. Процесс стереотипизации может быть проанализирован на основании категорий «внешность» и «поведение».

Внешность и забота о себе в текстах практически не отражена. Изредка можно встретить характеристики внешнего вида женщины, мужская внешность в дискурсе не представлена.

Категория «поведение» была классифицирована автором как наиболее явный способ стереотипизации. Характеристики мужского поведения в текстах редки и немногословны, не поддаются анализу по причине нерепрезентативности. Женские характеристики, напротив, яркие и запоминающиеся, хотя также немногочисленны. Практически все они стереотипны. Приведем лишь некоторые из них: «нынешние нувориши демонстрируют свои «форды» и «мерседесы», услужливых телохранителей и податливых дам» [17, с. 147], «народы как женщины: с ними надо обращаться так, как они позволяют с собой обращаться» [18, с. 214] и др.

Можно сделать выводы о том, что процесс формирования гендерных моделей в текстах происходит в результате воздействия бинарной структуризации знания, которая, в свою очередь, порождает механизмы властных отношений. Отражение опыта женщин и мужчин в качестве одного из механизмов власти тесно связано с принципом разделения сфер на публичную и частную, что, в свою очередь, является прямым следствием разделения труда, который представляет собой одну из структур патриархата. Продолжением этого механизма выступает второй – андроцентризм языка. Он служит одновременно отражением неравной представленности женщин и мужчин в дискурсе (отождествление понятий «человек» и «мужчина»; предпочтение им мужских форм для определения лиц обоего пола; образование имен существительных женского рода от мужских, а не наоборот и др.) и способствует игнорированию женщин в картине мира. Стереотипизация выступает следствием двух первых механизмов: неравнозначная представленность женщин и мужчин в

дискурсе позволяет рассматривать женские и мужские роли как неравные и несводимые одна к другой. Они наделяются различными характеристиками, позволяющими определять их место и роль в культуре.

Использованная литература

1. Фуко, М. Воля к знанию / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – С. 97-268.

2. Отбор дисциплин был сделан на основе «Образовательный стандарт». Высшее образование I ступени. Цикл социально-гуманитарных дисциплин: РД РБ 02100.5.227 — 2006. – Печ. 2006. – IV. – Минск: Минобразования Республики Беларусь, 2006. – 26 с.

3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136-137.

4. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – С. 223-247.

5. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Пер.с.фр. С. Митина, Д. Стасова. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.

6. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.

7. Деррида, Ж. Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – №. 4. – С. 53-57.

8. Бурдьё, П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдьё // Socio-Logos'96 / Альманах Российско-Французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Scio-Logos, 1996. – С. 8-31.

9. Круглова, Г.А. Политология: учебн. пособ. для вузов / Г.А. Круглова. – Минск: Веды, 1997. – 259 с.

10. Мельник, В.А. Политология: учебник для студентов вузов / В.А. Мельник. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – 479 с.

11. Философия: учебное пособие / В.С. Степин [и др.], под общей ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2006. – 624 с.

12. Козлова, Н. Гендер и вхождение в модерн / Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1999. – №.5. – С.164-174.

13. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с.

14. Млечка, А.М. Жаночы і мужчынскі вопыт ў педагагічным дыскурсе вышэйшай школы / А.М. Млечка // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 106-108.

15. Трещенок, Я.И. История Беларуси: учебное пособие / Я.И. Трещенок. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 176 с.

16. Политология: курс лекций / В.А. Бобков [и др.]; под ред. В.А. Бобкова и И.Н. Браима. — Минск: НКФ "Экоперспектива", 1995. – 319 с.

17. Полуян, И.В. Политология: учебное пособие / И.В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – 328 с.

18. История Беларуси: учебное пособие / Я.И. Трещенок [и др.]; под ред. Я.И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.

Модульно-рейтинговая система оценки качества обучения студентов в высших учебных заведениях в условиях продуктивного образовательного процесса

**О.В. Лепеш, канд. ист. наук, доцент,
О.Э. Рабышко, канд. ист. наук, доцент.**

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным спросом на высшее образование наряду с большим осознанием его решающего значения для социально-культурного и экономического развития государства. Образование является основополагающим фактором и показателем системы развития общества. Степень генерации и использования знаний отражает способность к саморазвитию и совершенствованию. Высшее образование как фундаментальное образование лежит в основе современного информационного общества. При этом качество этого образования,

в частности, качество образовательных услуг, стоит на первом месте в списке задач достижения надлежащего конкурентоспособного уровня страны. В этих условиях возрастают требования к уровню подготовки специалистов, важное значение приобретает поиск эффективных моделей организации и управления учебно-познавательной деятельностью студентов в целях повышения их конкурентоспособности и профессиональной компетентности. В совокупности средств, обеспечивающих функционирование системы управления качеством подготовки специалистов с высшим образованием, важная роль принадлежит научно обоснованному, тщательно спланированному и рационально организованному контролю за процессом и результатами учебно-познавательной деятельности студентов. С помощью системного контроля обеспечивается постоянная и надежная обратная связь с учащимися, что создает предпосылки для своевременной корректировки образовательного процесса.

Научно-технический прогресс с огромным потоком информации приводит к тому, что порой знания специалиста устаревают чуть ли не одновременно с окончанием высшего учебного заведения. Вследствие этого система высшего образования должна использовать такие модели организации учебного процесса, которые способны быстро и эффективно реагировать на изменения в социокультурной среде. В связи с этим организация высшего образования и ее структурных подразделений должна быть системой, использующей инновационные педагогические технологии. Вместе с тем в образовании должны учитываться индивидуальные интеллектуальные и личностные особенности студентов. Эффективные образовательные технологии должны отвечать принципу максимального сбережения здоровья личности. Одной из уже апробированных и дающих положительные результаты систем управляемой самостоятельной работы студентов является рейтинговая. Рейтинговая (модульно-рейтинговая) система позволяет интенсифицировать учебно-познавательную деятельность студентов, повысить качество профессиональной подготовки, активизировать формы и методы управляемой самостоятельной работы за счет дифференцированной оценки всех видов учебной и научно-исследовательской работы по многобалльной шкале.

Сложившаяся же система самостоятельной работы студентов вузов несколько устарела и требует определенной модернизации с учетом организации управляемой самостоятельной работы студентов, чтобы система обучения в вузах не имела исключительно нормативный характер. Существующая организация самостоятельной работы студентов приводит к недогрузке студентов в первой половине семестра, когда до экзаменов еще далеко, и к перегрузке в конце, особенно во время зачетной и экзаменационной сессии, вследствие недостаточной работы в течение семестра. При сложившейся системе студенту очень сложно самостоятельно распоряжаться своим временем. Учитывая особенности расписания занятий, те или иные обстоятельства в вузе и семье, студент мог бы эффективнее использовать свое время, более равномерно и целесообразно распределить работу. Но ему трудно, а часто и невозможно это сделать, поскольку он должен готовиться к семинарам одновременно по всем предметам и с одинаковой интенсивностью.

Одним из недостатков сложившейся системы является то, что преподавателю (да и самому студенту) до самого экзамена не совсем ясно, на каком уровне овладения наукой он находится на протяжении своей работы. Такая неопределенность в организации и оценке успешности занятий до экзамена затрудняет управление учебной деятельностью.

Серьезный недостаток традиционного порядка учебного процесса состоит в недостаточном, непродуманном до конца стимулировании деятельности студентов. Фактически обоснованная система стимулирования работы студентов отсутствует. Даже такой общеизвестный стимул, как оценка на экзамене, от которой зависит статус студента среди товарищей, его самоуважение, стипендия и даже само пребывание в вузе, не носит универсального характера.

Кроме того, существующая система усредняет всех: и студент, сдавший все контрольные задания досрочно, и студент, сдавший их лишь в зачетную неделю, формально одинаково успевают. Оценка, получаемая студентом на экзамене, в определенной степени зависит от ряда случайных факторов (выбора билета, психологического и физического состояния студента и экзаменатора и т.д.). При такой системе нет достаточной дифференциации в оценке знаний и уме-

ний обучаемых, а также ослаблена соревновательность между студентами в овладении знаниями. Таким образом, традиционная система оценки знаний студентов, базирующаяся на итоговом контроле в форме экзамена или зачета, не стимулирует в должной мере систематическую работу студентов. Эти и ряд других соображений побуждают обратиться к рейтинговой системе оценки успеваемости. В отличие от традиционного способа оценивания, рейтинговая технология предполагает последовательное суммирование оценок студента по данной дисциплине в течение некоторого периода времени. Рейтинговая оценка по дисциплине складывается из оценок всех без исключения видов работы и контроля знаний.

Смысл рейтинговой системы организации самостоятельной работы студентов и семинарских занятий заключается в том, чтобы опираться на основные потребности и желания студента, связанные с обучением в вузе. Желательно стремиться к тому, чтобы студент имел возможность сам распределять свое время и распоряжаться им; выбирать порядок выполнения учебных дел; самостоятельно планировать выполнение заданий; регулярно получать информацию об успешности своих академических занятий; сравнивать достигнутый уровень своих знаний с уровнем других студентов; углубляться в интересующие области науки и, как результат, успешно овладеть специальностью и получить диплом.

Следует учитывать и то, что в условиях модернизации и интеграции образования в Беларуси в Европейское образовательное пространство проблема качества высшего профессионального образования и его оценки является центральной. При этом одним из факторов повышения качества образования предлагается внедрение модульно-рейтинговой системы.

Целью внедрения модульно-рейтинговой системы является:

повышение качества обучения за счет интенсификации учебного процесса, активизации работы студентов;

осуществление регулярного контроля и рейтинговой оценки качества обучения студентов при освоении ими модулей, необходимых для формирования компетентности;

реализация таких педагогических принципов как научность и доступность, системность и последовательность, индивидуальный, дифференцированный, личностно-ориентированный подход.

Задачи модульно-рейтинговой системы заключаются в следующем.

1. Повышение объективности оценивания знаний, умений и навыков студентов преподавателями за счет высокой дифференциации баллов и выработки четких параметров контроля за выполнением студентами учебной работы.

2. Создание информационного банка данных, отражающего в динамике успеваемость каждого студента.

3. Повышение уровня организации образовательного процесса в университете.

4. Повышение качества подготовки и развитие самостоятельности и ответственности будущих специалистов.

Модульно-рейтинговая система организации учебного процесса и непрерывного контроля знаний студентов **позволяет**:

- активизировать разработку и внедрение новых организационных форм и методов обучения, максимально мотивирующих активную творческую работу как студентов, так и преподавателей вуза;

- упорядочить и структурировать процедуру непрерывного контроля знаний;

- получать, накапливать и представлять информацию о состоянии дел у студента, группы, потока, за любой промежуток времени и на текущий момент;

- прогнозировать успеваемость студента на некоторые временные периоды;

- регулировать учебный процесс в соответствии с программными целями и с учетом его результатов на контролируемом этапе;

- студентам рационально распределять свои временные, физические и умственные ресурсы на конкретном временном интервале и стимулировать активное приобретение ими знаний;

- активизировать личностный фактор в студенческой среде путём введения принципа состязательности в процесс обучения, который базируется на главном показателе – качестве подготовки специалистов;

- на более раннем этапе обучения выявлять лидеров и отстающих среди студентов с целью реализации индивидуального подхода в учебном процессе;

– создавать благоприятные условия для синтеза знаний, решения междисциплинарных проблем.

Модульно-рейтинговая система организации обучения студентов включает в себя:

- определение целей обучения;
- конструирование учебных модулей;
- определение технологий формирования компетенций;
- разработки мониторинга образовательного процесса и сформированности компетенций обучаемых.

Цели обучения в такой системе имеют многоуровневый характер:

- 1-й уровень – оперативные учебные цели конкретных видов занятий;
- 2-й уровень – учебные цели предмета;
- 3-й уровень – общепедагогические цели обучения.

Ядром содержания кредитно-модульной системы обучения становится модуль, который способствует развитию личностных качеств и ключевых компетентностей личности.

Модуль представляет собой относительно самостоятельную единицу образовательной программы, направленную на формирование определенной профессиональной группы компетенций.

Технология педагогического проектирования образовательных модулей предполагает три основных этапа:

1. Разработку спецификаций модулей.
2. Разработку оценочных материалов модулей.
3. Разработку учебных материалов модулей.

Материалы, составляющие модуль, в обязательном порядке включают в себя *три компонента*:

1. Спецификация модуля.

Спецификация модуля содержит его общую характеристику, а именно: название модуля, цели обучения, результаты обучения, критерии оценки результатов, уровни освоения, требования к объекту оценки, входные требования, нормативная продолжительность обучения, пояснительная записка.

Название модуля. Название должно отражать назначение и (или) содержание модуля.

Цели обучения. При их описании указывается совокупность профессиональных задач и функций, которые сможет осуществлять обучающийся по окончании изучения модуля. Цели носят деятельностно-ориентированный характер и должны фиксировать планируемые изменения в способах деятельности обучающегося.

Результаты обучения. В качестве результатов указывается перечень умений, составляющих компетенцию(ции), которые предъявляются к оцениванию. Результаты устанавливают, что обучающийся будет уметь делать по завершению обучения, каким стандартам будет соответствовать его деятельность или в каких условиях он сможет применить умения.

Критерии оценки результата. Рейтинговая система оценивания качества учебной работы студентов в данном модуле.

Рейтинг по модулю – сумма баллов рейтинг-контроля текущей работы и промежуточного рейтинг-контроля по отдельному модулю.

Рейтинг по модулю – это интегральная оценка результатов всех видов учебной деятельности студента по изученному модулю, включающая:

- входной контроль;
- рейтинг-контроль текущей работы;
- промежуточный рейтинг-контроль;
- итоговый рейтинг-контроль;
- добор баллов (дополнительные задания).

2. Оценочные материалы.

Оценочные материалы содержат совокупность дидактических измерительных средств для установления уровня достижения результатов обучения по всем критериям оценки и эталоны их выполнения.

При разработке оценочных материалов следует обратить внимание на обеспечение валидности и надежности оценки.

Оценка каждого результата обучения в процедуре итогового контроля проводится отдельно по 100-балльной шкале.

Общий итоговый балл определяется как сумма баллов, полученных по отдельным результатам, на основании которых и выставляется оценка.

Дидактические средства оценки разрабатываются на основе критериев оценки результата и требований к объекту оценки спецификации модуля.

При проведении оценивания, кроме традиционных, используются и такие методы как: метод проектов, портфолио, метод экспертной оценки и другие.

3. Учебные материалы.

Учебные материалы содержат совокупность текстового материала и дидактических средств, необходимых для обеспечения достижения обучающимися заданных результатов обучения.

Для достижения каждого результата обучения обычно разрабатывается одна единица учебного материала – учебный элемент.

Учебный элемент может содержать рекомендации о возможности использования в процессе обучения существующих учебных материалов (учебников, справочников, научных изданий и т.п.) с указанием необходимых ссылок на источники в целом или их отдельные фрагменты.

Для реализации в учебном процессе обратной связи при разработке учебных материалов необходимо включать в учебный элемент задания текущего контроля с эталонами их выполнения.

Важную роль в реализации модульно-рейтинговой системы обучения студентов играет выбор методов обучения. Необходимо выбирать методы, которые помогают осознать, что знания – это не столько самоцель, сколько необходимое средство, обеспечивающее способность человека грамотно выстраивать свои мыслительные и жизненные стратегии, адаптироваться в социуме, самореализоваться как личность.

По нашему мнению, к таким методам относятся: студенческие лекции, лекции пресс-конференции, лекции с заранее запланированными ошибками, продвинутые лекции; самостоятельная работа обучаемых с источниками информации; лабораторные и лабораторно-практические работы, эвристические контрольные работы; творческие конкурсы; выполнение и защита проектов; использование рейтинговой оценки достижений учащихся. Функции педагога при этом должны варьироваться в зависимости от уровня подготовки обучающихся — от информационно-контролирующей до консультативно-координирующей.

Одним из основных элементов модульного обучения является система рейтингового контроля и оценки достижений обучающихся.

Эффективность функционирования модульно-рейтинговой системы обучения определяется выполнением совокупности дидактических условий на всех этапах ее практической реализации, в частности:

выявлением и формулированием компетенций;

осуществлением отбора содержания обучения адекватно выявленным компетенциям;

использованием в процессе обучения организационных форм и методов, обеспечивающих активизацию учебно-познавательной деятельности;

обеспечением процесса формирования компетентности будущих специалистов дидактическими средствами, адекватными новому содержанию.

Отметим *достоинства модульно-рейтинговой системы обучения*:

1. Модульное построение содержания обучения позволяет осуществить индивидуальный подход к обучению и более эффективно организовать самостоятельную деятельность студентов. Каждый студент может выбрать свою последовательность изучения модулей, индивидуальный темп и уровень изучения материала.

2. Накопительная система оценки учитывает большее число видов учебной деятельности, чем увеличивает объективность итоговой оценки и позволяет получить характеристику динамики результатов обучения каждого студента.

3. Открытая информация о текущем рейтинге стимулирует студентов к регулярным и планомерным занятиям, что приводит в итоге к повышению прочности знаний.

4. Система рейтинга приводит к дифференциации студентов, она выступает не только как средство повышения эффективности и качества учебного процесса, но и как средство сознательной работы личности – стремление к самоусовершенствованию и т.д.

5. Формирование творчески мыслящей личности является, в свою очередь, условием относительно безболезненной адаптации к изменяющимся жизненным обстоятельствам в современном обществе, интеллектуальной восприимчивости, гибкости мышления,

формирования естественной и социально-экономической картины мира, собственного оценивания своих знаний.

Несмотря на достоинства, использование модульно-рейтинговой системы в обучении можно отметить и *некоторые проблемы*:

- значительные трудозатраты преподавателя на этапе педагогического проектирования;

- отсутствие тщательно разработанных критериев оценки заданий (зачётных единиц) в рамках каждого модуля и каждого уровня усвоения, позволяющих максимально избавиться от субъективности преподавателя – здесь наиболее важной является правильность, точность выбранной шкалы и ее соответствие реальным знаниям.

Заметим, что в некоторых белорусских (да и российских) высших учебных заведениях модульно-рейтинговая система применяется не в полном объеме. Это связано с тем, что ранее применялась советская система обучения и оценивания, поэтому, чтобы не было слишком резкого перехода от одной системы к другой, текущая система обучения совмещает черты обоих способов организации учебного процесса. Из модульно-рейтинговой системы активно используются только модули и модульные контроли, позволяющие разбить изучаемый материал на части и сдавать их по очереди в течение всего семестра. Понятие кредита из данной системы студентам практически незнакомо, а рейтинговая оценка используется небольшим числом преподавателей. Из советской системы обучения используется оценка полноты изучения предмета, как правило, она измеряется в часах – это аналог кредита. Также используется стандартная 10-балльная шкала оценивания, которая позволяет оценить работу студента только по отдельным работам, но не в общем – это аналог рейтинга. В зависимости от того, на каком курсе учится студент, для окончательного контроля знаний используются либо экзамены, либо их аналоги – модульные контроли. Однако использование рейтингов для оценивания работы студентов, на наш взгляд, должно привести к повышению уровня знаний студентов, так как им будет предоставляться относительная свобода действий для набора требуемого рейтингового результата.

В целом, модульно-рейтинговая система создает условия для эффективной реализации дифференцированного и индивидуализированного обучения, обеспечивает гибкость и динамизм учебного

процесса, что позволяет в итоге говорить о возможности значительного повышения качества высшего образования.

Использованная литература

1. Близнац, Г. И., Рябцев, Н. А. История Беларуси (Модульная технология контроля знаний и умений студентов): Пособие для преподавателей и студентов всех форм обучения / Г. И. Близнац, Н. А. Рябцев. — Гомель: Белорус. гос. ун-т трансп., 2005. — 222 с.

2. Варенова, Л. И., Куклин, В. Ж., Наводнов В. Г. Рейтинговая Интенсивная Технология Модульного обучения / Л. И. Варенова, В. Ж. Куклин, В. Г. Наводнов. — 1993. — 67 с.

3. Горбачев, В. В., Добролюбов, Н. Н. Модульно-рейтинговая система в образовательной деятельности вузов: Практическое пособие для организаторов учебно-воспитательной работы и преподавателей / В. В. Горбачев, Н. Н. Добролюбов. — Мн.: УМЦ Минсельхозпрода РБ, 2004. — 28 с.

4. Кузнецова, Л. Г. Модульно-рейтинговая система как фактор повышения качества обучения математике / Л. Г. Кузнецова // Современные проблемы науки и образования. — М., 2006. — № 3. — С. 88 – 90.

5. Романович, Р. Г. Преимущества модульно-рейтинговой системы оценки знаний студентов / Р. Г. Романович // Беларусь на пути устойчивого инновационного развития: проблемы теории и практики: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — Минск: БИП-С ПЛЮС, 2007. — С. 358-359.

6. Сергеенкова, В. В. Управляемая самостоятельная работа студентов. Модульно-рейтинговая и рейтинговая системы / В. В. Сергеенкова. — Мн. : РИВШ, 2005. — 131 с.

7. Солянкина, Л. Е. Учебно-методический комплекс студента (при модульно-рейтинговой технологии обучения) // Специалист. — 1999. — № 2. — С. 12-14.

8. Управление учебной деятельностью на основе модульно-рейтинговой технологии : пособие / авт.-сост. : А. И. Гридюшко, Е. И. Сафанков. — Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2010. — 53 с.

9. Учебно-методические комплексы : мода или потребность? // Высшейшая школа. – 1999. – № 3-4. – С. 134-135.

10. Учебно-методический комплекс : модульная технология разработки : учеб.-метод. пособие / А.В. Макаров [и др.]; под общ. ред. А.В. Макарова, З.П. Трофимовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : РИВШ, 2008. – 152 с.

Современное искусство и культурный активизм: практики взаимодействия

Т.В. Кедрик, ст. преподаватель

Когда сегодня говорят об искусстве, то имеют в виду современное искусство (contemporary art), его институции и область распространения. Это означает, что территория современного искусства является гегемоном художественных практик современности. «В отличие от других жанров художественного творчества – театра, кино, музыки, литературы, архитектуры, – которые все еще ограничены канонами жанра и местом или типом его репрезентации, рамками собственного «языка», современное искусство смело мигрирует из одного жанра в другой, вбирает в себя совершенно разные и порой неожиданные модусы выражения. Более того, обращаясь к зонам социальной архитектуры, урбанистических модернизаций, постколониальной политики или политического сопротивления, оно не боится потерять свое художественное «лицо». В этом «арт» вполне соответствует своей авангардной генеалогии. Он смело отодвигает границы искусства, а порой и устраняет их» [1, с. 72]. Такая «всеядность» современного искусства объясняется тем, что исторически как первый (1910-1920 гг.), так и второй этапы авангарда (1950-1960 гг.) рассматривали проект революционизирования и переделки не только в отношении изобразительного искусства, но и ко всем видам творчества, не забывая о социальной инфраструктуре и человеческих общностях. Вот почему в своих наиболее смелых и авангардных проявлениях современное искусство отказывалось от понятия «произведения искусства» как термина классической эстетики XIX в.

Стили «Модерн» и «Ар Нуво» в самом конце девятнадцатого века стали мостом, переброшенным от символизма и романтизма к эпохе авангарда, т.е. от искусства, призванного «достигать» тайны жизни, к искусству, пытавшемуся добиться непосредственных изменений в самой этой жизни и её вероятном развитии.

В целом, социальная утопия модерна питалась оптимизмом и верой в «культурную эволюцию» человечества, а контакты между художниками и левой политической средой не носили систематического характера и ограничивались интеллектуальной симпатией. Однако уже тогда возникла традиция максимального сближения экспериментального искусства с радикально-левым движением, вплоть до вступления отдельных художников в революционные организации.

Начиная с коллективного манифеста «Ко всем художникам!» (1919 г.) немецкий экспрессионизм и практический марксизм постепенно идут на сближение. Пехштейн и Феликсмюллер на рубеже 20-х гг. XX в. вошли в «Ноябрьскую группу», не скрывавшую своей большевистской ориентации, а Хеккель и Шмидт-Ротлуфф стали членами «Рабочего Совета по искусству», поддерживающего постоянные контакты с Луначарским и Лукачем.

Одним из первых авангардных направлений, насчитывавших в своих рядах сотни, если не тысячи, последователей, была «новопредметность» («Neue Sachlichkeit»), распространившаяся в Германии в 20-е гг. XX в. Пионерами «новопредметности» выступили художники Бекман, Гюнтер, Дикс и Гросс. Пресса спорила о том, как адекватнее истолковывать содержание их полотен: фантазии травмированного мировой войной и экономическим рабством сознания или наиболее глубокий портрет обобщенного европейского мегаполиса, зараженного капиталистическим вырождением. Циклы Дикса «Война» и «Большой город» воспринимались как обвинение всей системы власти, «хирургия» вскрывала базовые принципы буржуазного «бестиария» [2]. В 1924 г., чтобы подчеркнуть свою критическую ангажированность, Гросс вместе с Диксом и Шлихтером создали «Красную группу», непосредственно участвовавшую в организации визуального стиля левого политического фронта.

Дадаизм стал прообразом для последующих вариантов антибуржуазной контркультуры в Европе и США вплоть до наших дней.

Впервые ставка делалась не просто на «другое искусство», конкурировавшее с официальным, а на возникновение «другого» человека с совершенно «другим» и «непонятным гниющему обществу» языком, поведением и системой ассоциаций. Прежняя этика, эстетика и культура объявлялись «устаревшей одеждой для слабых мышц» и «моральными предохранительными клапанами элит», искусство, в каком виде оно существовало до Первой мировой войны, предлагалось ликвидировать, а прежние художники именовались «тыквами, выросшими на навозе буржуазии». Главное же отличие нового творчества от старого сравнивалось с качественной разницей между простым рабочим классом и организованным революционным пролетариатом. Стратегическая цель дадаистов – трансформация языка через разоблачение социальных антагонизмов, составляющих суть всех современных знаковых систем. Тактически же основным приемом являлись «акции» – постоянные провокации самих себя и окружающих, призванные «раскачать» обыденное сознание и «вытащить человека из гетто привычных вещей и предсказуемых связей». Параллельно, на близких идеях, дадаизм развивался в Нью-Йорке, где Дюшан, Рей и Пикабия строили свои абсурдные «контрфункциональные» машины.

Акции дадаистов предполагали скандалы и нередко прерывались полицией. На Парижском дада-фестивале они рубили разделочными ножами большие воздушные шары с написанным на каждом шаре именем какого-нибудь реакционного политика. В Кёльне, помимо других экспонатов, выставили топор и плаху, «чтобы каждый мог выразить свое отношение к происходящему», на берлинских мероприятиях под потолком болтался «пруссский архангел» – свиноголовый манекен в военной форме.

Социальная активизация сочеталась с искусством, тем более, что сюрреализм, и авангард вообще, всегда стремились к преодолению границ между этими понятиями и к рождению новой универсальной сферы, в пространстве которой «человек наконец-то возьмет на себя все те возможности, которыми он веками наделял богов, духов и сверхлюдей, порождаемых сознанием как отчужденная мечта о своих тайных возможностях».

Естественно, что новые поколения сюрреалистически настроенных литераторов и художников создавали новые группы. Так воз-

ник на рубеже 1940-50-х гг. леттризм Изибора Изу, утверждавшего, что нельзя разогнать буржуазию, не рассеяв на первичные элементы её язык, т.е. систему символов и понятий, которыми она опутала все остальное общество. В 1957 г. из леттризма рождается ситуационизм, провозглашенный Ги Эрнестом Дебором и его журналом «Ситуационистский интернационал». «Библия» этого нового направления – книга Ги Дебора «Общество спектакля» до сих пор остается культовым чтением антибуржуазно настроенной богемы, как и другие тексты, возникшие в той же среде – «Нищета студенческой жизни» Хайати и «Трактат об умении жить» Рауля Ванейгема. От своих старших товарищей - сюрреалистов, ситуационисты отличались прежде всего тем, что, согласно своей художественно-политической терапии пытались вырваться из пространства галерей и салонов, чтобы «провоцировать подавленное воображение на улицах, площадях и в университетах» [3, с.53]. Они срывали европейские премьеры голливудских фильмов, проводили шумные разоблачающие компании против Чарли Чаплина, Мэрилин Монро, а позже – против распространения диснейлендов и новой городской застройки.

Наибольший успех их идей – «студенческая революция» в мае 1968 г. в Париже и аналогичные выступления в других европейских столицах, подхватившие лозунги их журнала и продемонстрировавшие миру «баррикады, являющиеся художественно-политическими произведениями нового поколения» [4]. Французские художники, выставлявшиеся в 1968 г. на Венецианском биеналле, сняли свои картины, заявив, что они присоединяются к всеобщей забастовке, а художники «Майского салона» в Париже перенесли свои работы прямо на баррикады, подставив их под водометы полиции. Баррикады, обороняемые молодежью, украшались авангардными инсталляциями, статуями-коллажами, «объектами» и скульптурами из фруктов. Жиль Айо и Эдуардо Арройо перенесли свой «Красный зал за Вьетнам» к проходным крупнейших французских заводов, оккупированных рабочими. Студенты выкрасили красным статуи муз в саду Тюильри. Ночами по Сене плавал сюрреалистический театр, в исторических спектаклях которого мог принять участие всякий прохожий, перешагнувший с пристани на палубу-сцену. Любой желающий мог отправиться в художествен-

ные мастерские, совершенно бесплатно научиться там технике тиражной графики и тут же изготовить свой собственный, авторский плакат против де Голля и за революцию.

События 1968 г. стали не только моментом экспансии в массы ситуационизма, сюрреализма и вообще накопленной за полвека авангардной практики, но и серьезным испытанием для самих антибуржуазно настроенных арт-экспериментаторов. Левая волна конца 60-х гг. оказалась недостаточной для «изменения базовых принципов жизни», авангард в прежнем его понимании реализовался в рамках господствующей системы, атаковав, но не разрушив её границы. Стал необходим новый материал, точка опоры и новый художественный язык.

Таким языком стал поп-арт с его безудержной акриловостью красок, сменяемых порой тотально подавляющей зрителя монохромностью. Но главным отличием поп-арта от прежних авангардных движений было не новое отношение к вещам, а сами вещи, новый материал, теперь «остранению» или «деконструкции» подвергались не образы обыденной жизни и не образцы классического искусства прошлого, но единицы вездесущей массовой культуры и символы религии потребления.

Неопределенность смысла работы со всеми этими стандартами потребления и рекламного культа царил прежде всего в головах авторов, они то выдавали себя за анархистов, презирающих систему, или даже за марксистов, иллюстрирующих шествие товарного фетишизма по всей планете, однако тут же могли от всего отречься и подписать выгодный контракт с какой-нибудь корпорацией на создание фирменного стиля. Критики рекламы мгновенно превращались в её изготовителей и наоборот. «В конце концов возобладала родившаяся именно в недрах поп-арта теория «инновационного обмена», утверждающая что художник позднего капитализма – это всего лишь коммерческий агент, занятый поиском в обыденном мире всем известных элементов, которые еще никто не успел до него объявить искусством и продать в качестве такового» [2].

Если поп-арт в США, при желании, еще можно было выдать за примирение с миром и отказ от революционных претензий, т.е. от центрального признака авангарда, за культ расслабленного восторга от процесса всеобщего потребления управляемых рекламой толп, то

поп-арт в Европе с самого начала подчеркивал свою политическую заинтересованность.

Миммо Ротелла срывал со стен голливудские постеры, чтобы склеивать из них «коллажи гнева». Питер Сол, автор антиимпериалистического цикла комиксов «Супермен на унитазе», называл свои работы «обвинительными актами» и призывал «покончить с искусством для интеллигенции и дать наконец победоносные образцы, выводящие потребителя из ежедневного иллюзорного равновесия, аналогичного исторической смерти». В ответ на афоризм концептуалиста Джозефа Кошута «Искусство это определение искусства» представители нонконформного поп-арта, который теперь критика отличала от «развлекательного», отвечали: «Искусство это моральный акт». Герхард Рихтер воспроизводил в цвете фотографии молодых боевиков немецкой группировки «Фракция Красной Армии», взятые из газетных рубрик «Разыскиваются». Леон Голуб заслужил комплименты левых и обвинения в «красной пропаганде», выставив два цикла «Убийцы» и «Наемники», посвященных карательным действиям Пиночета в Чили и «эскадронов смерти» в Никарагуа.

В 1976 г. появляется и быстро укореняется термин постмодернизм, как и всякое популярное понятие, он обозначает несколько взаимоисключающих вещей сразу. Под постмодернизмом обычно понимают следующую ситуацию: в архиве человечества накоплено вполне достаточно всем доступной образности, чтобы художник мог в принципе отказаться от создания чего-то нового. Достаточно бесконечно и остроумно микшировать любые элементы разных культур, эпох и стилей и извлекать из этого прибыль, необходимую для обеспечения деятельности художников, развлекающих публику. Идеальной иллюстрацией такого подхода являются акции современного художника Кристо, упаковывающего в розовую, серебристую или прозрачную пленку любые объекты, чем больше – тем лучше, от берлинского Рейхстага до целых тропических островов. Эта «упаковка гигантов» стала для Кристо автографом, источником прибыли и принесла ему планетарную славу. Согласно постмодернистской вере все прежние «мироустроительные» претензии авангарда должны быть оставлены как опасные и тоталитарные. Понятия «истинности», «ценности» и «полезности» становятся в шоу-обществе настолько относительными, что превращаются всего

лишь в сиюминутную игру, отныне нет «важного» и «второстепенного», «центра» и «периферии», «частного» и «общественного», «продажного» и «протестного», есть только доставляющие удовольствие образы всего этого, меняющие своё положение внутри тела гигантского массового зрелища, идущего на смену религии и политике. Во вселенной постмодернизма куцым воспоминанием об авангардном прошлом художника является только смех. Мы все имеем право смеяться по любому поводу. Власть капитала укрепляет себя, постоянно хохоча над своей системой посредством постмодернистских игр, играющих роль «культурного наркотика», обеспечивающего совершенно неадекватную эйфорию общества.

Такой анализ ситуации, и, особенно, выводы, не устроили очень многих художников и теоретиков искусства по обе стороны океана. В 1980-х годах в кругах недовольных возникла альтернативная теория «арт-забастовки». Согласно ей, большинство новых художников действительно отказываются от производства чего-то существенно нового, но вовсе не потому, что в этом отныне нет необходимости, а потому, что сознательно или интуитивно не хотят обслуживать буржуазию, которая всякий раз, как показывает история авангарда, умудряется приватизировать любой радикальный арт-проект, превратив его всего-навсего в модный и сиюминутный «стиль» – имитацию внешних атрибутов при полном равнодушии к внутреннему посланию. Дабы не служить «массовому спектаклю» художники, находящиеся в состоянии перманентной арт-забастовки, зарабатывают на «остранении» и «смешивании» существовавшего до них материала, тогда как подлинные свои новации они реализовывают вдали от галерей и арт-журналов, в некоем освобожденном пространстве или автономной зоне. Под таким пространством понимаются контркультурные издания, несанкционированные уличные акции, захваченные сквоттерами пустующие дома, альтернативные поселения экологов, пиратские радиостанции, некоммерческие арт-фестивали, вроде американского «Брайнен Мэн», проходящего ежегодно в пустыне Невада, и другие.

Первой публичной «арт-забастовочной» акцией считается выступление авангардного композитора Джона Кейджа «Пять минут тридцать три секунды», во время которого он сидел перед роялем указанное время, так и не притронувшись к клавишам. Сейчас по-

нятие «арт-забастовки» чаще всего связывают с фигурой Стюарта Хоума – лондонского художника и писателя, кумира современных английских антиглобалистов. «Мы призываем всех художников отложить свои инструменты и прекратить делать, представлять, продавать, показывать или обсуждать свою работу с 1 января 1990 г. до 1 января 1993 г. Мы призываем все галереи, музеи, агентства, альтернативные места, периодические издания, театры, художественные школы и т.д., прекратить свою работу в течение того же периода времени. Производство искусства мистифицировано и поглощено рынком, а деятели искусства оказались манипулируемыми и маргинализированными из-за самоидентификации с термином «художник» и всем тем, что подразумевает это понятие. Мы намереваемся непосредственно подвергнуть сомнению роль художника и его положение в системе власти, сложившееся в рамках нашей культуры» [5].

К сожалению, не оправдались пока прогнозы арт-забастовщиков насчет востребованности их работ в третьем мире, куда, как многие из них считают, переместилось из офисных стран не только массовое производство, но и вообще социальная история человечества. Партизанское движение в Колумбии, Непале и на Филлипинах эстетически питается от местных национальных корней, единственным, пожалуй, исключением, являются мексиканские сапатисты штата Чиapas, с симпатией относящиеся к художественным авангардистам и легко смешивающие свою индейскую специфику с новациями левого искусства, что всего за несколько лет создало им и их лидеру, субкоманданте Маркосу, славу наиболее адекватного и перспективного партизанского движения 1990-х годов.

Для заострения политического смысла и критического анализа нынешней системы актуального искусства как иерархии симптомов, сообщающих о практически не регистрируемых прессой, но очень важных общественных процессах, немало сделал американский арт-теоретик Фредерик Джеймисон, вот уже тридцать лет упрямо именующий себя «марксистским диагностиком искусства». С самого начала Джеймисона занимали полицейские функции музеев, узаконивающих систему путем организации контекста «художественной истории», рецепты топлива для машин пропаганды в либеральном мире, более эффективные методы «упаковки» информации, при-

шедшие на смену цензуре, и роль «менеджеров сознания», владеющих этими методами, разоблачение извращенного аппетита современных медиа ко всякого рода отклонениям от нормы, якобы «обязательным» для творческой личности и т.д. Достаточно напомнить, что именно Джеймисону принадлежит разработка термина «политическое бессознательное», общепотребительного сегодня для радикальных левых и, особенно, для художников, критически настроенных к арт-рынку.

У Джеймисона были и остаются верные ученики и последователи, взявшие на себя миссию художника-диагностика, художника-критика и даже художника-провокатора. Самый известный из них – Ханс Хааке, начавший в семидесятых с выставки-расследования не предназначенных для чужих глаз файлов страховой нью-йоркской компании недвижимости в музее Гуггенхайма в качестве «портретов и зарисовок, документирующих нынешнюю ежедневную жизнь». Выставка была немедленно запрещена, а её куратор вообще из музея уволен. С тех пор Хааке проводил свои агрессивные арт-компании против крупнейших мировых корпораций, включая Мобил, Филипс, Филип Моррис, Тиффани и др. На него подавали в суд адвокаты Тэтчер, Рейгана и Буша. В Роттердаме, без комментариев, он выставлял «художественное имущество», оставшееся от угольного магната Бойманса, жуткая поясная статуя самого Бойманса каталась по залам на специальной тележке, рискуя задавить посетителей, а вот выставка, организованная вокруг картины известного импрессиониста Сера, наоборот, представляла собой один сплошной комментарий с именами, биографиями, состояниями, политическими пристрастиями и причинами смерти владельцев этой картины за последние полтора века. В настоящее время Хааке продолжает действовать, исходя из того, что задачи современного авангарда это создание новой критической эстетики и анализ деятельности тех институций, которые снабжают общество символами, затребованными рыночной системой.

Американка Марта Рослер, также ненавидящая планетарную корпоративную диктатуру и продолжающая в своих «уточненных фото» смешивать идеальный интерьер из мебельной рекламы с окопами, полными трупов, первую леди у камина с расстрелянной жертвой этнических чисток, улицу, разрушенную танками военного

переворота в бывшей колонии со строительством безупречного Сити в вечной метрополии и т.д. Рослер признается, что в последнее время её художественная активность вдохновляется книгой антиглобалистки Наоми Кляйн «Без Лого, или Целясь в громил корпоративного бизнеса». Относит себя к поклонникам Наоми Кляйн и современная группа «Анонимное желание», раскрашивающая на своих холстах проекции фотографий, непосредственно «доводящая» фото с помощью компьютеров и создающая «проекты революционного видения» в виртуальной анимации, в частности, оживляя комиксы Рэймонда Петтибона, много лет продолжающего визуальные традиции французских гашистов 1968 г. и русских обериутов в своей индивидуальной войне с логикой и смыслом, как понимает эти слова общество, одержимое тотальной прибыльностью.

Другой, сохранившейся по сей день авангардной практикой остается акционизм, т.е. вторжение радикального художника на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом, провоцирующим власть реагировать, а зрителя – думать. Наибольшего успеха в этой области добился Кристоф Шлингезиф, начинавший как театральный режиссер и телеведущий, но бросивший все прежние занятия ради арт-экстремизма. В один прекрасный день он призвал немецких бездомных и сочувствующих им собраться на берегу Вольфгангзее и дружно войти в воду, чтобы озеро вышло из берегов и затопило стоящую рядом резиденцию канцлера Коля. В итоге полиция вылавливала участников акции сотнями, акционист был задержан и замысел сорван. На радикальных демонстрациях группа Шлингезифа переодевается в форму, подобную полицейской, и с удовольствием вступает в единоборство с «нормальной» полицией, после чего в новостях показывают «противостояние двух полиций», устраиваются карнавалоподобные «народные инспекции» парфюмерных магазинов и дорогих бутиков, приводящие к преждевременному закрытию этих заведений, «арт-атаки» на офисы сайентологов и других тоталитарных сект. Предложение «Дойче-Банка» провести для него уличную рекламную компанию в 2000 г. Кристоф воспринял как попытку подкупа. Получив все причитающиеся ему деньги, в назначенный день он залез на крышу банка и разбрасывал оттуда купюры, парализовав тем самым городское движение и нормальную работу офисов Сити на не-

сколько часов, а его друзья из немецкой «киногруппы им. Дзиги Вертова» снимали происходящее внизу и брали интервью у ошале-лых прохожих, разгневанных полицейских и нервничающих биз-несменов. Продолжать «компанию» банк отказался, заявив, что «ответственный бизнес не нуждается в таких художниках».

Сегодня для больших художественных институций, прессы и публики «авангард» перестал быть принципом и стал всего лишь названием стиля художественного поведения, ничего по существу нигде не меняющего и не стремящегося изменить. Отсюда регулярно возникающие и столь же быстро гаснущие «неодадаизмы», «неофутуризм» и т.д. Отдельные исключения, о которых упоминалось выше, вызывают уважение и могут быть очень полезны для будущих радикальных проектов, особенно – для альтернативных медиа, но все-таки не они выражают общей тенденции. Полвека назад, когда авангард был принципом, намерением немедленно и необратимо изменить мир, в его орбиту и под его влияние попадали даже те стили и авторы, которые внутренне были чужды революции и вполне удовлетворялись декоративной, расслабляющей ролью искусства в обществе. Даже им приходилось строить из себя «анти-буржуазных радикалов», таков был культурный климат. Сегодня всё обстоит с точностью до наоборот: даже искренние критики системы и носители альтернативы смотрятся как часть безобидного «авангардистского цирка» и мало у кого вызывают серьезное отношение. Бесконечные и все менее интересные «биеналле», арт-фестивали и конференции иллюстрируют вышеописанную теорию «инновационного обмена» с её депрессивным культом переливания образов из пустого в порожнее.

В Восточной Европе появилась новая форма взаимодействия искусства и культурного активизма – субверсивная аффирмация.

С середины 1960-х годов наблюдается использование субверсивной или подрывной аффирмации (преизбыточное утверждение, поскольку смысл явления сводится к тактике «переиродить Ирода» или «быть более ревностным католиком, чем Папа Римский») в современных медиа и сетевых активистских контекстах. «Обращаясь к таким проектам и художникам как Хит Бантинг, - Innen , Кристоф Шлингензиф, ubermorgen , etoy , 01 org . и Yes Men , мы видим, что все они (более или менее успешно) используют тактику сопротив-

ления через посредство кажущегося утверждения и согласия с образом и корпоративной идентичностью и стратегиями своих противников» [6].

Методы субверсивной аффирмации, сформировавшиеся с начала 1960-х гг. именно в искусстве стран Восточной Европы, стали впоследствии, т.е. после 1989 г., усиленно проникать на Запад, усваиваться там и уже оттуда распространяться и на другие области, как, например, (медиа) активизм. Эти стратегии подрывной аффирмации, возникнув сначала под давлением обстоятельств в социалистических странах Восточного блока, а затем сознательно взятых на вооружение художниками этих стран, развились в «искусство действия» и в специфические виды искусства акции и перформанса, которые оказались теми редкими явлениями, которые в 1990-е годы были импортированы Западом с Востока.

Не случайно такая художественная тактика зародилась в так называемых репрессивных режимах еще с конца 1920-х годов. Можно даже утверждать, что сам генезис этой тактики мог иметь место исключительно в условиях действия тоталитарной машины. Оказалось, что такая художественная тактика, это порождение откровенно репрессивного режима, вдруг возродились в совершенно других политических, социальных и экономических условиях, о которых принято говорить как о либеральных.

Если в контексте откровенно репрессивной системы диапазон возможностей высказывания был предельно узок, сегодня мы имеем дело с ситуацией, где позволено говорить все (а потому ничего). Индустрия культуры умудряется вбирать в себя и апроприировать самые критические позиции и тем лишать их всей остроты. В обоих контекстах дистанцирующаяся («внешняя») критическая позиция оказывается невозможной или неадекватной. В такой ситуации, обусловленной стратегией тотального поглощения и апроприации критических позиций господствующей политической и экономической системой, сопротивленческий потенциал сохраняет только подобная всепроникающему вирусу тактика подрывной аффирмации.

С начала 1970-х годов элементы подрывной аффирмации наличествуют в контекстах неофициального искусства в странах бывшего Восточного блока. Эти стратегии, вызванные к жизни репрессивной политикой государства (иначе, андеграунд) в подсоветских

странах Восточной Европы и впоследствии принятые на вооружение уже сознательно, привели к своеобразному «практическому искусству». Примеры подобного восточно-европейского «практического искусства» 1970-х годов – «Комендантские работы» Анатолия Жигалова (Россия), «Поможем засеять поля Родины» московской группы «Гнездо», «Собиратель заслуг» Пауля Нигу (Румыния), в 1980-е стратегии коллективизма и гиперидентификации группы «Лайбах/НСК», «державные» акции «Orange Alternative» в Польше, «Вечера памяти поручика Ржевского» группы «Мухомор» и «Очищение рек» «Чемпионов мира» (обе группы из России), в 1990-е годы участие в выборной кампании «Независимой контрольной комиссии» (группа «Радек» из Москвы) или работа Рассима Крастева «Западное тело» (Болгария).

Сегодня, в ситуации, когда критическая точка зрения мгновенно и тотально поглощается и апроприруется господствующей политической и экономической капиталистической системой, концепция критического дистанцирования оказывается полностью несостоятельной. Мы сталкиваемся с новой тотальностью, которая исключает всякую возможность «внешней» позиции или дистанцирования. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что эта тотальность не есть тотальность тоталитаризма, хотя и результаты аналогичны. В этой новой тотальности – тотальности рынка, потребители либо обречены пассивно потреблять (т.е. активно играть роль потребителей, предписанную им тотальностью рынка) либо развивать практики, которые заключаются в том, чтобы творчески овладеть продуктом, навязываемым господствующим порядком. Тактика потребителя сегодня полностью сводится к готовой продукции (ready-made), которая – путем творческих практик потребителя – начинает последовательно функционировать в совершенно ином порядке.

Список использованной литературы:

1. Чухров, К. Произведение искусства в современную эпоху – генеалогия и ориентиры / К. Чухров. // Логос. – 2010. – № 4.
2. Цветков, А. Художественный авангард и социалистический проект / А. Цветков [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.guelman.ru/anarch/12/hud1.htm>. – Дата доступа: 10.04.2012 г.

3. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – Москва: Логос, 2000. – 184 с.

4. Ванейгем, Р. Трактат об умении жить для молодых поколений / Р. Ваненгейм / [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.gramotey.com/books/1269096981.htm<http://conceptualism.letov.ru/inke-arns-sylvia-sasse-on-mimesis-as-strategy.html>. – Дата доступа: 10.04.2012 г.

5. Хоум, С. Художественная забастовка 1990-1993 / С. Хоум // Что делать? [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.chtodelat.org/index.php?view=article&catid=127%3A3-emancipation-of-from-labor&id=69%3Aart-strike-1990-1993&format=pdf&option=com_content&Itemid=296&lang=ru. – Дата доступа: 10.04.2012 г.

6. Арнс, И., Зассе, С. Субверсивная Аффирмация: Мимикрия как стратегия сопротивления / И. Арнс, С. Зассе // Московский концептуализм [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://conceptualism.letov.ru/inke-arns-sylvia-sasse-on-mimesis-as-strategy.html>. – Дата доступа: 10.04.2012.

Роля традыцыйных спосабаў і сродкаў забяспячэння здароўя дзяцей у сучаснай беларускай сям’і

А.Дз. Якубінская, канд. гіст. навук, дацэнт

Важным аспектам функцыянавання этнакультурных працэсаў ў сучаснай беларускай сям’і з’яўляюцца традыцыйныя спосабы і сродкі забяспячэння здароўя дзяцей. Для таго, каб ахарактарызаваць традыцыйныя спосабы і сродкі забяспячэння здароўя дзяцей, неабходна вызначыць наступныя паняцці: здароўе, традыцыйныя спосабы і сродкі яго забяспячэння, здаровы лад жыцця.

Пад *здароўем* чалавека трэба разумець такі стан развіцця арганізму, пры якім чалавек здольны адаптавацца да розных умоў існавання ў навакольным асяроддзі і здольны выконваць свае біялагічныя і сацыяльныя функцыі. Вылучаецца фізічнае, псіхічнае і маральнае здароўе чалавека. У традыцыйным сялянскім грамадстве беларусаў здароўе мела вялікі сацыяльны прэстыж і лічылася сапраўднай каштоўнасцю чалавека. Увогуле, для

беларускай традыцыйнай культуры была характэрна ўстаноўка на здароўе з моманту нараджэння чалавека. Прыкладам таму могуць быць пажаданні здароўя немаўляці ў такой спецыфічнай з’яве беларускага фальклору, як хрэсьбінныя “песні-зычэнні”, якія насычаны пажаданнямі здароўя немаўляці і парадзісе. Аднак традыцыйным уяўленням беларусаў, *здароўе чалавека было гарманічна звязана з прыродай, а хвароба сведчыла аб парушэнні гэтай сувязі*. Менавіта таму сярод усходніх славян, у тым ліку і беларусаў, было распаўсюджана ўяўленне аб узаемнай сувязі чалавека і дрэва, якое быццам бы надае яму жыццёвую сілу і здароўе, аб чым сведчыць агульнаславянская этымалогія слова “здароўе”, а таксама звычай саджаць дрэва пры нараджэнні дзіцяці, выліваць вадку пасля купання немаўлят пад дрэва.

Традыцыйныя спосабы і сродкі забеспячэння здароўя выконвалі галоўную ролю ў працэсе сацыялізацыі дзяцей, што праяўлялася асабліва ў дачыненні да дзяцей ва ўзросце ад нараджэння да шасці-васьмі гадоў. Паняцці *спосабаў і сродкаў забеспячэння здароўя* з’яўляюцца блізкімі па значэнню, іх уздзеянне на чалавека ажыццяўляецца адначасова. Спосабы забеспячэння здароўя паказваюць, праз што (якім чынам) адбываецца фарміраванне здароўя дзіцяці, напрыклад, праз рацыянальны рэжым кармлення, правільнае апрананне, прафілактыку дзіцячых захворванняў і інш. Пад сродкамі трэба разумець, пры дапамозе чаго ажыццяўляецца забеспячэнне здароўя, напрыклад, дзіцячае адзенне, спецыяльныя дзіцячыя стравы, дзіцячая мэбля. Традыцыйныя спосабы і сродкі забеспячэння здароўя дзяцей залежаць ад традыцыйных узораў паводзін і светапогляду людзей. Пры дапамозе іх ажыццяўлялася перадача новаму члену супольнасці яе традыцыйных культурных каштоўнасцей, а таксама набыццё чалавекам адпаведных сацыяльных роляў.

Галоўная функцыя традыцыйных спосабаў і сродкаў забеспячэння здароўя – гэта прыстасаванне дзяцей да здаровага ладу жыцця, выхаванне паўнавартасных членаў сялянскай грамады. *Здаровы лад жыцця – гэта цэласная сістэма мерапрыемстваў, якая характарызуе актыўнасць і накіраванасць асобы на аднаўленне, захаванне і ўмацаванне яе фізічнага, псіхічнага і маральнага здароўя пры дапамозе спосабаў і сродкаў яго*

забеспячэння. Далучэнне дзяцей да здоровага ладу жыцця дазваляла ажыццяўляць іх генетычныя магчымасці ў канкрэтных сацыяльных і прыродных умовах традыцыйнага грамадства беларусаў. У традыцыйным грамадстве беларусаў лічылася, што для забеспячэння здароўя дзяцей у першую чаргу неабходна існаванне адпаведнага дзіцячага харчавання, дзіцячага адзення, спосабаў і сродкаў прафілактыкі і лячэння дзіцячых хвароб, спецыяльных спосабаў і сродкаў для авалодання дзецьмі тэхнікай цела.

Для вызначэння ролі традыцыйных спосабаў і сродкаў забеспячэння здароўя дзяцей у сучаснай беларускай сям'і аўтарам было праведзена этнаграфічнае даследаванне, у межах якога былі апытаны 415 рэспандэнтаў. Беларусы, рускія, украінцы і палякі, якія ўдзельнічалі ў апытанні, належаць да чатырох тыпаў сямей: малая нуклеарная сям'я (бацька, маці, 1-2 дзяцей), няпоўная сям'я (маці або бацька, 1-2 дзяцей), шматдзетная сям'я (маці, бацька, 3 і больш дзяцей), пашыраная сям'я (маці, бацька, 1-2 дзяцей, бабуля і (ці) дзядуля). Даследаванне паказала, што на сучасным этапе далучэнне дзяцей да здоровага ладу жыцця таксама ажыццяўляецца пры дапамозе традыцыйных спосабаў і сродкаў забеспячэння здароўя дзяцей, сярод якіх асабліва варта вызначыць наступныя: *навучанне дзяцей здароваму ладу жыцця, традыцыйныя выхаваўчыя прыёмы, фарміраванне працоўных навыкаў і абавязкаў дзяцей.*

76,8% рэспандэнтаў-беларусаў адзначылі, што *навучанне дзяцей здароваму ладу жыцця* – гэта той сродак унутрысямейнай сацыялізацыі, які выкарыстоўваецца ў іх сям'і. У цэлым, можна сцвярджаць, што дадзены аспект сацыялізацыі з'яўляецца важным для большасці сем'яў, незалежна ад іх тыпу, бо 293 рэспандэнты з 415 яго адзначылі. Пры гэтым, навучанне дзяцей здароваму ладу жыцця (спорт, рацыянальнае харчаванне) у большай ступені характэрна для малых няпоўных сем'яў (80,7%), крыху менш для малых нуклеарных сем'яў (76,1%), шматдзетных сем'яў (76,9%), пашыраных сем'яў (76,2%). Навучанне дзяцей здароваму ладу жыцця (спорт, рацыянальнае харчаванне) характэрна для 76,8% беларусаў, 81,5% рускіх, 66,7% украінцаў, 62,5% палякаў. Аналіз атрыманых дадзеных дазволіў вызначыць некаторыя традыцыйныя спосабы і сродкі прафілактыкі захворванняў, якія выкарыстоўваюцца беларусамі на сучасным этапе. У першую чаргу

гэта працэдура закалівання: 34,6% апытаных беларусаў адзначылі гэты сродак. У традыцыйных спосабах лячэння дзіцячых хвароб вылучаюцца два накірункі – рацыянальныя сродкі – масаж, лекавыя травы і нерацыянальныя – магічныя сродкі. Вельмі часта гэтыя накірункі спалучаліся. На сучасным этапе для лячэння *лекавыя расліны* выкарыстоўваюць 49,2% апытаных беларусаў, 50% украінцаў, 57,7% рускіх і 62,5% палякаў. *Рэжыму натуральнага кармлення і харчавання* дзяцей грудным малаком прытрымліваецца 71,9% беларусаў, што з’яўляецца самым высокім паказчыкам у параўнанні з прадстаўнікамі іншых этнічных груп (украінцы – 66,7%, палякі – 62,5%, рускія – 61,5%). У традыцыйным грамадстве беларусаў спецыфічныя спосабы лячэння дзіцячых хвароб выкарыстоўваліся толькі ў дачыненні да дзяцей самага малодшага ўзросту (прыкладна да двух – трох гадоў). Больш таго, уяўленні беларусаў аб “нетрывалым” становішчы дзяцей “на гэтым свеце”, абумоўленыя ўзроўнем вялікай дзіцячай смяротнасці, падмацоўвалі і спосабы “лячэння” дзяцей пры дапамозе магічных метадаў і прыёмаў, у першую чаргу, замовамі. Аналіз атрыманых дадзеных паказаў, што на сучасным этапе для “лячэння” дзяцей замовы выкарыстоўваюць вельмі рэдка, пры гэтым найбольшы паказчык зафіксаваны сярод украінскай этнічнай групы – 16,7%, беларусы – 4,9%, рускія – 3,8%, палякі – 0%. За нерацыянальнымі сродкамі лячэння дзіцячых хвароб да “бабак-шаптух” звярталіся 33,3% украінцаў, 25% палякаў, 11,5% рускіх і 8% апытаных беларусаў. *Як бачна, лячэнне дзяцей традыцыйнымі спосабамі і сродкамі (лекавыя расліны і замовы) на сучасным этапе найменш характэрна для беларусаў, што верагодна адлюстроўвае небяспечную тэндэнцыю, якая вядзе да страты традыцыйнага ўяўлення беларусаў аб залежнасці здароўя чалавека ад прыроды. Аднак, трэба адзначыць і той факт, што беларусы асэнсоўваюць залежнасць здароўя дзіцяці ад натуральнага рэжыму кармлення і харчавання, у першую чаргу кармлення мацярынскім малаком.*

У фарміраванні псіхічнага і маральнага здароўя дзіцяці важную ролю адыгрывае спадчынны фактар, мікраклімат сям’і, у якім дзіця расце і сталее, традыцыі выхавання. У традыцыйным грамадстве беларусаў лічылася, што выходзіць дзяцей трэба на *асабістым прыкладзе бацькоў*, а фізічныя пакаранні прымяняліся рэдка. Гэта

традыцыя захавалася і зараз у беларускіх сем'ях. Асабісты прыклад ва ўчынках бацькоў павінен выходзіць дзіця, лічаць 85,4% беларусаў, 92,6% рускіх, 66,7% украінцаў, 100% палякаў. Так, 328 рэспандэнтаў адзначылі асабісты прыклад бацькоў, як адзін з важнейшых прыёмаў сямейнага выхавання. У найбольшай ступені прыём характэрны для шматдзетных сем'яў (89,7%), крыху менш для малых (86,8%), няпоўных (84,2%), пашыраных (81%). *Параду, падтрымку, апеку, суправаджэнне* лічыць важнымі педагогічнымі прыёмамі абсалютная большасць усіх апытаных прадстаўнікоў этнічных груп Беларусі. Гэтыя традыцыйныя прыёмы сямейнага выхавання адзначылі 347 апытаных рэспандэнтаў. У найбольшай ступені такія прыёмы характэрны для шматдзетных сем'яў (100%), крыху менш для няпоўных (93%), пашыраных (92,3%), малых (88,9%).

Безумоўна, станоўчым момантам жыццядзейнасці дзяцей з'яўляецца набыццё вопыту, знаёмства з навакольным светам. Часам набыты вопыт мае адмоўны характар, што звязана з парушэннем бацькоўскай забароны. Так, вылучаюцца такія метады ўздзеяння на дзіця, як напамінак і прывучанне, перакананне, выкараненне шкодных звычак пры дапамозе маральнага і фізічнага пакарання, а таксама выкліканне агіды да чалавечых заганяў [1, с. 28]. Беларусы лічылі, што ва ўсім павінна быць мера, таму існавала строгая градацыя пакаранняў згодна з крытэрыем – “наўмысна ці не наўмысна” здзейснены учынак [2, с. 90]. Менавіта гэтым крытэрыем у адпаведнасці з цяжкасцю ўчынку вызначаліся такія меры пакарання, як вымова, пагроза, біццё “спражкай” (рамнём), дубцом, крапівой, “махрачом” (ануча, якой выціралі стол) і нават біццё пугай, дранне за вушы, цяганне за валасы. Як бачым, у выхаванні прысутнічалі розныя варыяцыі фізічных пакаранняў. Нават беларускія прыказкі і прымаўкі падкрэсліваюць выхаваўчую сілу бізуна: “Малая пражка падчас многа пасобіць” [3, с. 134]. На сучасным этапе фізічныя пакаранні, як выхаваўчы прыём, адзначылі 74 рэспандэнты. Фізічныя пакаранні характэрны найбольш для шматдзетных сем'яў (23,1%), для малых – 20,2%, для пашыраных – 16,7%, для няпоўных – 15,8%. *Прымяненне фізічных пакаранняў* у меншай ступені характэрна для беларусаў (17,6%), у большай ступені сустракаецца ў сем'ях палякаў (37,5%), рускіх (37%),

украінцаў (33,3%). Маральны ўціск на дзіця, як і фізічныя пакаранні, мала характэрны для традыцыйнага выхавання. І на сучасным этапе такі прыём выкарыстоўваецца рэдка, бо толькі 89 рэспандэнтаў адзначылі гэты педагагічны прыём. Маральны ўціск, як і фізічныя пакаранні, найбольш характэрны для шматдзетных сем'яў (30,8%), крыху менш для малых (24,7%), няпоўных (17,5%), пашыраных (16,7%). Аказанне маральнага ўціску і прымусу не характэрна для палякаў, мала характэрна для рускіх (22%) і беларусаў (23,8%), у большай ступені характэрна для украінцаў (50%).

Камунікатыўны вопыт дзеці набываюць не толькі ў дзіцячай суполцы, але і ва ўласнай сям'і. У сувязі з гэтым важнае значэнне маюць адносіны да бацькоў і іншых членаў сям'і. У традыцыйным грамадстве беларусаў дзеці вельмі пачціва і пакорліва адносіліся да бацькоў. Напрыклад, на Палессі дзеці звярталіся да бацькоў на “Вы” [4, с. 137]. На думку вядомай расійскай даследчыцы культуры мацярынства Н.Л. Пушкаровай, узаемаадносіны маці і дзіцяці звязваюцца шлюбна-сямейнай сферай, а таксама сацыяльнымі ідэаламі, інтарэсамі, абмежаваннямі [5, с. 104]. Увогуле, на здароўе малога дзіцяці ў першую чаргу ўплывае мікраклімат сям'і, у якой яно расце і сталее. Лічылася нават, што спрычыніць хваробу можа парушэнне парадку ўнутры адзінкі соцыуму – сям'і. Напрыклад, у традыцыйным грамадстве беларусаў маці ні ў якім выпадку не павінна была праклінаць сваё дзіця, называць яго дрэнным словам ці лаянкай. Да дзіцяці звярталіся: “сыночак мой, каласочак”, “дачушка”, “дзетка”. Сваеасаблівыя мянушкі і імёны, якія выкарыстоўваліся ў сям'і ў дачыненні да дзяцей, з'яўляліся важным элементам сямейнай традыцыі. У сям'і дзецям, асабліва малодшага ўзросту, давалі ласкавыя мянушкі, якія адлюстроўвалі іх рысы характару, асаблівасці знешняга выгляду і ўласцівасці. На сучасным этапе вобраз жанчыны-маці займае важнае месца ў жыцці кожнага чалавека. Для абсалютнай большасці апытаных рэспандэнтаў, незалежна ад тыпу сям'і, характэрны паважлівыя звароты для маці, падарункі на розныя святы, клапаціліва-ахоўныя адносіны да маці і выказванне слоў удзячнасці, прабачэння (лічбы вагаюцца ад 83,5% да 98,3%). Пры гэтым значна меншая колькасць рэспандэнтаў абмяркоўвае з маці ўласныя праблемы (лічбы ад 65,1% да

78%). Вобраз жанчыны-маці займае важнае значэнне ў свядомасці ўсіх апытаных прадстаўнікоў, незалежна і ад іх нацыянальнай прыналежнасці. Паважлівы зварот да маці характэрны для 100% украінцаў, палякаў, 90% рускіх і 83,9% беларусаў. Апека, падтрымка, дапамога маці характэрны для абсалютнай большасці рэспандэнтаў, незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці (ад 90 да 100%). Словы ўдзячнасці, прабачэння выказваюць маці 100% украінцаў, палякаў, 85% беларусаў і 80% рускіх. Абмеркаванне з маці ўласных праблем з мэтай атрымаць параду ў большай ступені характэрна для палякаў (87%) і рускіх (80%), крыху менш для беларусаў (74%) і ўкраінцаў (66,7%).

Традыцыйна адным з важнейшых сродкаў уключэння дзіцяці ў грамадства з'яўляецца *фальклор*. Праз фальклорныя творы дзеці набывалі першапачатковы сацыяльны вопыт, больш-менш усведамлялі асноўныя маральныя каштоўнасці грамадства. Пры дапамозе фальклорных твораў фарміраваліся адносіны да нацыянальных, рэлігійных і сацыяльных груп насельніцтва. Даследчыкі адзначаюць, што для кожнай сям'і характэрны спецыфічныя сямейныя тэксты (своеасаблівы сямейны слоўнік – сістэма імёнаў і мянушак, тэрміналогія роднасных сувязяў, мянушкі жывёл, назвы дзеянняў, якасцяў, выказванні, прыказкі і прымаўкі), сямейныя паданні аб продках, якія з'яўляюцца асобнай формай захавання сямейнай “тайнай” традыцыі [6, с. 28]. Менавіта таму трансляцыя фальклорнай традыцыі з'яўляецца важнай прайвай функцыянавання этнакультурных працэсаў у сучаснай беларускай сям'і. У цэлым трансляцыя фальклорных твораў у значнай ступені характэрна для ўсіх тыпаў беларускіх сем'яў, бо 320 рэспандэнтаў з 415 адзначылі гэты аспект сямейнага выхавання. Цікава, што асабліва выкарыстоўваюць гэты прыём бацькі ў няпоўных сем'ях (87,7%), крыху менш у малых (84,8%), пашыраных (83,3%), шматдзетных (74,4%), хаця пашыраныя і шматдзетныя сем'і ў цэлым характарызуюцца большай захаванасцю традыцыйных спосабаў і сродкаў выхавання. Сярод апытаных чытаюць дзецям ўслых, распавядаюць легенды і паданні, казкі, малююць, спяваюць для дзяцей 85,4% беларусаў, 66,7% рускіх, 100% украінцаў, 87,5% палякаў.

Надзвычай важную ролю ў працэсе сацыялізацыі чалавека адыгрывае *фарміраванне працоўных навыкаў і абавязкаў дзяцей*. У традыцыйным грамадстве беларусаў існавалі дзве формы сям'і: неразделеная бацькоўская ці неразделеная брацкая (складалася з некалькіх шлюбных пар з прамым ці бакавым сваяцтвам, якія вялі агульную гаспадарку) і малая (аднашлюбная пара, часам з адным з бацькоў ці іншым нежанатым родзічам). Даследчыкі традыцыйнай беларускай сям'і адзначаюць той факт, што менавіта неразделеная бацькоўская сям'я вылучалася большым захаваннем традыцыйных рыс, што было звязана з неабходнасцю цэнтралізаванага кіраўніцтва, а таксама большай колькасцю дзяцей (8-10 у параўнанні з 3-4 у малой) [7, с. 45,48]. Тэрмін пачатку працоўнай дзейнасці дзяцей залежаў ад формы сям'і. У вялікай неразделенай сям'і было больш дарослых, таму дзеці пачыналі працаваць пазней, выконвалі больш лёгкія работы, у адрозненне ад малой сям'і або няпоўнай, дзе не хапала працоўных рук і дзеці былі вымушаны пачынаць працу ўжо ў пяць – шэсць гадоў [4, с. 135]. У традыцыйным грамадстве беларусаў авалодванне дзецьмі працоўнымі навыкамі грунтавалася на двух прынцыпах: нельга надрываць дзіця, бо яно ў далейшым будзе дрэнна працаваць, трэба ўсяляк заахвочваць імкненне малога да працоўнай дзейнасці [2, с. 93]. Сяляне разумелі, што дзіця павінна атрымліваць задавальненне ад працы, і, што вельмі важна, разумець і ўсведамляць неабходнасць свайго ўдзелу ў ёй. *Далучэнне дзяцей да хатняй работы ў залежнасці ад узросту на сучасным этапе характэрна для прадстаўнікоў усіх этнічных груп Беларусі*. У параўнанні з прадстаўнікамі іншых народаў гэты выхаваўчы прыём выкарыстоўваецца ў большай ступені беларусамі (94,3%). Аналіз атрыманых дадзеных паказаў, што на сучасным этапе далучэнне дзяцей да хатняй работы ў меншай ступені характэрна для малой нуклеарнай сям'і (91,8%), крыху больш для малой няпоўнай сям'і (94,7%) і шматдзетнай сям'і (94,9%) і ў большай ступені для пашыранай сям'і (97,6%). Далучэнне дзяцей да хатняй работы ў залежнасці ад узросту характэрна для прадстаўнікоў усіх этнічных груп. У параўнанні з прадстаўнікамі іншых народаў гэты педагагічны прыём выкарыстоўваецца ў большай ступені

беларусамі (94,3%), крыху менш палякамі (87,5%), украінцамі (83,3%), рускімі (81,5%).

Асэнсаванне неабходнасці далучэння дзяцей да працоўнай дзейнасці цалкам адпавядае традыцыйным сацыяльна-культурным каштоўнасным арыенцірам беларускага этнасу, бо працэс фарміравання працоўных навыкаў і абавязкаў адбываўся ў дзяцей беларусаў у межах сям'і. Больш таго, у кожным перыядзе дзяцінства (ад нараджэння да шаснаццаці-сямнаццаці гадоў) працоўная дзейнасць дзіцяці адлюстроўвала яго сацыяльны статус. У шаснаццацігадовым узросце падлетак цалкам уключаўся ў працоўную дзейнасць сялянскай грамады. *Той факт, што неабходнасць далучэння дзяцей да хатняй працы ў большай ступені характэрна для пашыранай сям'і, з'яўляецца вынікам сумеснага пражывання прадстаўнікоў старэйшага пакалення з малодшым ў межах адной сям'і, значыць, большай захаванасцю традыцый выхавання ў сем'ях адзначанага тыпу. Такім чынам, у сучасных беларускіх сем'ях старэйшае пакаленне трансліруе малодшаму традыцыйныя сацыяльна-культурныя каштоўнасці, менавіта, любоў да працы.*

Рамёствы беларусаў маюць старажытныя вытокі і адлюстроўваюць гісторыю развіцця вытворчых сіл. Рамёствы з'яўляюцца адным з дапаможных відаў працоўнай дзейнасці беларусаў і адным з важнейшых аспектаў народнай культуры. Цесна звязаныя з векавымі народнымі традыцыямі, рамёствы захоўваюць найбольш самабытныя рысы этнасу. Яны часта з'яўляюцца заняткамі “для душы”, таму адлюстроўваюць унікальныя рысы народнай творчасці. Ва ўнутранай структуры традыцыйнай рамеснай вытворчасці ў залежнасці ад зыходнага матэрыялу вылучаюцца асобныя групы: дрэваапрацоўчая, металаапрацоўчая, апрацоўка мінеральнай сыравіны, сыравіны жывёльнага паходжання, вытворчасць адзення, якія ў сваю чаргу складаюцца з больш вузкасפעцыялізаваных заняткаў [8, с. 75]. У беларусаў існавалі мужчынскія і жаночыя віды рамёстваў. Напрыклад, да мужчынскіх рамёстваў належаць гарбарства, шапавальства, ганчарства, кавальства і іншыя. Жанчыны захоўвалі традыцыйную манаполію ў апрацоўцы ільну, пянькі і воўны, у прадзенні і ткацтве, а таксама ў вязанні і вышыванні [8, с. 76]. Такім

чынам, рамёствы з'яўляюцца важным аспектам функцыянавання этнакультурных працэсаў унутры грамадства, а таксама ад навучання рамёствам залежаць многія аспекты сацыялізацыі дзяцей. У традыцыйным грамадстве беларусаў умацаванне палавых роляў хлопчыкаў і дзяўчынак вызначала іх арыентацыю на далейшую мужчынскую і жаночую працоўную дзейнасць. Працэс авалодвання рамёствамі і фарміраванне працоўных абавязкаў можна прасачыць на прыкладзе эвалюцыі ткацкага майстэрства дзяўчынкі. У.М. Дабравольскі апісвае цікавы абрад прысвячэння дзяўчынкі ў прахі: 6-8 гадовая дзяўчынка ўрачыста выпрадала першую нітку, якую затым спальвалі. Попел будучая праха павінна была праглынуць, каб мець далейшы поспех у справе прадзення [9, с. 349-350]. У абрадзе прысвячэння дзяўчынкі ў прахі можна заўважыць рэшткі пераходнага абраду, які не толькі арыентаваў дзяўчынку на далейшую працоўную дзейнасць, але і замацоўваў новы сацыяльны статус дзяўчынкі і яе гатоўнасць да набыцця працоўных навыкаў ў прадзенні. Увогуле, у беларусаў існаваў даволі дакладны паэтапны падзел ткацкага майстэрства. Спачатку дзяўчынка навучалася прадзенню, а затым ткацтву. Так, гледзячы на гатовую “кудзелю”, можна было даволі дакладна вызначыць узрост прахі. Дзяўчынкам другога перыяду дзяцінства (ад шасці – васьмі да дзесяці год) даручалася прасці так званую “атропачную кудзелю” (кудзеля нізкай якасці), бо ў гэты перыяд адбывалася авалоданне навыкамі прадзіва. А “верхачысную кудзелю” (кудзелю самай высокай якасці) пралі дзяўчаткі пераходнага ўзросту дзесяці – чатырнаццаці гадоў, гэта ўжо быў іх асноўны абавязак. Авалодванне дзяўчынкамі навыкамі ткацкага майстэрства пачыналася прыкладна ва ўзросце дзесяці – дванаццаці год, калі іх фізіялагічныя асаблівасці (у першую чаргу рост, даўжыня рук і ног) дасягалі належнага стану, што дазваляла ім свабодна сядзець і працаваць за ткацкім станком. Трэба адзначыць урачыстасць таго моманту, калі дзяўчынец ўпершыню ўдавалася заняць месца ткачыхі, што лічылася вельмі прэстыжным у дзявочай суполцы і таксама служыла своеасаблівай адзнакай пачатку далучэння да жаночых відаў дзейнасці. У гэты перыяд дзяўчынка, якая ўжо прала кудзелю, пачынала набываць навыкі ў другім этапе ткацкага майстэрства – уласна ткацтве. Як бачым, авалодванне жаночымі

відамі рамёстваў з'яўлялася важнейшым момантам унутрысямейнай сацыялізацыі дзяўчынкі, бо фарміравала ў яе свядомасці асноўныя каштоўнасці жаночай адаптацыйнай стратэгіі. *Навучаюць дзяцей рамёствам 45,8% беларусаў, 40,7% рускіх, 50% украінцаў, 50% палякаў. Нягледзячы на тое, што рамёствы былі шырока прадстаўлены ў традыцыйным грамадстве беларусаў і навучанне рамёствам з'яўлялася адным з асноўных момантаў сацыялізацыі дзяцей, ў сучасных беларускіх сем'ях навучанне традыцыйным рамёствам прадстаўлена нязначна, ўсяго 174 рэспандэнта з 415 адзначылі гэты аспект традыцыйнага выхавання. Навучанне традыцыйным рамёствам у пракладна роўнай ступені ажыццяўляецца ва ўсіх тыпах сем'яў: у няпоўных сем'ях – 49,1%, у шматдзетных – 46,2%, малых нуклеарных – 45,3% і пашыраных – 42,9%. Гэтыя дадзеныя сведчаць аб паступовым выключэнні традыцыйных рамёстваў з выхаваўчага працэсу, што, у сваю чаргу, істотна збядняе унутрысямейную сацыялізацыю дзяцей. Тым не менш, гэты аспект пераносіцца ў пазасямейны выхаваўчы працэс.*

Такім чынам, роля традыцыйных спосабаў і сродкаў забеспячэння здароўя дзяцей у сучаснай беларускай сям'ядлюстравана ў наступных вывадах:

1. Прыстасаванне дзяцей да здаровага ладу жыцця адбываецца праз наступныя *традыцыйныя спосабы і сродкі забеспячэнні здароўя дзяцей*. Прафілактыка захворванняў, лячэнне дзяцей лекавымі раслінамі і замовамі на сучасным этапе найменш характэрна для беларусаў, што, верагодна, сведчыць аб магчымасці страты традыцыйнага ўяўлення беларусаў аб залежнасці здароўя чалавека ад прыроды. Аналіз традыцый кармлення і харчавання дзяцей ў сучаснай беларускай сям'і дазволіў выявіць найбольшую захаванасць гэтага сацыяльна-культурнага вопыту ў шматдзетных і пашыраных сем'ях беларусаў. Беларусы па-ранейшаму асэнсоўваюць залежнасць здароўя дзіцяці ад натуральнага рэжыму кармлення і харчавання, у першую чаргу кармлення мацярынскім малаком.

2. Такія *традыцыйныя прыёмы сямейнага выхавання*, як прыклад бацькоў, асабістая парада, падтрымка і апека дзіцяці характэрны для беларускага сямейнага выхавання і зараз, прычым

найбольш для шматдзетных сем'яў. Маральны ціск на дзіця, як і фізічныя пакаранні, мала характэрныя для традыцыйнага выхавання і на сучасным этапе выкарыстоўваюцца рэдка, пры гэтым прымяненне фізічных пакаранняў у меншай ступені характэрна для беларусаў. Вобраз жанчыны-маці займае важнае значэнне ў свядомасці ўсіх апытаных прадстаўнікоў, незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці, тыпу сям'і. Трансляцыя фальклорных твораў у значнай ступені характэрна для ўсіх тыпаў беларускіх сем'яў.

3. Асэнсаванне неабходнасці *фарміравання працоўных навываў і абавязкаў дзяцей* цалкам адпавядае традыцыйным сацыяльна-культурным каштоўнасцям арыенцірам беларускага этнасу. Той факт, што неабходнасць прылучэння дзяцей да хатняй работы ў большай ступені характэрныя для пашыранай сям'і, з'яўляецца вынікам сумеснага пражывання прадстаўнікоў старэйшага пакалення з малодшым ў межах адной сям'і, а, значыць, большай захаванасцю традыцый у сем'ях адзначанага тыпу. Атрыманая дазеныя сведчаць аб паступовым выключэнні традыцыйных рамёстваў з выхаваўчага працэсу, што, у сваю чаргу, істотна збядняе унутрысямейную сацыялізацыю дзяцей.

Выкарыстаная літаратура

1. Ракава, Л.В. Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы / Л.В. Ракава. – Мінск : Ураджай, 2000. – 111 с.

2. Якубінская, А. Дз. Традыцыйная сацыялізацыя дзяцей беларускіх сялян у другой палове XIX-першай палове XX ст. / А.Дз. Якубінская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 118 с.

3. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / рэдкал. В.К. Бандарчык [і інш.]. – Кн. 1. / рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 559 с.

4. Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / В.К. Бондарчик [и др.] редкол.: В.К. Бондарчик [и др.] – Минск: Наука и техника, 1987. – 379 с.

5. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X-начало XIX в.) / Н.Л. Пушкарёва. – М.: Ладомир, 1997. – 381 с.

6. Разумова, И.А. Потаённое знание современной русской семьи: быт, фольклор, история / И.А. Разумова. – М.: Индрик, 2001. – 376 с.

7. Сям'я і сямейны быт беларусаў / В.К. Бандарчык [і інш.] – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 256 с.

8. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве: вучэб.-метадычны дапамагалік / Т. А. Наваградскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 335с.

9. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник / В.Н. Добровольский // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии.– 1893. – Т. 23. – Вып. 1. – Ч. 2. – 443с.

Научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ
«ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»**

Подписано в печать 27.07.2012. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 10,73. Тираж 50. Заказ 798.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет. ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск